

ПСИХОЛОГИЯ

СОВРЕМЕННАЯ ЗАРУБЕЖНАЯ

Journal of Modern Foreign Psychology

2018. Том 7. № 4
2018. Vol. 7, no. 4

СОВРЕМЕННАЯ ЗАРУБЕЖНАЯ ПСИХОЛОГИЯ
Т. 7, № 4 / 2018

Тема номера:
Этнопсихология

Тематический редактор
О.Е. Хухлаев

JOURNAL OF MODERN FOREIGN PSYCHOLOGY

Московский государственный психолого-педагогический университет

Moscow State University of Psychology & Education

«СОВРЕМЕННАЯ ЗАРУБЕЖНАЯ ПСИХОЛОГИЯ»

Главный редактор
Т.В. Ермолова

Ответственный секретарь
В.В. Пономарева

Технический редактор
О.Н. Борисова

Редакционная коллегия

Ю.И. Александров, Т.В. Ахутина, Е.Л. Григоренко, О.В. Рубцова, Т.А. Баилова, И.А. Бурлакова, Т.М. Марютина, Е.А. Сергиенко, А.Б. Холмогорова, Е.Г. Дозорцева, Л.Ф. Обухова, Н.Г. Салмина, М.А. Сафронова, Е.О. Смирнова, Т.А. Строганова, Н.Н. Толстых, Е.В. Филиппова, В.С. Юркевич

Редакционный совет

Председатель
В.В. Рубцов

Заместитель председателя редакционного совета
А.А. Марголис

Члены редакционного совета
Г. Дэниэлс (Великобритания), П. Хаккарайнен (Финляндия)

Корректор Р.К. Лопина
Компьютерная верстка: М.А. Баскакова

УЧРЕДИТЕЛЬ

Московский государственный психолого-педагогический университет

Все права защищены.
Перепечатка материалов журнала и использование иллюстраций
возможны только с письменного разрешения редакции.

Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов публикаций.

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Введение

О.Е. Хухлаев

5

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Краткий обзор исследований зависти в зарубежной психологии: основные подходы и перспективы изучения в кросс-культурном аспекте

Е.В. Матусевич, Т.В. Кочетова

7

Межкультурные контакты и креативность: анализ зарубежных подходов

М.А. Бульцева, Н.М. Лебедева

15

Сравнительные количественные исследования национальной идентичности в современной социальной психологии

М.С. Фабрикант

22

Религия и межгрупповой конфликт: современные исследования религиозного фундаментализма

О.Е. Хухлаев, Е.А. Александрова, Е.В. Зыков

32

Психологические факторы ксенофобного поведения у подростков: зарубежные исследования

О.Д. Гурина

40

КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Психологическое консультирование мусульман: анализ зарубежных источников

О.С. Павлова

46

Вне тематики номера

КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Дистанционная когнитивно-поведенческая психотерапия синдрома раздраженного кишечника: специфика и эффективность

А.И. Мелёхин, Ю.С. Игнатенко

56

ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ

Игрушка как условный объект

И.А. Рябкова, Е.Г. Шеина

75

Наши авторы

82

CONTENTS

NOTES FROM EDITOR

Introduction <i>O.E. Khukhlaev</i>	5
---------------------------------------	---

SOCIAL PSYCHOLOGY

Foreign psychology studies of envy: a brief overview on main approaches and perspectives of studying in a cross-cultural aspect <i>E.V. Matusevich, T.V. Kochetova</i>	7
Intercultural contacts and creativity: an analysis of foreign approaches <i>M.A. Bultseva, N.M. Lebedeva</i>	15
Comparative quantitative study on national identity in contemporary social psychology <i>M.S. Fabrykant</i>	22
Religion and intergroup conflict: modern studies of religious fundamentalism <i>O.E. Khukhlaev, E.A. Alexandrova, E.V. Zikov</i>	32
The psychological factors of xenophobic behavior in adolescents: foreign studies <i>O.D. Gurina</i>	40

CLINICAL PSYCHOLOGY

Psychological counseling for muslims: the analysis of foreign literature <i>O.S. Pavlova</i>	46
---	----

Outside of the theme rooms

CLINICAL PSYCHOLOGY

Home-based cognitive behavioral psychotherapy in the treatment of irritable bowel syndrome: the specifics and effectiveness <i>A.I. Melehin, Yu.S. Ignatenko</i>	56
---	----

DEVELOPMENTAL PSYCHOLOGY

Toy as a conditional object <i>I.A. Ryabkova, E.G. Sheina</i>	75
--	----

Our authors	83
--------------------	----

КОЛОНКА РЕДАКТОРА NOTES FROM EDITOR

Введение

Хухлаев О.Е.,

кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования, Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Россия, huhlavae@mgppu.ru

Тематический номер «Этнопсихология» журнала «Современная зарубежная психология» посвящен обзору современных зарубежных исследований в области психологии культурных различий, межгруппового взаимодействия и культурно-ориентированной психологической помощи.

Этнопсихология уже давно перестала быть «психологией народов» (зародившейся в XIX веке); сейчас в ее задачу входят сравнительно-культурные психологические исследования, изучение связей между психологическими переменными и культурными общностями, а также анализ психологических аспектов межэтнических отношений.

Несмотря на общемировую тенденцию глобализации, не происходит превращения мира в единый социокультурный конгломерат, нивелирующий этнокультурные особенности. Наоборот, начиная с конца XX столетия мы наблюдаем так называемый «этнический парадокс современности», который проявляется в росте интереса к этнической культуре с одной стороны, и в повышении роли этнического фактора в межгрупповых конфликтах — с другой.

Первое исследование, представленное в тематическом номере, отражает сравнительно-культурный подход в этнопсихологии, обозначаемый на международном уровне термином «кросс-культурная психология». Обзор Е.В. Матусевич и Т.В. Кочетовой посвящен рассмотрению зависти как сложного когнитивно-эмоционально-мотивационного комплекса и психологической черты кросс-культурного характера с универсальной эволюционной сущностью. Авторы, с одной стороны, иллюстрируют универсальность феномена зависти, ее мотивов и механизмов актуализации, с другой — демонстрируют кросс-культурные различия данного комплекса при сравнении российской, американской и итальянской выборки.

Хотя кросс-культурные исследования позволяют раскрыть в том или ином психологическом феномене не только его культурные особенности, но и наиболее важные, универсальные составляющие, в текущей социальной ситуации на первый план все же выходит изучение возможностей предотвращения межгрупповой конфликтности, связанной с культурными различиями.

О.Д. Гурина представляет результаты зарубежных исследований последних лет, посвященных изучению ксенофобского поведения подростков. Рассмотрены психологические и иные факторы, препятствующие и/или способствующие формированию ксенофобского поведения. Данные исследования затрагивают сферу личностных и индивидуально-психологических особенностей подростков, их воздействие на поведение при контактах с представителями «чужих» групп.

В настоящее время этнопсихологи выходят за рамки изучения этничности как таковой, понимая, что в повседневной реальности этничность тесно переплетена с другими аспектами культурных различий, в том числе с религией. О.Е. Хухлаев, Е.А. Александрова, Е.В. Зыков представляют аналитический обзор современных исследований религиозного фундаментализма как наиболее изученного аспекта религиозности, прогнозирующего межгрупповую враждебность. Авторы приводят доказательную базу в пользу того, что роль религиозного фундаментализма в конфликте крайне неоднозначна и сильно зависит как от особенностей ситуации (например, характера прайминга религиозными текстами), так и от ее культурного контекста.

Социальная (этническая, религиозная, национальная идентичность) играет важную роль в межгрупповом противостоянии. В статье М.С. Фабрикант представлен обзор количественных исследований национальной идентичности в современной социальной психологии. При том, что национальная идентичность — это объект исследования широкого круга социальных наук (от социологии до истории), автор показывает особый вклад психологии в данное направление, и анализирует возможные перспективы его увеличения.

Кроме поиска причин межгрупповой враждебности есть не менее важная задача изучения механизмов улучшения межгрупповых отношений. Магистральное направление оптимизации межгруппового общения — это межкультурный контакт. Его результативность доказана в многочисленных исследованиях. Однако М.А. Бульцева и Н.М. Лебедева показывают новые аспекты изучения данного феномена, демонстрируя читателю, что межкультурный контакт стимулирует

тивность. На основе представленных в зарубежной литературе подходов к объяснению позитивного влияния межкультурного контакта на креативность, авторы выделяют четыре основные группы факторов влияния межкультурного контакта на креативность: когнитивные, связанные с новыми знаниями и их обработкой; связанные с самоопределением и межгрупповыми отношениями в гетерогенном обществе; связанные с аккультурацией; личностные.

Emic-подход в этнопсихологии, ориентированный на погруженное изучение одной культурной среды, отражается в материале, имеющем высокое практическое значение, которое невозможно недооценить. О.С. Павлова представляет анализ зарубежных источников, в которых описана специфика психологического консультирования мусульман. Автор показывает, что

данная область психологической практики — это профессиональная психологическая помощь с использованием знаний об особенностях веры клиента, значимых для его личности: его религиозных убеждений, религиозного языка, сакральных историй и преданий, ритуальных практик, а также традиций и обычаев мусульманских народов.

Таким образом, в данном номере представлен широкий спектр этнопсихологических исследований, позволяющий читателю по-новому взглянуть на многие актуальные проблемы современного мира и принять к сведению информацию о психологических инструментах, повышающих эффективность их решения.

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ SOCIAL PSYCHOLOGY

Краткий обзор исследований зависти в зарубежной психологии: основные подходы и перспективы изучения в кросс-культурном аспекте

Матусевич Е.В.,

кандидат культурологических наук, преподаватель университета Гумбольта, Калифорния, США,
elena.matusевич@gmail.com

Кочетова Т.В.,

кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии управления, факультет социальной психологии,
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия,
kochetovatv@gmail.com

В статье рассматривается зависть как сложный психологический феномен, имеющий структуру и изучение которого может быть представлено как минимум в четырех аспектах: динамическом, содержательном, структурном и кросс-культурном. Подчеркивается, что основным механизмом актуализации данного психологического феномена выступает социальное сравнение, в результате чего субъект чувствует и осознает свое или чужое превосходство. Зависть может полностью осознаваться человеком, а может на бессознательном уровне побуждать его к действию в качестве основы мотивов деятельности. Формы переживания чувства зависти носят индивидуальный характер, могут меняться и трансформироваться с течением времени в зависимости от того, что является ценным для человека в данный момент. При этом зависть является неустранимым элементом общественной жизни человека, может выполнять важную функцию в адаптации человека в социуме.

Ключевые слова: зависть; чувство зависти; проявления зависти; социальное сравнение; универсальная психологическая черта, шкала диспозициональной зависти (DES).

Для цитаты:

Матусевич Е.В., Кочетова Т.В. Краткий обзор исследований зависти в зарубежной психологии: основные подходы и перспективы изучения в кросс-культурном аспекте [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2018. Том 7. № 4. С. 7—14. doi: 10.17759/jmfp.2018070401

For citation:

Matusевич E.V., Kochetova T.V. Foreign psychology studies of envy: a brief overview on main approaches and perspectives of studying in a cross-cultural aspect [Elektronnyi resurs]. *Journal of Modern Foreign Psychology*, 2018, vol. 7, no. 4, pp. 7—14. doi: 10.17759/jmfp.2018070401 (In Russ.; Abstr. in Engl.).

Введение

Анализ работ, посвященных проблематике зависти, показывает, что исследование данного психологического феномена для современной психологической науки не является чем-то новым, особенным и уникальным.

Действительно, зависть уже давно оказывается в фокусе внимания самых различных отраслей психологического знания. Так, например, изучаются предметы зависти, поведенческие проявления зависти и личностные особенности, которые лежат в их основе, социально-психологические детерминанты зависти и др.

Предельно обобщая имеющиеся в этом направлении исследования, можно заключить, что зависть рассматривается в качестве сложного когнитивно-эмоционально-мотивационного комплекса [10; 15; 17], а

также определенной психологической черты кросс-культурного характера, имеющей универсальную, эволюционную природу [15].

К таким универсальным психологическим чертам можно отнести: ревность, игру, обман, юмор, соперничество в брачном поведении, чувство собственности, жадность, коллективизм и другие. Эти черты — «универсальные сходства» — являются результатом взаимодействия факторов наследственности и среды, сформировались они в ходе длительного процесса эволюции человека и проявляют себя в самом широком диапазоне социальных ситуаций [3; 6; 19].

Авторы, занимающиеся изучением зависти, выделяют при ее рассмотрении, как минимум, четыре аспекта:

1) динамический, описывающий динамику и смену эмоций и эмоциональных состояний, характеризующих проявления зависти;

2) содержательный, позволяющий «очертить» границы данного психологического феномена, его отличие от других сходных феноменов (в частности, ревности);

3) структурный, позволяющий выделить различные уровни зависти как свойства личности;

4) кросс-культурный, подразумевающий изучение особенностей проявлений зависти в зависимости от типа культуры.

Рассмотрение зависти как психологического феномена в перечисленных четырех аспектах и является целью настоящей статьи.

Динамический аспект рассмотрения зависти

Корни исследования динамического аспекта зависти уходят в историческую традицию, заложенную И. Кантом в «Метафизике морали», где при описании зависти использован термин «страсть», а не «эмоция». Именно такой термин указывает на то, что зависть представляет собой сложный, интенсивный, длительный опыт, а не краткосрочную эмоцию [3; 17].

В начале прошлого века французский психолог Т. Рибо в своей работе «Эссе страстей» подчеркивал, что страсть может усиливаться, «прогрессировать», выражаться в самых различных способах проявления, а зависть направлена на то, чтобы «скрывать себя», поскольку люди пытаются справиться с ней, не демонстрируя другим [3; 17].

Современные исследователи сходятся во мнении, что зависть не является каким-то отдельным краткосрочным эмоциональным «эпизодом», а развивается и сопровождается длительным опытом сильного эмоционального переживания, порождающим устойчивое во времени чувство или целый комплекс чувств.

Так, человек, испытывающий чувство зависти, может сопротивляться искушению нарушать определенные этические нормы и правила; в силу этого во время такого сопротивления зависть будет усиливаться или, наоборот, уменьшаться. Оценка своего эмоционального состояния человеком, степень интенсивности зависти будет существенно зависеть от протяженности времени проживания этого чувства, а также от специфики ситуации, когда, например, завистник сокращает разрыв — добивается успехов — между собой и другим субъектом, имевшим преимущество, ранее ставшее объектом зависти [3].

Исходной точкой — началом — развития зависти является негативная реакция, возникшая в результате бессознательного и осознанного сравнения субъектом себя и другого, именно поэтому некоторые авторы отмечают социальный характер данного чувства [8].

С точки зрения психодинамических теорий личности зависть может возникать как «боль» в результате социального сравнения, из-за оценки собственной неполноценности, и через какое-то время проявить себя в деструктивном, а иногда и конструктивном поведении [20].

С течением времени оценки человеком самого себя будут меняться, это неизбежно приведет к тому, что и чувство зависти будет трансформироваться, а в отдельных случаях оно вообще может совсем «рассеяться» [20].

Важно подчеркнуть, что такая трансформация чувства зависти неразрывно связана с мотивационной сферой, а конкретные ее проявления в поведении направлены на то, чтобы «сократить» разрыв между завистником и другим — тем, кому завидуют.

Авторы подчеркивают, что зависть, в отличие, например, от романтической ревности, «не просто приходит и уходит», а постоянно присутствует в той или иной степени и направляет поведение человека в русло поиска приемов и способов достижения успеха, участвует в формировании мотивов действий.

Другими словами, зависть может играть и положительную роль, поскольку она помогает человеку успешно решать задачу адаптации в пространстве социальных отношений, продвижения в иерархии статусов, постоянно сравнивая себя с окружающими [21; 22].

Содержательный аспект рассмотрения зависти

Содержательный аспект изучения зависти подразумевает определение понятия зависти, его сходства и его различия с другими эмоциями сходного характера.

В наиболее общем виде зависть трактуется как состояние ненависти, которое проецируется на другого человека или группу, обладающих ресурсами, некими преимуществами и возможностями по сравнению с тем субъектом, который зависть испытывает.

Упомянутые преимущества могут быть физическими, материальными, социальными и другими, но главное, что для субъекта зависти они обладают высокой степенью значимости [3; 17].

Так, предметом зависти могут стать молодость, физическая привлекательность, интеллектуальные способности, материальное обеспечение, власть, успех и многое другое.

Однако, проводя анализ работ, посвященных изучению содержательного аспекта зависти, приходится констатировать недостаточную разработанность данного понятия, а также малое количество различных психодиагностических методов для комплексного изучения зависти как сложного психологического феномена.

Возможно, данное обстоятельство напрямую связано с тем, что различные авторы трактуют зависть по-разному и рассматривают совершенно различные особенности ее проявления, что создает путаницу и не позволяет дифференцировать зависть от других сложных социальных эмоций.

Так, можно обнаружить большое количество исследований эмпирического характера, в которых рассматриваются многочисленные корреляционные взаимосвязи зависти с различными психологическими особенностями, при этом основной акцент делается на

изучение психических свойств, сопряженных так или иначе с завистью.

Среди таких исследований в качестве объектов изучения можно привести следующие взаимосвязи чувств: зависти и страха быть отвергнутым определенной социальной общностью [4, 9, 17]; зависти и враждебности [5; 19; 24]; зависти и справедливости [5; 7; 16; 23].

Авторы данных исследований подчеркивают деструктивный характер зависти и показывают, что в комплексе с другими деструктивными чувствами зависть может предопределять склонность человека к девиантному поведению [17].

Еще одним примером подобных исследований можно считать изучение взаимосвязей зависти и чувства обиды.

В исследованиях подчеркивается, что эти чувства способны усиливать друг друга в ситуациях, когда человек «испытывает острую неприязнь» к кому-либо, кто имеет какие-то преимущества или обладает чем-то, чего нет у завистника.

В одной из работ, обнаруженных нами, не представлен конкретный контекст и содержание обиды и зависти, но подчеркивается, что чувство обиды подразумевает и чувство, которое воспринимается и оценивается человеком как «что-то не так сделано/как-то неправильно со мной поступили»; такое чувство может быть взаимосвязано с чувством зависти, когда человек стремится избавиться от обиды и начинает действовать, чтобы «обойти» обидчика и доказать ему свое преимущество в чем-либо [3].

Весьма интересными исследованиями зависти в содержательном аспекте оказались работы, посвященные изучению взаимосвязи зависти и чувства стыда [2; 11; 12; 14].

В таких работах подчеркивается, что стыд, может являться результатом собственной неудачи, неуспеха, базироваться на чувстве неполноценности, а может быть связан с социальными ожиданиями успеха и социального положения в статусной иерархии. Вне зависимости от его причины считается, что стыд, связанный с неполноценностью, приводит к тому, что он порождает различные приемы и способы для того, чтобы справиться с «позором» и социальной отверженностью, которая вызывается этим позором [13].

В работах подчеркивается, что не представляется возможным четко и однозначно ответить на вопрос, как взаимосвязаны стыд и зависть в некоторых ситуациях, например, трудно измерить глубоко укоренившийся позор, глобальное чувство «плохости» или неполноценности и то, как оно может повлиять на проявления зависти в различных социальных контекстах [10].

Действительно, любое острое чувство неполноценности может быть спровоцировано на переживание этого позора с его разрушительными последствиями [10].

Далее авторы утверждают, что исследовать зависть только в «чистой» форме, игнорируя чувства стыда, было бы неверным, поскольку исключение стыда от пережива-

ний зависти может во многих случаях приводить к неспособности оценить существенную часть переживаний, связанных с проявлениями зависти, а переживание позора является важной исходной точкой для появления чувства враждебности и зависти к окружающим [13].

Говоря об исследованиях, которые посвящены содержательному аспекту зависти, невозможно не выделить ряд работ, которые рассматривают проявления зависти и выделяют в них «деструктивную» и «конструктивную» зависть или «злонамеренный» и «доброкачественный» типы зависти [13].

Так, к первому типу можно следует отнести отрицательную форму проявления зависти, которая может сопровождаться очень сильными негативными эмоциями с выраженной тенденцией к совершению злонамеренных действий для устранения успеха другого человека, достижения превосходства над ним.

В основе второго типа зависти лежит направленность личности к самосовершенствованию, стремление к саморазвитию за счет достижения новых результатов и успехов в жизни.

Такой тип зависти можно трактовать как социально-адаптационный вариант проявлений зависти, который являющийся источником мотивации достижения, развития конкурентоспособности и стимулом творческой активности индивида: успех другого выступает в качестве «мотиватора» для собственного продвижения и роста [4; 13].

Таким образом, анализируя исследования зависти в данном направлении, можно констатировать наличие парадоксальной ситуации: с одной стороны, в большом количестве работ зависть и ее проявления выступают в качестве предметной области; с другой — авторы отмечают трудность в определении самого понятия «зависть» и невозможности его четкого разграничения с другими психологическими особенностями, имеющими сходную природу [17].

Структурный аспект рассмотрения зависти

Рассмотрение зависти в структурном аспекте предполагает ее изучение как сложного комплексного феномена, в котором выделяются различные уровни (подуровни), а также отдельные элементы, которые взаимосвязаны и объединены между собой в единую целостную структуру.

Итак, к первому уровню зависти относится бессознательная (неосознаваемая) зависть. Она не осознается самим завистником, но при этом запускает в действие защитные механизмы личности, которые позволяют человеку справиться с негативными и травмирующими переживаниями, возникающими в ходе сравнения себя с окружающими иными.

Ко второму уровню зависти исследователи относят осознанную зависть, которая хорошо понимается и осознается завистником и при осознанном переживании чувства зависти человек способен оценить свое

положение как более ущербное и ущемленное по отношению к другому [3; 6; 17].

Ряд исследователей выделяют различные элементы, или как они их называют, «эпизоды» зависти, связанные не столько с временным промежутком переживания опыта завидующего, сколько с качественными характеристиками проявлений зависти на эмоциональном, когнитивном и поведенческом уровнях.

Так, например, «эпизод» переживания зависти на эмоциональном уровне включает в себя острые эмоции и чувства, связанные с ненавистью и неприятием ущемления себя в чем-либо.

«Эпизод» оценки и осознания своей зависти по отношению к другому субъекту характеризуется наличием различных когниций и представлений о негативном характере переживаний, противоречащим социальным нормам и стремлением скрывать их.

И, наконец, «эпизод» проявления зависти в поведении, который выражается в злонамеренных действиях по отношению к объекту зависти (человеку или группе), с целью причинения вреда и нанесения ущерба [2].

При этом данные эпизоды могут последовательно сменять друг друга, и на каждом из перечисленных уровнях чувство зависти может развиваться и нарастать, а может «рассеяться» и даже совсем сойти на нет.

Ряд авторов выделяет в структуре зависти несколько взаимосвязанных компонентов: социальное сравнение себя с другим или другими; восприятие превосходства другого над самим собой; острое переживание «позора» и унижения; неприязнь, враждебное отношение или ненависть к другому (объекту зависти); стремление причинить вред и лишиться объект зависти предмета превосходства, ущемление его [6; 15; 17].

В организационном контексте последние компоненты зависти можно проследить в том, как сотрудники, имеющие зависть в качестве мотива, пытаются создавать ситуации, мешающие карьерному росту друг друга, выстраивают интриги, провоцируют организационные конфликты по отношению к тому, кто более успешен, и кому завидуют [4; 5].

Обобщая исследований зависти в структурном аспекте, можно заключить: авторы, занимающиеся данной проблематикой, подчеркивают, что зависть не является простой и однородной, а имеет свою структуру, которая может быть описана и представлена в модели этого сложного когнитивно-эмоционально-мотивационного комплекса [15; 17].

Кросс-культурный аспект рассмотрения зависти

Исследования зависти в кросс-культурном аспекте обусловлено прежде всего тем, что она обеспечивается действием механизма социального сравнения, который присущ всем без исключения культурам, поскольку

ку они всегда организованы иерархически и, имея различные уровни статусной иерархии, обязательно порождают сравнение на «социальной лестнице».

Именно поэтому зависть рассматривается как универсальная психологическая черта, которая присуща всем без исключения культурам, независимо от уровня их развития [3; 17].

В этом контексте представляется вполне логичным рассмотрение кросс-культурных проявлений зависти и изучение приемов и способов — устойчивых поведенческих паттернов, которые и характеризуют проявления зависти во всем многообразии социального поведения человека [3].

В современной зарубежной психологии проблема зависти в кросс-культурном аспекте представлена в работах различных авторов, придерживающихся разных подходов и научных школ [3].

Важным в исследовании зависти как универсальной психологической черты является изучение ее психофизиологической основы, поскольку биологические параметры человека являются видовым признаком и присущи всем без исключения людям.

Так, например, было показано, что переживание чувства зависти значимо коррелирует с такими физиологическими показателями, как частота сердечных сокращений [по статье: 17], это наблюдение может служить основой для проведения дальнейших исследований в данном направлении.

Необходимо также подчеркнуть, что и культурные традиции накладывают свой отпечаток на проявления зависти, так, например, в культурах индивидуалистической направленности чувство зависти может актуализироваться необходимостью достаточно «жесткого» социального соревнования, тогда как в культурах коллективистической направленности такое соревнование может быть не настолько острым и зависть низкая степень интенсивности зависти может быть обусловлена высокой включенностью индивида в группу, в социальную общность [4; 5; 24].

Для исследования зависти как универсальной психологической черты, присущей всем без исключения людям, но имеющей различный уровень в зависимости от особенностей личности был разработана так называемая диспозициональная шкала зависти — DES (Dispositional Envy Scale).

В основе данной шкалы лежит представление о зависти как устойчивой личностной характеристике человека, которая может быть операционализирована и измерена¹.

Пилотное исследование зависти в кросс-культурном аспекте

Нами (совместно с обучающимися в магистратурах факультета социальной психологии МГППУ)

¹ Шкала DES, описание результатов ее использования, а также материалы статей и работ, которые были положены в основу настоящей статьи, были получены нами непосредственно от автора данного диагностического инструмента.

была предпринята попытка пилотажного исследования зависти, участниками которого явились представители трех различных культур, составивших три независимые выборки: российская (116 человек), американская (81 человек), итальянская (32 человека).

Все участники исследования были обучающимися в системе высшего и профессионального образования (университеты, институты и колледжи), то есть состав общей выборки был достаточно однородным.

В качестве основной методики выступала шкала DES (Dispositional Envy Scale), разработанная Р. Смитом и его коллегами [3; 6; 15; 16; 17; 18; 19]. Настоящая шкала позволяет измерить степень интенсивности зависти у субъекта, а задачей настоящего пилотажного исследования явилась апробация данного диагностического инструмента на трех разных культурах.

В ходе исследования было установлено следующее:

- коэффициенты α -Кронбаха на рассматриваемых выборках находились в пределах 0.79—0.83, что может

свидетельствовать о достаточно высокой степени однородности пунктов данной шкалы;

- выявлены существенные значимые различия в зависти между российской и американской выборкой (Т-критерий: от 2,51 до 5,08 при уровне статистической значимости $p < 0,05$);

Предельно обобщая результаты проведенного пилотажного исследования, стоит сказать, что в силу имеющегося количественного состава общей выборки достаточно трудно сделать окончательные выводы относительно универсальности зависти, ее структуры и динамики в различных культурах.

Можно констатировать, что целью данного исследования стала первичная апробация шкалы диспозиционной зависти, точнее, ее русифицированной версии на российской выборке.

Хочется надеяться, что этот первый шаг послужит основанием для дальнейших перспективных исследований зависти как сложного феномена, изучение которого будет способствовать расширению представлений об универсальных психологических чертах человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Bonovitz C. Comparative perspectives on envy: A reconsideration of its developmental origins // *Contemporary Psychoanalysis*. 2010. Vol. 46. № 3. P. 423—438. doi:10.1080/00107530.2010.10746070
2. Cohen-Charash Y. Episodic envy // *Journal of Applied Social Psychology*. 2009. Vol. 39. № 9. P. 2128—2170. doi:10.1111/j.1559-1816.2009.00519.x
3. Dispositional envy / R.H. Smith [et al.] // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1999. Vol. 25. № 8. P. 1007—1020. doi:10.1177/01461672992511008
4. Dogan K., Vecchio R.P. Managing envy and jealousy in the workplace // *Compensation & Benefits Review*. 2001. Vol. 33. № 2. P. 57—64. doi:10.1177/08863680122098298
5. Duffy M.K., Shaw J.D., Schaubroeck J.M. Envy in organizational life // *Envy: Theory and research* / Eds. R.H. Smith. New York: Oxford University Press, 2001. P. 167—189. doi:10.1093/acprof:oso/9780195327953.003.0010
6. Envy and schadenfreude / R. Smith [et al.] // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1996. Vol. 22. № 2. P. 158—168. doi:10.1177/0146167296222005
7. Folger R., Martin C. Relative deprivation and referent cognitions: Distributive and procedural justice effects // *Journal of Experimental Social Psychology*. 1986. Vol. 22. № 6. P. 531—546. doi:10.1016/0022-1031(86)90049-1
8. Frijda N.H., Kuipers P., Terschure E. Relations among emotion, appraisal, and emotional action readiness // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1989. Vol. 57. № 2. P. 212—228. doi:10.1037//0022-3514.57.2.212
9. Keltner D., Haidt J. Approaching awe, a moral, spiritual, and aesthetic emotion // *Cognition and Emotion*. 2003. Vol. 17. № 3. P. 297—314. doi:10.1080/026999303022297
10. Morrison A.P., Lansky M.R. Shame and envy // *Jealousy and envy: New views about two powerful feelings* / Eds. L. Wurmser, H. Jarass. New York: The Analytic Press, 2008. P. 179—187.
11. Parrott W.G. The emotional experiences of envy and jealousy // *The psychology of jealousy and envy* / Ed. P. Salovey. New York: Guilford, 1991. P. 3—30.
12. Parrott W.G., Smith R.H. Distinguishing the experiences of envy and jealousy // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1993. Vol. 64. № 6. P. 906—920. doi:10.1037/0022-3514.64.6.906
13. Poulson C. Shame and work // *Emotions in organizational life* / Eds. N. Ashkanazy, C. Hartel, W. Zerbe. Westport, CT: Quorum Books, 2000. P. 250—271.
14. Shame proneness and guilt proneness: Toward the further understanding of reactions to public and private transgressions / S.A. Wolf [et al.] // *Self & Identity*. 2010. Vol. 9. № 4. P. 337—362. doi:10.1080/15298860903106843
15. Smith R.H. Assimilative and contrastive emotional reactions to upward and downward social comparisons // *Handbook of social comparison: Theory and research* [Электронный ресурс] / Eds. J. Suls, L. Wheeler. New York: Plenum, 2000. P. 173—200. URL: <https://psychology.as.uky.edu/sites/default/files/Smith2000.pdf> (дата обращения: 13.12.2018).
16. Smith R.H. Envy and the sense of injustice // *The psychology of jealousy and envy* / Ed. P. Salovey. New York: Guilford Press, 1991. P. 79—99.
17. Smith R.H., Combs D.J.Y., Thielke S.M. Envy and the challenges to good health // *Envy: Theory and research* / Ed. R.H. Smith. New York, NY: Oxford University Press, 2008. P. 290—314. doi:10.1093/acprof:oso/9780195327953.003.0016

18. *Smith R.H., Kim S.H.* Comprehending Envy // *Psychological Bulletin*. 2007. Vol. 133. № 1. P. 46—64. doi:10.1037/0033-2909.133.1.46
19. Subjective injustice and inferiority as predictors of hostile and depressive feelings in envy / R.H. Smith [et al.] // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1994. Vol. 20. № 6. P. 705—711. doi:10.1177/0146167294206008
20. *Tai K., Narayanan J., McAllister D.J.* Envy as pain: Rethinking the nature of envy and its implications for employees and organizations // *Academy of Management Review*. 2012. Vol. 37. № 1. P. 107—129. doi:10.5465/amr.2009.0484
21. *van de Ven N., Zeelenberg M., Pieters R.* Leveling up and down: the experiences of benign and malicious envy // *Emotion*. 2009. Vol. 9. № 3. P. 419—429. doi:10.1037/a0015669
22. *van de Ven N., Zeelenberg M., Pieters R.* Why envy outperforms admiration // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2011a. Vol. 37. № 6. P. 784—795. doi:10.1177/0146167211400421
23. *Vecchio R.P.* Explorations in employee envy: Feeling envious and feeling envied // *Cognition and Emotion*. 2005. Vol. 19. № 1. P. 69—81. doi:10.1080/02699930441000148
24. *Vecchio R.P.* Negative emotion in the workplace: Employee jealousy and envy [Электронный ресурс] // *International Journal of Stress Management*. 2000. Vol. 7. № 3. P. 161—179. URL:<https://link.springer.com/content/pdf/10.1023%2FA%3A1009592430712.pdf> (дата обращения: 13.12.2018).

Foreign psychology studies of envy: a brief overview on main approaches and perspectives of studying in a cross-cultural aspect

Matusevich E.V.,

*candidate of cultural sciences, lecturer at the Humboldt State University, California, USA,
elena.matusevich@gmail.com*

Kochetova T.V.,

*candidate of psychological sciences, associate professor at the chair of management psychology, faculty of social psychology,
Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia,
kochetovatv@gmail.com*

In this article envy is considered as a complex psychological phenomenon that has a structure and at least four aspects of which can be represented in a study: dynamic, pithful, structural and cross-cultural. It is emphasized that the main mechanism of the actualization of this psychological phenomenon is social comparison, as a result of which the subject feels and realizes his or someone else's superiority. Person can be fully aware of envy, but, at an unconscious level, it can, as a basis of the activity motives, provoke him to act. Forms of experiencing envy as a feeling are individual, they can change and transform over time, depending on what is valuable to the person at the moment. At the same time, envy is an unavoidable element of the social life of a person; it can perform an important function in the adaptation of a person in society.

Keywords: envy; envy as a feeling; manifestations of envy; social comparison; universal psychological trait, dispositional envy scale (DES).

REFERENCES

1. Bonovitz C. Comparative perspectives on envy: A reconsideration of its developmental origins. *Contemporary Psychoanalysis*, 2010, vol. 46, no. 3, pp. 423—438. doi:10.1080/00107530.2010.10746070
2. Cohen-Charash Y. Episodic envy. *Journal of Applied Social Psychology*, 2009, vol. 39, no. 9, pp. 2128—2170. doi:10.1111/j.1559-1816.2009.00519.x
3. Smith R.H. et al. Dispositional envy. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 1999, vol. 25, no. 8, pp. 1007—1020. doi:10.1177/01461672992511008
4. Dogan K., Vecchio R.P. Managing envy and jealousy in the workplace. *Compensation & Benefits Review*, 2001, vol. 33, no. 2, pp. 57—64. doi:10.1177/08863680122098298
5. Duffy M.K., Shaw J.D., Schaubroeck J.M. Envy in organizational life. In Smith R.H. (ed.) *Envy: Theory and research*. New York: Oxford University Press, 2001, pp. 167—189. doi:10.1093/acprof:oso/9780195327953.003.0010
6. Smith R. et al. Envy and schadenfreude. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 1996, vol. 22, no. 2, pp. 158—168. doi:10.1177/0146167296222005
7. Folger R., Martin C. Relative deprivation and referent cognitions: Distributive and procedural justice effects. *Journal of Experimental Social Psychology*, 1986, vol. 22, no. 6, pp. 531—546. doi:10.1016/0022-1031(86)90049-1
8. Frijda N.H., Kuipers P., Terschure E. Relations among emotion, appraisal, and emotional action readiness. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1989, vol. 57, no. 2, pp. 212—228. doi:10.1037//0022-3514.57.2.212
9. Keltner D., Haidt J. Approaching awe, a moral, spiritual, and aesthetic emotion. *Cognition and Emotion*, 2003, vol. 17, no. 3, pp. 297—314. doi:10.1080/026999303022297
10. Morrison A.P., Lansky M.R. Shame and envy. In Wurmser L., Jarass H. (eds.) *Jealousy and envy: New views about two powerful feelings*. New York: The Analytic Press, 2008, pp. 179—187.
11. Parrott W.G. The emotional experiences of envy and jealousy. In Salovey P. (ed.) *The psychology of jealousy and envy*. New York: Guilford, 1991, pp. 3—30.
12. Parrott W.G., Smith R.H. Distinguishing the experiences of envy and jealousy. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1993, vol. 64, no. 6, pp. 906—920. doi:10.1037/0022-3514.64.6.906
13. Poulson C. Shame and work. In Ashkanazy N., Hartel C., Zerbe W. (eds.) *Emotions in organizational life*. Westport, CT: Quorum Books, 2000, pp. 250—271.
14. Wolf S.A. et al. Shame proneness and guilt proneness: Toward the further understanding of reactions to public and private transgressions. *Self & Identity*, 2010, vol. 9, no. 4, pp. 337—362. doi:10.1080/15298860903106843
15. Smith R.H. Assimilative and contrastive emotional reactions to upward and downward social comparisons. In Suls J., Wheeler L. (eds.) *Handbook of social comparison: Theory and research* [Elektronnyi resurs]. New York: Plenum, 2000, pp. 173—200. Available at: <https://psychology.as.uky.edu/sites/default/files/Smith2000.pdf> (Accessed 13.12.2018).

16. Smith R.H. Envy and the sense of injustice. In Salovey P. (ed.) *The psychology of jealousy and envy*. New York: Guilford Press, 1991, pp. 79—99.
17. Smith R.H., Combs D.J.Y., Thielke S.M. Envy and the challenges to good health. In Smith R.H. (ed.) *Envy: Theory and research*. New York, NY: Oxford University Press, 2008, pp. 290—314. doi:10.1093/acprof:oso/9780195327953.003.0016
18. Smith R.H., Kim S.H. Comprehending Envy. *Psychological Bulletin*, 2007, vol. 133, no. 1, pp. 46—64. doi:10.1037/0033-2909.133.1.46
19. Smith R.H. et al. Subjective injustice and inferiority as predictors of hostile and depressive feelings in envy. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 1994, vol. 20, no. 6, pp. 705—711. doi:10.1177/0146167294206008
20. Tai K., Narayanan J., McAllister D.J. Envy as pain: Rethinking the nature of envy and its implications for employees and organizations. *Academy of Management Review*, 2012, vol. 37, no. 1, pp. 107—129. doi:10.5465/amr.2009.0484
21. van de Ven N., Zeelenberg M., Pieters R. Leveling up and down: the experiences of benign and malicious envy. *Emotion*, 2009, vol. 9, no. 3, pp. 419—429. doi:10.1037/a0015669
22. van de Ven N., Zeelenberg M., Pieters R. Why envy outperforms admiration. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2011a, vol. 37, no. 6, pp. 784—795. doi:10.1177/0146167211400421
23. Vecchio R.P. Explorations in employee envy: Feeling envious and feeling envied. *Cognition and Emotion*, 2005, vol. 19, no. 1, pp. 69—81. doi:10.1080/02699930441000148
24. Vecchio R.P. Negative emotion in the workplace: Employee jealousy and envy [Elektronnyi resurs]. *International Journal of Stress Management*, 2000, vol. 7, no. 3, pp. 161—179. Available at:<https://link.springer.com/content/pdf/10.1023%2FA%3A1009592430712.pdf> (Accessed 13.12.2018).

Межкультурные контакты и креативность: анализ зарубежных подходов

Бульцева М.А.,

аспирант, аспирантская школа по психологии, факультет социальных наук, стажер-исследователь международной научно-учебной лаборатории социокультурных исследований Экспертного института, НИУ ВШЭ, Москва, Россия, mbultseva@hse.ru

Лебедева Н.М.,

доктор психологических наук, профессор, департамент психологии, факультет социальных наук, заведующая международной научно-учебной лаборатории социокультурных исследований Экспертного Института, НИУ ВШЭ, Москва, Россия, nlebedeva@hse.ru

В статье рассматривается тема взаимосвязи межкультурного взаимодействия и креативности. Данная тема является сейчас весьма актуальной в зарубежных психологических исследованиях и получила широкое освещение. Множество исследований установило, что в целом межкультурный контакт является стимулирующим для креативности, однако единой модели, описывающей механизм формирования данного эффекта, выявлено не было. На основе представленных в зарубежной литературе подходов к объяснению позитивного влияния межкультурного контакта на креативность, были выделены четыре основные группы факторов влияния межкультурного контакта на креативность: когнитивные факторы, связанные с новыми знаниями и их обработкой; факторы, связанные с самоопределением и межгрупповыми отношениями в гетерогенном обществе; факторы аккультурации; личностные факторы.

Ключевые слова: межкультурные контакты, креативность.

Для цитаты:

Бульцева М.А., Лебедева Н.М. Межкультурные контакты и креативность: анализ зарубежных подходов [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2018. Том 7. № 4. С. 15—21. doi:10.17759/jmfp.2018070402

For citation:

Bultseva M.A., Lebedeva N.M. Intercultural contacts and creativity: the analysis of foreign approaches [Elektronnyi resurs]. *Journal of Modern Foreign Psychology*, 2018, vol. 7, no. 4, pp. 15—21. doi: 10.17759/jmfp.2018070402 (In Russ.; Abstr. in Engl.).

По мнению исследователей, креативность служит одновременно реактивным (то есть реагирующим на возникающие стимулы) и проактивным (то есть создающим новые возможности) двигателем эволюции человечества. Креативность обычно ассоциируют с успехом, новизной и прогрессом. А повышение уровня креативности является важной целью не только для обеспечения благополучия отдельного человека, но и для успешного функционирования общества. Поэтому существующие социальные институты в целом и высшие учебные заведения в частности, помимо их традиционных образовательных направлений деятельности, так или иначе занимаются или должны заниматься решением актуальной задачи стимулирования креативности их участников [34]. С каждым годом увеличивается количество проводимых исследований, посвящённых креативности, при этом основной тренд в изменении тематик исследований состоит в переходе от описательных к прикладным исследованиям, и от прикладных к прогностическим [36]. В свете вышесказанного изучение условий и факторов, выражающихся через механизмы индивидуальных, социальных и культурных влияний, которые воздействуют на креативность и способствуют расширению творческих возможностей — это довольно новая,

значимая и стимулирующая тема для психологов [37]. Изучение креативности в условиях межкультурных контактов — активно развивающееся в данный момент направление исследований.

Прежде чем обратиться непосредственно к данной теме, необходимо кратко рассмотреть, что же такое креативность и в контексте каких факторов её можно изучать. Интерес к творчеству и к тому, что лежит в его основе, возник еще в античные времена, и долгое время понимание творчества базировалось на философских основаниях [1]. В зарубежной психологии исследование креативности началось задолго до 50-х годов прошлого века, но обычно сам этот термин связывают с именем Дж.П. Гилфорда (J.P. Guilford). В этом его «первом» подходе креативность определялась как естественный «природный ресурс» [28]. Стоит отметить, что интерес к этой теме не затухал, и со временем появилось и про-должает появляться в наше время всё больше исследований, посвященных креативности, но анализирующих ее уже с точки зрения разных разделов психологии.

Для того чтобы систематизировать все подходы к креативности, и вывести на их основе наиболее всеохватывающее определение, исследователь Родс (Rhodes) предложил систему четырех «П» [2]. Первое «П» в этой

системе означает личность, которая создает (personality). Ученые, придерживавшиеся этой точки зрения, определяли креативность, как способность, черту характера, или даже часть интеллекта. Второе «П» в данной системе означает процесс создания (process) творческого продукта. Ученые, придерживавшиеся этого направления, изучали креативность с точки зрения процессуального подхода, связи внутренних характеристик личности с их реализацией в творческом процессе, с определенным творческим поведением и решением творческих проблем и задач. Третье «П» в данной системе — это так называемый «пресс» или «креативная среда», то есть влияния, оказываемые на креативных людей или креативный процесс и воздействующие в итоге на получаемый креативный продукт. Четвертое «П» — сам творческий продукт. В этом конструкте креативность оцениваются по тому, насколько нов и полезен продукт — результат креативного труда. Основным смысл этого подхода состоит в том, что исследование именно продуктов — например, рисунков, стихотворений, поделок — является наиболее объективным способом оценки креативности [11].

В целом, благодаря такой многоаспектностью креативности системный подход весьма популярен, так как позволяет охватить разные аспекты этого феномена.

Итак, креативность в подобном системном подходе, учитывающем все 4 «П» — это взаимодействие индивидуальных способностей, конкретного процесса и различного рода средовых влияний, приводящее к производству продукта, одновременно полезного и нового с точки зрения существующего социального контекста [26].

Надо сказать, что подобное системное понимание креативности дало начало многочисленным моделям, увязывающим между собой различные влияющие факторы; появление и развитие таких моделей продолжается по сей день. Ценность подобного подхода в том, что здесь учитывается: креативность — это феномен, сильно зависящий от внешних условий, например, культуры, традиций, системы отношений в обществе, влияния семьи и т.п. Средовые факторы принимаются во внимание и зарубежными (Вудман, Шенфельдт, Чиксентмихайи, Любарт, Рунко, Саймонтон, Кауфман и т. д.) и отечественными (Барышева, Выготский, Асмолов, Шадриков и т. д.) исследователями.

Идея о том, что креативность представляет собой именно социокультурный феномен, пользуется сейчас большой поддержкой в научном сообществе [6]. Некоторые исследователи, критикуют современные модели креативности, утверждая, что несправедливо и некорректно уделять основное внимание только западным ценностям [35] и предполагать их значимость для креативности в культурах других регионов. Появляется все больше работ, критикующих индивидуалистические западные теории креативности [12]; с изучением различий восточных и западных концепций креативности [25], с идеями о том, чем можно обогатить глобальные модели креативности [8; 13]; с кросс-культурными

исследованиями креативности (например, по Хофстеде [27]); с разработкой культурной психологии творчества [8]; с выявлением и объяснением влияния опыта межкультурных взаимодействий на креативность.

Данная работа представляет собой аналитический обзор подходов к изучению взаимосвязи креативности и межкультурных контактов. Однако, что именно следует включить в понятие межкультурного контакта? В целом, «межкультурный контакт» — это зонтичное понятие, охватывающее все различные прямые и косвенные взаимодействия с представителями или элементами других культур [6], с которым сталкивается индивидуум, группа или даже целая культура.

Необходимо отметить, что любой межкультурный контакт уже на уровне культур сам по себе оказывается креативным, так как способствует обмену идеями и обогащению, в том числе в разных доменах креативности [22]. С этим солидарен в своем интервью и профессор Матугас (Matugas), отмечая, что креативность не всегда означает появление чего-то абсолютно нового, чаще всего это комбинирование уже существующих идей. И в текущих условиях, в глобальной среде возможность соединять идеи из разных культур для создания новых и полезных идей или продуктов может быть тем, что стимулирует креативность [20]. На уровне отдельных людей значение имеет соотношение культур в зависимости от выраженности их измерений. Так, люди из более «закрытых» культур, как правило, менее творчески подходят к решению повседневных задач при проживании за границей, чем люди из более «открытых» культур. Это объясняется тем, что «закрытые» культуры задают слишком жесткие рамки, ограничивающие экспансивное мышление, являющееся критически важным предвестником креативности [20]. Представленные в научном поле работы постулируют, что межкультурные контакты позитивно связаны с креативностью, но почему и в каких именно случаях?

Обобщая, можно сказать, что совокупность научных работ демонстрирует, что креативность выше у детей из смешанных семей [24], экспатов [7] или студентов, обучающихся за рубежом [29], иммигрантов первого и второго поколения [30], у билингвов [14] и внутри этнически- и культурно-гетерогенных групп [21, 31]. Предполагается, что креативность в смешанных группах увеличивается за счет толерантности и большей легкости выражения разных мнений [16].

Были исследованы факторы, порождающие такие различия в креативности. Так, одно из исследований [19] показывает, что на индивидуальном уровне сам факт проживания за рубежом и его длительность влияют на креативность, повышая её уровень, и даже в краткосрочной перспективе отсылка к кросс-культурному опыту или его прайминг способствуют росту креативности [16]. Исследователь Рассел (Russel) и его коллеги предположили, что количество времени, проведенного за рубежом, открытость опыту стимулируют креативность [29], предпочтение стратегии интеграции и общая успешность адаптации способствуют

возникновению позитивного эффекта межкультурного опыта на креативность, в то время как потребность в когнитивной закрытости (need for cognitive closure) может нивелировать данный эффект [23]. Действительно, было доказано, что опыт межкультурных взаимодействий позитивно воздействует на прирост креативности, но при этом модерируется такой чертой личности, как открытость опыту (то есть влияние на креативность наблюдалось только в случае, когда респонденты были выше определенного порога по открытости опыту) [17].

Маддукс и Галинский (Maddux and Galinsky) выявили, что влияние жизни за рубежом на творчество опосредовано тем, насколько люди адаптировались к чужой культуре. Они обратили внимание на то, что с успешностью адаптации коррелируют такие факторы, как интенсивность контактов с принимающим населением, знания и обучение чужой культуре, наличие определенных личностных качеств, например, таких как уверенность в себе, общительность и экстраверсия, высокий социально-экономический статус, лингвистическая компетентность, и возраст [19]. Особый упор в своем исследовании они сделали на межкультурное обучение, и выявили, что кросс-культурный контакт приводит к приросту в креативности, когда он связан с культурным обучением, причем функциональное обучение (более глубокое, с указанием не просто на содержательную часть другой культуры, но и на причины формирования её именно в таком виде) сильнее воздействует на креативность [18]. Кроме того, важно, что в соответствии с теорией мотивированного культурного познания люди не просто пассивный объект культурных влияний, напротив, они рассматривают идеи из разных культурных традиций как интеллектуальные ресурсы, комбинируя которые, можно эффективно решать возникающие задачи. Однако иногда складываются определенные ситуации, активизирующие такие мотивационные факторы, как потребность в когнитивной закрытости и экзистенциальный террор, и тогда вне зависимости от количества межкультурного опыта, человек будет сопротивляться заимствованию идей из иностранных культур [17], и, соответственно уровень его креативности может остаться прежним или даже упасть, вместо того, чтобы вырасти.

Какой-либо универсальной обобщающей схемы относительно механизмов влияния предложено не было, но исследования в этом направлении ведутся.

Было обнаружено, что включение в другую культуру, измеряемое через формирование бикультурной идентичности, связано с повышением интегративной сложности (умением смотреть на ситуации с разных точек зрения), а это в свою очередь повышает креативность [32; 33]. Следует иметь в виду, что в процессе формирования двойной идентичности очень важна культурная дистанция, и, соответственно, она тоже оказывает опосредующее влияние на изменение креативности [10].

В совместном исследовании Леунга, Маддукса, Галинского и Чиу (Leung, Maddux, Galinsky, Chiu) была высказана идея о том, что механизм влияния между-

турного взаимодействия на креативность следующий: межкультурный опыт обеспечивает прямой доступ к новым идеям из других культур; формируется способность видеть несколько основных функций за одной и той же формой; рутинные структуры знаний дестабилизируются, тем самым увеличивая доступность обычно недоступных знаний; после этого происходит создание психологической готовности к заимствованию идей из незнакомых ранее источников; и, наконец, креативность воплощается в синтезе, казалось бы, несовместимых идей из разных культур. Основные выводы исследования этих авторов состоят в том, что, во-первых, межкультурный опыт стимулирует творческую продуктивность и использование когнитивных процессов, поддерживающих креативность; во-вторых, связь между межкультурным опытом и креативностью наиболее очевидна в случае глубокого погружения в другую культуру (например, при проживании за рубежом); в-третьих, обусловленность креативности межкультурным опытом зависит от индивидуальных различий в том, насколько люди открыты новому опыту, как они приспосабливаются к новой культуре, насколько активно они вовлечены в процесс сравнения культур; и, наконец, контекст также влияет на то, насколько сильной будет связь между межкультурным опытом и креативностью — так, эта связь слабее, когда требуются жесткие однозначные ответы и когда поддерживается приверженность традиционным знаниям [23]. На наш взгляд, последний вывод созвучен идеям, высказанным проф. Матугасом относительно «открытых» и «закрытых» культур.

Исследователи Бенет-Мартинез, Ли и Леу (Benet-Martínez, Lee, Leu) предложили специфическую для культуры концепцию переключения культурного фрейма, которое, как они полагают, активизирует сложные когнитивные процессы, усиливающие творческое мышление [3]. На основании этой идеи, Ли, Терриалт и Линдерхольм (Lee, Therriault, Linderholm) сформулировали гипотезу о том, что в условиях межкультурного контакта у человека также происходит смена культурного фрейма [15], так как культурные сценарии, присущие родной культуре, могут оказаться неприменимыми или даже противоречивыми в новой обстановке. В результате возникающий когнитивный диссонанс инициирует процесс сложных когнитивных и поведенческих модификаций для адаптации новых культурных знаний и традиций [33].

Дискутируя между собой по поводу разработанности темы взаимосвязи межкультурного опыта и креативности, исследователи отмечают, что в основном в фокус исследований попадают так называемая малая креативность и значительный межкультурный опыт (например, проживание в чужой стране) [19]. То есть связи между межкультурным опытом и большой креативностью, а также связи между креативностью (и малой, и большой) и более мягкими формами мультикультурного опыта (например, воздействие межкультурной информации на людей, проживающих в родной стране) остаются неизученной, и потому перспективной зоной исследований.

Обобщая всё вышесказанное, можно сделать следующий вывод. Хотя многочисленные зарубежные исследования и показывают, что межкультурный опыт способен стимулировать креативность, однако не все исследователи пытались выявить механизм этого влияния. Ученые, предпринимавшие попытки объяснить, как именно и почему межкультурный контакт воздействует на креативность, занимают разные позиции и выдвигают на обсуждение разные причины для роста креативности в условиях межкультурных взаимодействий: когнитивные факторы, связанные с соединением идей из разных культур [5], культурное обучение [19], межгрупповые сравнения и воспринимаемая культурная дистанция [5], наличие определенных личностных черт, таких как толерантность и открытость опыту [17], способствующих креативному преобразованию получаемого опыта, интеграционная аккультурационная стратегия [29], формирование бикультурной идентичности [32; 33]. Так как аккультурация является двусторонним процессом, то характеристики принимающего населения внутри своей страны также могут изменяться из-за контакта с представителями другой культуры. Особенно в случае высокой интенсивности межкультурных контактов — так, например, принимающее население тоже может испытывать культурный

шок [4]. Но взаимосвязь креативности и межкультурного опыта именно у этой группы остается на данный момент практически не изученной.

Завершить обзор литературы по теме влияния включенности в межкультурные контакты на креативность можно несколькими выводами. Во-первых, межкультурные взаимодействия стимулируют креативность посредством активизации особых когнитивных процессов за счет воздействия определенных факторов. Во-вторых, эти воздействующие факторы можно объединить в несколько больших «тематических» групп: когнитивные факторы, связанные с новыми знаниями и их обработкой (наличие знаний о культурах, сравнение культур, переключение культурного фрейма, возникновение когнитивного диссонанса, повышение интегративной сложности и т. п.); факторы, связанные с самоопределением и межгрупповыми отношениями в гетерогенном обществе (формирование бикультурной идентичности, толерантность и установки по отношению к представителям других культур), факторы аккультурации и адаптации; личностные факторы. В-третьих, на данный момент не существует модели, интегрирующей все четыре группы факторов, и объясняющей как их влияния на креативность, так и взаимосвязи между собой, хотя для ее разработки уже сейчас имеются теоретические предпосылки.

Финансирование

Статья подготовлена в результате проведения исследования в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) и с использованием средств субсидии в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100».

ЛИТЕРАТУРА

1. Яголковский С.П. Психология креативности и инноваций: Учебное пособие. Москва: Гос. ун-т ВШЭ, 2007. 158 с.
2. Batey M. The measurement of creativity: From definitional consensus to the introduction of a new heuristic framework // *Creativity Research Journal*. 2012. Vol. 24. № 1. P. 55—65. doi:10.1080/10400419.2012.649181
3. Benet-Martínez V., Lee F., Leu J. Biculturalism and cognitive complexity: Expertise in cultural representations // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2006. Vol. 37. № 4. P. 386—407. doi:10.1177/0022022106288476
4. Bochner S. Culture shock due to contact with unfamiliar cultures // *Online readings in psychology and culture*. 2003. Vol. 8. № 1. Article. 7. P. 1—12. doi:10.9707/2307-0919.1073
5. Cheng C.Y., Leung A.K. Revisiting the multicultural experience-creativity link: The effects of perceived cultural distance and comparison mind-set // *Social Psychological & Personality Science*. 2012. Vol. 4. № 4. P. 475—482. doi:10.1177/1948550612462413
6. Dunne C. Can Intercultural Experiences Foster Creativity? The Relevance, Theory and Evidence // *Journal of Intercultural Studies*. 2017. Vol. 38. № 2. P. 189—212. doi:10.1080/07256868.2017.1291495
7. Fee A., Gray S.J. The expatriate-creativity hypothesis: A longitudinal field test // *Human Relations*. 2012. Vol. 65. № 12. P. 1515—1538. doi:10.1177/0018726712454900
8. Glăveanu V.P. Creativity as a sociocultural act // *The Journal of Creative Behavior*. 2015. Vol. 49. № 3. P. 165—180. doi:10.1002/jocb.94
9. Glăveanu V.P. Rewriting the language of creativity: The Five A's framework // *Review of General Psychology*. 2013. Vol. 17. № 1. P. 69—81.
10. Gocłowska M.A., Crisp R.J. How dual-identity processes foster creativity // *Review of General Psychology*. 2014. Vol. 18. № 3. P. 216—236. doi:10.1037/gpr0000008
11. Hennessey B.A., Amabile T.B. Creativity // *Annual Review of Psychology*. 2010. Vol. 61. P. 569—598. doi:10.1146/annurev.psych.093008.100416
12. Hennessey B.A. Creative behavior, motivation, environment and culture: The building of a systems model // *The Journal of Creative Behavior*. 2015. Vol. 49. № 3. P. 194—210. doi:10.1002/jocb.97

13. *Kharkhurin A.V.* Creativity,4in1: Four-criterion construct of creativity // *Creativity Research Journal*. 2014. Vol. 26. № 3. P. 338—352. doi:10.1080/10400419.2014.929424
14. *Kharkhurin A.V.* Sociocultural differences in the relationship between bilingualism and creative potential // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2010. Vol. 41. № 5—6. P. 776—783. doi:10.1177/0022022110361777
15. *Lee C.S., Therriault D.J., Linderholm T.* On the cognitive benefits of cultural experience: Exploring the relationship between studying abroad and creative thinking // *Applied Cognitive Psychology*. 2012. Vol. 26. № 5. P. 768—778. doi:10.1002/acp.2857
16. *Leung A.K., Chiu C.* Multicultural experience, idea receptiveness, and creativity // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2010. Vol. 41. № 5—6. P. 723—741. doi.org/10.1177/0022022110361707
17. *Leung, A.K.-Y., Chiu, C.-Y.* Interactive Effects of Multicultural Experiences and Openness to Experience on Creativity // *Creativity Research Journal*. 2008. Vol. 20. № 4. P. 376—382. doi:10.1080/10400410802391371
18. *Maddux W.W., Adam H., Galinsky A.D.* When in Rome... Learn why the Romans do what they do: How multicultural learning experiences facilitate creativity // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2010. Vol. 36. № 6. P. 731—741. doi:10.1177/0146167210367786
19. *Maddux W.W., Galinsky A.D.* Cultural borders and mental barriers: The relationship between living abroad and creativity // *Journal of personality and social psychology*. 2009. Vol. 96. № 5. P. 1047—1061. doi: 10.1037/a0014861
20. *Matugas M.Rh.M.* Cross-cultural creativity: Breaking cultural barriers, enabling businesses [Электронный ресурс] // *The SMU Blog*. 2014. URL: <https://blog.smu.edu.sg/undergraduate/lkcsb/cross-cultural-creativity-breaking-cultural-barriers-enabling-businesses/> (дата обращения 04.06.2018).
21. *McLeod P.L., Lobel S.A., Cox Jr.T.H.* Ethnic diversity and creativity in small groups // *Small group research*. 1996. Vol. 27. № 2. P. 248—264. doi:10.1177/1046496496272003
22. *Montuori A., Stephenson H.* Creativity, culture contact, and diversity // *World Futures*. 2010. Vol. 66. № 3—4. P. 266—285. doi:10.1080/0260402100368050
23. Multicultural experience enhances creativity: The when and how / *Leung A. K., [et al.] // American Psychologist*. 2008. Vol. 63. № 3. P. 169—181. doi:10.1037/0003-066X.63.3.169
24. Multicultural families and creative children / *Chang J. H. [et al.] // Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2014. Vol. 45. № 8. P. 1288—1296. doi:10.1177/0022022114537556
25. *Niu W., Sternberg R.J.* The philosophical roots of Western and Eastern conceptions of creativity // *Journal of Theoretical and Philosophical Psychology*. 2006. Vol. 26. № 1—2. P. 18—38. doi:10.1037/h0091265
26. *Plucker J.A., Beghetto R.A., Dow G.T.* Why isn't creativity more important to educational psychologists? Potentials, pitfalls, and future directions in creativity research // *Educational psychologist*. 2004. Vol. 39. № 2. P. 83—96. doi:10.1207/s15326985ep3902_1
27. *Rinne T., Steel G.D., Fairweather J.* The role of Hofstede's individualism in national-level creativity // *Creativity Research Journal*. 2013. Vol. 25. № 1. P. 129—136. doi:10.1080/10400419.2013.752293
28. *Runco M.A.* Creativity // *Annual Review Psychology*. 2004. Vol. 55. P. 657—87. doi:10.1146/annurev.psych.55.090902.141502
29. *Russell M.J., DeVries J.W., DeYoung C.G.* How internationalizing students through cross-cultural experiences may affect creativity [Электронный ресурс]: [Poster session at the 2011 Internationalizing the Curriculum and Campus Conference, Minneapolis, MN.] // *University of Minnesota. Driven to Discover*. 2011. URL: https://global.umn.edu/icc/documents/11_conference_poster23.pdf (дата обращения 03.06.2018).
30. *Simonton D.K.* Foreign influence and national achievement: The impact of open milieus on Japanese civilization // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1997. Vol. 72. № 1. P. 86—94. doi:10.1037/0022-3514.72.1.86
31. *Simonton D.K.* Origins of genius: Darwinian perspectives on creativity. New York: Oxford University Press. 1999. 320 p.
32. *Tadmor C.T., Galinsky A.D., Maddux W.W.* Getting the most out of living abroad: biculturalism and integrative complexity as key drivers of creative and professional success // *Journal of personality and social psychology*. 2012. Vol. 103. № 3. P. 520—542. doi:10.1037/a0029360
33. *Tadmor C.T., Tetlock P.E., Peng K.* Biculturalism and integrative complexity: testing the acculturation complexity model // *Academy of Management Proceedings*. 2006. № 1. P. 105—139. doi:10.5465/ambpp.2006.22898587
34. The impact of culture on creativity [Электронный ресурс]: A Study prepared for the European Commission (Directorate-General for Education and Culture) / *KEA European Affairs*. [Brussels]: KEA European Affairs 2009. 240 p. URL: <http://www.keanet.eu/docs/impactculturecreativityfull.pdf> (дата обращения: 03.06.2018)
35. *Westwood R., Low D.R.* The multicultural muse: Culture, creativity and innovation // *International journal of cross cultural management*. 2003. Vol. 3. № 2. P. 235—259. doi:10.1177/14705958030032006
36. *Williams R., Runco M.A., Berlow E.* Mapping the themes, impact, and cohesion of creativity research over the last 25 years // *Creativity Research Journal*. 2016. Vol. 28. № 4. P. 385—394. doi:10.1080/10400419.2016.1230358
37. *Yi X.* Creativity, efficacy and their organizational, cultural influences [Электронный ресурс] // *Freie Universität Berlin*. 2008. URL: <https://refubium.fu-berlin.de/handle/fub188/11001> (дата обращения 03.06.2018).

Intercultural contacts and creativity: an analysis of foreign approaches

Bultseva M.A.,

postgraduate student, doctoral school of psychology, faculty of social sciences, research intern at the international laboratory for socio-cultural research, Expert Institute, National Research University «Higher School of Economics», Moscow, Russia, mbultseva@hse.ru

Lebedeva N.M.,

doctor of psychological sciences, tenured professor, psychology department, faculty of social sciences, head of the international research laboratory for socio-cultural research, Expert Institute, National Research University «Higher School of Economics», Moscow, Russia, nlebedeva@hse.ru

The article observes the interrelation between intercultural interaction and creativity. The topic considered is of immediate interest in foreign psychological studies and has received an extended coverage in contemporary scientific journals. In many studies it has been stated that, in general, intercultural contact stimulates creativity. Nevertheless, a single unified model describing the mechanism of such effect occurrence has not been created. Four main groups of factors influencing the relations of intercultural contact and creativity have been formulated, based on the approaches presented in the foreign literature: cognitive factors associated with new knowledge and its processing; factors related to self-identification and intergroup relations in a heterogeneous society; factors of acculturation; personality factors.

Keywords: intercultural contacts, creativity.

Funding

The article was prepared within the framework of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE) and supported within the framework of a subsidy by the Russian Academic Excellence Project «5-100».

REFERENCES

1. Yagolkovskiy S.R. Psikhologiya kreativnosti i innovatsii [Psychology of creativity and innovations]: Uchebnoe posobie. Moscow: HSE, 2007. 158 p. (In Russ.).
2. Batey M. The measurement of creativity: From definitional consensus to the introduction of a new heuristic framework. *Creativity Research Journal*, 2012, vol. 24, no. 1, pp. 55—65. doi:10.1080/10400419.2012.649181
3. Benet-Martínez V., Lee F., Leu J. Biculturalism and cognitive complexity: Expertise in cultural representations. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 2006, vol. 37, no. 4, pp. 386—407. doi:10.1177/0022022106288476
4. Bochner S. Culture shock due to contact with unfamiliar cultures. *Online readings in psychology and culture*, 2003, vol. 8, no. 1. Article. 7, pp. 1—12. doi:10.9707/2307-0919.1073
5. Cheng C.Y., Leung A.K. Revisiting the multicultural experience-creativity link: The effects of perceived cultural distance and comparison mind-set. *Social Psychological & Personality Science*, 2012, vol. 4, no. 4, pp. 475—482. doi:10.1177/1948550612462413
6. Dunne C. Can Intercultural Experiences Foster Creativity? The Relevance, Theory and Evidence. *Journal of Intercultural Studies*, 2017, vol. 38, no. 2, pp. 189—212. doi:10.1080/07256868.2017.1291495
7. Fee A., Gray S.J. The expatriate-creativity hypothesis: A longitudinal field test. *Human Relations*, 2012, vol. 65, no. 12, pp. 1515—1538. doi:10.1177/0018726712454900
8. Glăveanu V.P. Creativity as a sociocultural act. *The Journal of Creative Behavior*, 2015, vol. 49, no. 3, pp. 165—180. doi:10.1002/jocb.94
9. Glăveanu V.P. Rewriting the language of creativity: The Five A's framework. *Review of General Psychology*, 2013, vol. 17, no. 1, pp. 69—81.
10. Gocłowska M.A., Crisp R.J. How dual-identity processes foster creativity. *Review of General Psychology*, 2014, vol. 18, no. 3, pp. 216—236. doi:10.1037/gpr0000008
11. Hennessey B.A., Amabile T.B. Creativity. *Annual Review of Psychology*, 2010, vol. 61, pp. 569—598. doi:10.1146/annurev.psych.093008.100416
12. Hennessey B.A. Creative behavior, motivation, environment and culture: The building of a systems model. *The Journal of Creative Behavior*, 2015, vol. 49, no. 3, pp. 194—210. doi:10.1002/jocb.97
13. Kharkhurin A.V. Creativity.4in1: Four-criterion construct of creativity. *Creativity Research Journal*, 2014, vol. 26, no. 3, pp. 338—352. doi:10.1080/10400419.2014.929424

14. Kharkhurin A.V. Sociocultural differences in the relationship between bilingualism and creative potential. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 2010, vol. 41, no. 5—6, pp. 776—783. doi:10.1177/0022022110361777
15. Lee C.S., Therriault D.J., Linderholm T. On the cognitive benefits of cultural experience: Exploring the relationship between studying abroad and creative thinking. *Applied Cognitive Psychology*, 2012, vol. 26, no. 5, pp. 768—778. doi:10.1002/acp.2857
16. Leung A.K., Chiu C. Multicultural experience, idea receptiveness, and creativity. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 2010, vol. 41, no. 5—6, pp. 723—741. doi.org/10.1177/0022022110361707
17. Leung, A.K.-Y., Chiu, C.-Y. Interactive Effects of Multicultural Experiences and Openness to Experience on Creativity. *Creativity Research Journal*, 2008, vol. 20, no. 4, pp. 376—382. doi:10.1080/10400410802391371
18. Maddux W.W., Adam H., Galinsky A.D. When in Rome... Learn why the Romans do what they do: How multicultural learning experiences facilitate creativity. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2010, vol. 36, no. 6, pp. 731—741. doi:10.1177/0146167210367786
19. Maddux W.W., Galinsky A.D. Cultural borders and mental barriers: The relationship between living abroad and creativity. *Journal of personality and social psychology*, 2009, vol. 96, no. 5, pp. 1047—1061. doi:10.1037/a0014861
20. Matugas M.Rh.M. Cross-cultural creativity: Breaking cultural barriers, enabling businesses [Elektronnyi resurs]. *The SMU Blog*, 2014. Available at: <https://blog.smu.edu.sg/undergraduate/lkcsb/cross-cultural-creativity-breaking-cultural-barriers-enabling-businesses/> (Accessed 04.06.2018).
21. McLeod P.L., Lobel S.A., Cox Jr.T.H. Ethnic diversity and creativity in small groups. *Small group research*, 1996, vol. 27, no. 2, pp. 248—264. doi:10.1177/1046496496272003
22. Montuori A., Stephenson H. Creativity, culture contact, and diversity. *World Futures*, 2010, vol. 66, no. 3—4, pp. 266—285. doi:10.1080/0260402100368050
23. Leung A.K. et al. Multicultural experience enhances creativity: The when and how. *American Psychologist*, 2008, vol. 63, no. 3, pp. 169—181. doi:10.1037/0003-066X.63.3.169
24. Chang J.H. et al. Multicultural families and creative children. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 2014, vol. 45, no. 8, pp. 1288—1296. doi:10.1177/0022022114537556
25. Niu W., Sternberg R.J. The philosophical roots of Western and Eastern conceptions of creativity. *Journal of Theoretical and Philosophical Psychology*, 2006, vol. 26, no. 1—2, pp. 18—38. doi:10.1037/h0091265
26. Plucker J.A., Beghetto R.A., Dow G.T. Why isn't creativity more important to educational psychologists? Potentials, pitfalls, and future directions in creativity research. *Educational psychologist*, 2004, vol. 39, no. 2, pp. 83—96. doi:10.1207/s15326985ep3902_1
27. Rinne T., Steel G.D., Fairweather J. The role of Hofstede's individualism in national-level creativity *Creativity Research Journal*, 2013, vol. 25, no. 1. С. 129—136. doi:10.1080/10400419.2013.752293
28. Runco M.A. Creativity. *Annual Review Psychology*, 2004, vol. 55, pp. 657—87. doi:10.1146/annurev.psych.55.090902.141502
29. Russell M.J., DeVries J.W., DeYoung C.G. How internationalizing students through cross-cultural experiences may affect creativity [Elektronnyi resurs]: [Poster session at the 2011 Internationalizing the Curriculum and Campus Conference, Minneapolis, MN.]. *University of Minnesota. Driven to Discover*, 2011. Available at: https://global.umn.edu/icc/documents/11_conference_poster23.pdf (Accessed 03.06.2018).
30. Simonton D.K. Foreign influence and national achievement: The impact of open milieus on Japanese civilization. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1997, vol. 72, no. 1, pp. 86—94. doi:10.1037/0022-3514.72.1.86
31. Simonton D.K. *Origins of genius: Darwinian perspectives on creativity*. New York: Oxford University Press, 1999. 320 p.
32. Tadmor C.T., Galinsky A.D., Maddux W.W. Getting the most out of living abroad: biculturalism and integrative complexity as key drivers of creative and professional success. *Journal of personality and social psychology*, 2012, vol. 103, no. 3, pp. 520—542. doi:10.1037/a0029360
33. Tadmor C.T., Tetlock P.E., Peng K. Biculturalism and integrative complexity: testing the acculturation complexity model. *Academy of Management Proceedings*, 2006, no. 1, pp. 105—139. doi:10.5465/ambpp.2006.22898587
34. The impact of culture on creativity [Elektronnyi resurs]: A Study prepared for the European Commission (Directorate-General for Education and Culture). [Brussels]: KEA European Affairs 2009. 240 p. Available at: <http://www.keanet.eu/docs/impactculturecreativityfull.pdf> (Accessed: 03.06.2018)
35. Westwood R., Low D.R. The multicultural muse: Culture, creativity and innovation. *International journal of cross cultural management*, 2003, vol. 3, no. 2, pp. 235—259. doi:10.1177/14705958030032006
36. Williams R., Runco M.A., Berlow E. Mapping the themes, impact, and cohesion of creativity research over the last 25 years. *Creativity Research Journal*, 2016, vol. 28, no. 4, pp. 385—394. doi:10.1080/10400419.2016.1230358
37. Yi X. Creativity, efficacy and their organizational, cultural influences [Elektronnyi resurs]. *Freie Universität Berlin*, 2008. Available at: <https://refubium.fu-berlin.de/handle/fub188/11001> (Accessed 03.06.2018).

Сравнительные количественные исследования национальной идентичности в современной социальной психологии

Фабрикант М.С.,

кандидат психологических наук, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, лаборатория сравнительных исследований массового сознания, Экспертный институт, НИУ ВШЭ, Москва, Россия; доцент, кафедра психологии, факультет философии и социальных наук БГУ, Минск, Беларусь, marharyta.fabrykant@gmail.co

В статье проводится обзор сравнительных кросс-культурных исследований национальной идентичности, проведенных психологами последних двух десятилетий с использованием количественных методов. Рассматривается связь теоретико-методологических оснований этих исследований с общей повесткой дня современной социальной психологии, междисциплинарными исследованиями наций и национализма и эмпирическими ресурсами межстрановых опросов. Проанализированные публикации указывают на преобладание описательных психологических исследований; при этом в объяснительных исследованиях факторов национальной идентичности преобладают социологические и политологические подходы. Однако результаты объяснительных психологических исследований раскрывают недооцененную кросс-культурную вариативность взаимосвязей между составляющими национальной идентичности и их соотношение с различными по своей природе когнитивными механизмами. Для раскрытия потенциала своей дисциплины, кросс-культурным психологам, изучающим национальную идентичность, следует исследовать взаимосвязи национальной идентичности с базовыми ценностями и представлениями с особым вниманием к кросс-уровневым эффектам интеракции и социальной динамике.

Ключевые слова: кросс-культурная психология, массовое сознание, национальная идентичность, национализм, патриотизм.

Для цитаты:

Фабрикант М.С. Сравнительные количественные исследования национальной идентичности в современной социальной психологии [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2018. Том 7. №4. С. 22—31. doi: 10.17759/jmfp.2018070403

For citation:

Fabrykant M.S. Comparative quantitative study on national identity in contemporary social psychology [Elektronnyi resurs]. *Journal of Modern Foreign Psychology*, 2018, vol. 7. № 4. P. 22—31. doi: 10.17759/jmfp.2018070403 (In Russ.; Abstr. in Engl.).

«Возрождение национализма» — признание возросшей роли национальных идентичностей и активизация дебатов о национализме в публичном пространстве — привело к изменению повестки дня в исследованиях наций и национализма — междисциплинарной области исследований, сформировавшейся в конце 1980-х — начале 1990-х гг.

Во-первых, неясно, насколько усиленное присутствие тематики нациестроительства в публичном политическом дискурсе отражает рост националистических настроений на микроуровне. Действительно ли поддержка политических сил, выступающих с националистическими лозунгами, отражает некие относительно устойчивые аттитюды, или речь идет о ситуативной реакции общественного мнения на иные социальные проблемы, не имеющие первоначально отношения к национальному вопросу?

Во-вторых, все больший интерес вызывают возможные последствия реактуализации национальных идентичностей. Всегда ли национализм деструктивен, или существуют «хорошие» и «плохие» виды национализма, как соотносятся и насколько сильно взаимосвязаны различные компоненты национальной идентичности, национализм и ксенофобия?

В-третьих, глобальный, хотя и не совсем равномерный характер новой волны популярности национализма (политологи говорят в институциональном плане о «националистическом интернационале», а применительно к социальным аттитюдам можно было бы обозначить происходящее как «националистическую глобализацию») побуждает ставить вопрос об универсальности национализма.

Насколько велики различия между странами в уровне и содержании национальных идентичностей и с чем они связаны — с объективными характеристиками стран, например, уровнем экономического развития, модернизацией ценностей или с целенаправленным воздействием на общественное мнение?

Сформированная этими вопросами новая повестка дня способствует более значимой роли социально-психологических и особенно кросс-культурных психологических исследований наций и национализма.

На смену историческим и историко-социологическим работам о происхождении наций и дебатах о модерности либо примордиальности национализма пришел интерес к современной ситуации, а вновь обнаружившаяся фактическая неспособность интеллектуальных элит предсказать эту ситуацию, вопреки

деконструктивистскому тезису о пластичности массового сознания, привела к относительному смещению интереса от генерирования националистических идеологий к их представленности на микроуровне в социально разделяемых представлениях и повседневных практиках [5].

Кроме того, очевидно-недостаточная объяснительная способность общего суждения об иррациональной/психологической/эмоциональной привлекательности национализма актуализирует исследования когнитивных психологических механизмов формирования национальной идентичности, представление о которых позволило бы адекватно оценить ее когнитивную сложность и кросс-культурную вариативность.

Анализ литературы показывает, что в последние годы был проведен ряд эмпирических исследований, результаты которых дают ответы на некоторые из обозначенных вопросов [6].

Цель данной статьи — представить обзор теоретических оснований, методологии и основных результатов этих исследований.

В первом разделе основной части статьи обозначена общая эмпирическая база сравнительных количественных исследований национальной идентичности и два направления — описательные и объяснительные, во второй и третьей проанализированы ключевые работы каждого из этих направлений.

В заключительной части представлены выводы о подходах и новых перспективных направлениях изучения национальной идентичности в кросс-культурной психологии.

Понятие и операционализация национальной идентичности

В самом общем смысле под национальной идентичностью понимается набор социальных атрибутов, каким-то образом содержательно связанных с национальным самоопределением. Поэтому на первый план выходит не то, к какой именно нации или нациям люди себя относят, а то, какой смысл они в это вкладывают и насколько большое значение своей национальной принадлежности придают. При этом, по крайней мере, в количественных исследованиях, содержательная сторона операционализируется как специфическое для населения страны или иной группы соотношение степеней выраженности различных составляющих национальной идентичности [12].

Как следует из приведенного определения, набор компонентов, составляющих национальную идентичность, не задан заранее некими неизменными свойствами национальной идентичности и во многом определяется повесткой дня. Не все из них представлены в сравнительных количественных исследованиях. Например, представления о происхождении наций и о предполагаемой древности своей нации, несмотря на повышенное внимание к ним в теоретических работах, трудно отраз-

ить в массовых опросах из-за своей абстрактности и удаленности от повседневного опыта респондента.

Кроме того, некоторые вопросы требуют специализированного экспертного знания (особенно это относится к популярному направлению истории понятий, например, сопоставлению смысла понятия нации в различные исторические эпохи) либо отражают непоставимую культурную специфику (представления о ключевых событиях национальной истории, национальных героях и т. п.).

Рассмотрим варианты операционализации тех компонентов национальной идентичности, которые наиболее полно представлены в крупнейших межстрановых опросах.

Самый очевидный способ оценить степень выраженности национальной идентичности — задать респонденту прямой вопрос.

Международные опросные базы данных содержат такие вопросы о приписываемой значимости национальной идентичности наряду с альтернативными идентичностями — локальными, региональными и транснациональными.

Так, крупнейшее по количеству охваченных стран Всемирное исследование ценностей (World Values Survey, WVS), проводимое раз в 5 лет начиная с 1981 г., содержит блок из пяти суждений: «Я считаю себя гражданином мира»; «Я считаю себя членом местной общины»; «Я считаю себя россиянином» (подставляется название нации соответственно каждой стране, в которой проводится опрос); «Я считаю себя членом СНГ» (приводится название регионального объединения стран соответственно месту проведения опроса); «Я считаю себя автономным индивидом». Респонденту предлагается выразить степень своего согласия с каждым из этих утверждений, используя четырехпунктовую порядковую шкалу: «совершенно согласен», «скорее, согласен», «скорее, не согласен», «совершенно не согласен» [25].

Похожий блок вопросов представлен в начале опросника тематической части Международной программы социальных исследований, посвященной национальной идентичности (International Social Survey Programme — National Identity, ISSP), которая проводится раз в 10 лет и представляет собой наиболее содержательно развернутый межстрановой опрос на данную тему. В ней респонденту предлагается ответить на вопрос «насколько сильно вы чувствуете свою связь.. с Вашим городом / Вашей деревней, селом, с вашей областью, краем, республикой» (приводятся административно-территориальные единицы страны проведения опроса), с Россией (приводится название страны проведения опроса), с Европой, с Азией (приводится название или названия регионов, соответствующих стране проведения опроса)» с вариантами ответов «очень сильно», «довольно сильно», «не очень сильно» и совершенно не чувствую связь» [17; 18; 19].

Основное различие заключается в том, что во WVS делается акцент на когнитивной, а в ISSP — на эмоциональной составляющей национальной идентичности.

Общим недостатком этих шкал является общая формулировка, с которой будет склонно согласиться подавляющее большинство. Как следствие, распределения по данным переменным в большинстве стран оказываются сильно смещенными в сторону полного или частичного согласия / очень сильной или сильной связи, из-за чего данные переменные обладают низкой дифференцирующей силой.

Кроме того, группа подряд расположенных вопросов с одинаковыми вариантами ответов повышает вероятность возникновения так называемого методического фактора — выбора одного и того же варианта ответа, отражающего не одинаковую степень выраженности разных идентичностей, а экономию респондентом когнитивных усилий.

Поэтому данные по этому вопросу следует интерпретировать с осторожностью, тщательно изучать базовые описательные статистики перед построением факторных и объяснительных моделей, и соотносить эти результаты с другими, непрямыми способами оценки общей степени выраженности национальной идентичности.

База данных WVS содержит две переменные, направленные на такую непрямую оценку. Одна из них соответствует вопросу: «Конечно, все мы надеемся, что еще одной войны не будет, но, если так все-таки случится, Вы захотите сражаться за свою страну?» с вариантами ответа «да» и «нет» [25].

Преимущество этого вопроса заключается в содержательной связи с одной из ключевых отличительных характеристик национальной идентичности: согласно Б. Андерсону, автору, пожалуй, наиболее влиятельной в исследованиях наций и национализма теории «воображаемых сообществ», самопожертвование во имя своей нации, в отличие от других больших устойчивых социальных групп, считается не исключением, а нормативно заданным требованием, если речь идет о войне между национальными государствами.

Основное ограничение этого способа операционализации национальной идентичности — гендерная специфика: в большинстве стран это нормативное требование распространяется преимущественно на мужчин.

Кроме того, отрицательный ответ может отражать не только слабую национальную идентичность, но и пацифистские убеждения.

Еще один вариант опосредованного измерения общего уровня национальной идентичности — вопрос о гордости страной, который фигурирует и в WVS, и в ISSP, а также в ряде региональных опросов (например, Европейское исследование ценностей — European Values Study, EVS). Респонденту предлагается ответить на вопрос: «Насколько Вы гордитесь тем, что Вы — россиянин?» (WVS) или «Насколько Вы гордитесь тем, что являетесь гражданином/гражданкой России?» (ISSP) с вариантами ответа «очень горжусь», скорее / в какой-то мере горжусь», «не очень горжусь», «абсолютно/совсем не горжусь» [11; 17; 18; 19].

Распределения по этой переменной оказываются намного менее смещенными, чем по прямому замеру выраженности национальной идентичности. ISSP также содержит блок переменных, позволяющих с использованием той же шкалы оценить уровень гордости достижениями страны в 10 различных сферах и ряд атрибутов, содержательно близких к гордости: стыд за страну, вера в превосходство своей страны и соотечественников, а также вопросы о значимости патриотизма в стране [17; 18; 19].

Еще один значимый блок вопросов ISSP отражает приписываемую значимость различных критериев национальной (само)идентификации. Вопрос сформулирован так: «Как вы думаете, насколько важно для того чтобы считаться истинным россиянином... родиться в России, иметь российское гражданство, прожить в России большую часть своей жизни, говорить по-русски, быть православным, уважать российский политический строй и законы, чувствовать себя россиянином, иметь российское происхождение» с вариантами ответа «очень важно», «не очень важно», «в какой-то мере важно» и «совсем не важно».

Ценность этих данных заключается в том, что они позволяют операционализировать один из основных теоретических конструктов в исследованиях наций и национализма — этнический и гражданский виды национальной идентичности: происхождение, конфессиональная принадлежность, язык и место рождения соответствуют этническому типу, а место проживания, гражданство, уважение к законам и субъективное самоощущение — гражданскому. Важно, что этот блок вопросов позволяет не только определить преобладающий тип национальной идентичности в той или иной стране, но и эмпирически проверить актуальность и кросс-культурную универсальность этой типологии [17; 18; 19].

Таким образом, имеющиеся опросные данные о национальной идентичности позволяют не только сравнивать страны по степени выраженности различных индикаторов национальной идентичности, но и строить более сложные модели.

Анализ литературы показывает, что в современных сравнительных количественных исследованиях национальной идентичности, как правило, ставится задача построения либо описательных моделей, направленных на выявление структуры и классификации национальных идентичностей, либо на объяснение различий в степени выраженности различных компонентов национальной идентичности на индивидуальном и страновом уровнях.

Рассмотрим формат и результаты основных описательных и объяснительных исследований.

Описательные исследования национальной идентичности

Ранние описательные исследования национальной идентичности направлены преимущественно на ее

«распаковывание» — раскрытие внутреннего многообразия ее компонентов и неоднозначности связей между ними.

Так, уже в исследованиях, ориентированных на первичный анализ данных ISSP и обоснование их ценности, при помощи базовых частотных и корреляционных статистик было обнаружено, что уровень национальной идентичности для одних и тех же стран существенно различается в зависимости от способа его операционализации. В частности, в этих исследованиях была обнаружена неожиданно слабая взаимосвязь между гордостью достижениями своей страны в различных сферах с одной стороны и общей гордостью страной — с другой.

Таким образом, было показано, что описательные количественные исследования национальной идентичности не должны ограничиваться простым замером степени выраженности национальной идентичности в различных странах. Выявленная многомерность потребовала эмпирической проверки того, какие теоретически выделяемые компоненты национальной идентичности действительно представлены в коллективных представлениях как содержательно различные, и поставила вопрос о существовании национальной идентичности как единого феномена [21; 22].

Ряд последующих исследований позволил выявить структуру национальной идентичности, скрытую за внешним многообразием ее проявлений. Это стало возможным, прежде всего, благодаря использованию современных статистических методов — конфирматорного факторного анализа и моделирования структурных уравнений, но также и привнесению нормативной составляющей.

Так, основной вопрос представителей этого направления — всегда ли национальная идентичность предполагает ксенофобию — может прочитываться как попытка выяснить, всегда ли национализм «плохой» и разграничить «хороший» и «плохой» национализм. В этом плане количественные кросс-культурные исследования национальной идентичности существенно отличаются от междисциплинарных исследований наций и национализма, в которых, за редким исключением, используется подчеркнута ценностно нейтральная расширительная трактовка национализма как представления о естественном — объективном и необходимом — существовании наций.

Более релевантными оказываются общие социально-психологические теории, особенно теория социальной идентичности, в которой утверждается и экспериментально обосновывается неизбежность межгрупповой дискриминации и внутригруппового фаворитизма как следствия принадлежности к группе.

С другой стороны, в ряде теорий личности, особенно гуманистической направленности, постулируется компенсаторный характер интолерантности и враждебности как следствия недостаточно высокой самооценки.

Исследования, направленные на эмпирическую проверку этих противоречащих друг другу позиций, продолжают обнаруживать, что обе они верны для разных составляющих национальной идентичности. Так, деФигейредо и Элкинс обнаружили, что различные индикаторы веры в превосходство своей нации над другими значимо положительно связаны с измерением ксенофобии, в то время как большинство представленных в ISSP измерений гордости (за исключением гордости политическим влиянием страны в мире, спортивными достижениями и вооруженными силами) вместе с чувством близости к стране, стыдом за страну и приписываемой значимостью национального единства образовали другой фактор, не коррелирующий с ксенофобией статистически значимо [9].

Авторы исследования назвали эти факторы, соответственно, национализм и патриотизм, тем самым возвращая эти понятия из обыденного словоупотребления в научный понятийный аппарат [9].

Последующие исследования частично подтвердили правомерность разграничения «хорошей» и «плохой» разновидностей национальной идентичности для отдельных стран, однако выявили некоторые различия в составе этих факторов. Так, Вагнер с коллегами обнаружили, что в Германии гордость историей своей страны входит в фактор национализма (в исследовании де Фигейредо и Элкинса, — напротив, в фактор патриотизма), а Григорян выявила в России факторы политического (гордость достижениями в политической, экономической и социальной сферах) и культурного патриотизма (гордость достижениями в культуре и спорте), отличных от собственно национализма (веры в превосходство своей страны): национализм коррелирует с ксенофобией отрицательно (так же, как и аналогичные индикаторы в модели де Фигейредо и Элкинса), культурный патриотизм — значимо не коррелирует (у де Фигейредо и Элкинса же из его составляющих — гордость спортивными достижениями и гордость политическим влиянием страны в мире — входит в фактор, связанный с ксенофобией положительно), а политический патриотизм — значимо отрицательно (у де Фигейредо и Элкинса гордость политическим влиянием страны в мире входит в фактор национализма, связанный с ксенофобией положительно) [1; 9; 15].

Хадди и Хатиб на данных американского Общего социального исследования (GSS) выявили в США не двух-, а **трех-факторную** модель, состоящую из гордости страной, национализма (в узком смысле слова, близкого к ксенофобии) и собственно национальной идентичности (содержательно близкой к приписываемой значимости принадлежности к стране) [16].

Таким образом, результаты проведенных исследований указывают на общую правомерность разграничения различных измерений национальной идентичности в зависимости от их связи с ксенофобией, однако вместе с тем демонстрируют на существенную вариативность моделей в зависимости от охваченных

исследованием стран и используемых в нем конкретных индикаторов.

Попытка построения кросс-культурно валидных измерений национальной идентичности была предпринята в исследованиях Давидова, направленных на систематическую проверку инвариантности с использованием мультигруппового конфирматорного факторного анализа. Выявленная модель, в отличие от рассмотренных выше исследований, включает всего пять переменных: гордость демократией, системой социальной защиты и равенством и справедливостью для всех объединяются в фактор «хорошего» национализма, который Давидов называет конструктивным патриотизмом, а вера в превосходство своей страны и соотечественников — в фактор «плохого» национализма. Проверка на данных ISSP обнаружила для большинства охваченных этим исследованием стран конфигуративную (одни и те же переменные образуют одни и те же факторы) и метрическую (факторные нагрузки переменных статистически значимо не различаются), но не скалярную (эквивалентность начальных значений факторов) инвариантность. Сравнение двух волн ISSP также подтвердило инвариантность этой модели во времени [7; 8].

Из этого следует, что модель Давидова может использоваться для выявления факторов, влияющих на межстрановые различия в уровне национализма и патриотизма (для этого достаточно структурной и метрической инвариантности), но не для простого описания этих различий, поскольку из-за отсутствия скалярной инвариантности означает, что средние значения факторов для разных стран несопоставимы — для этого приходится ограничиваться использованием отдельных индикаторов, как это уже было сделано в более ранних исследованиях. Для построения кросс-культурных объяснительных моделей, напротив, возможностей больше. Рассмотрим, в какой мере и каким образом они были реализованы.

Объяснительные исследования национальной идентичности

Проведенный анализ описательных исследований обнаружил большую, если не ведущую роль общих социально-психологических теорий социальной идентичности как источника для выдвижения гипотез о структуре национальной идентичности и взаимосвязях между ее компонентами.

В объяснительных исследованиях, напротив, ведущая роль принадлежит социологии и политологии. В большинстве сравнительных количественных исследований, направленных на выявление факторов, влияющих на уровень национальной идентичности, ставятся вопросы не о закономерностях формирования социальных аттитюдов, а о социальной интеграции или политической вовлеченности.

Так, Кунович обнаружил, что общий уровень национальной идентичности значимо зависит от множества критериев социальной дифференциации без явно видимого ключевого фактора. Исследования Виммера с соавторами, напротив, указывают на определяющую роль одного фактора, положительно связанного с национальной идентичностью, — возможности активного участия в политическом процессе и влияния на принимаемые решения [20; 24].

Для представителей этнических меньшинств этот фактор, как выяснилось, играет большую роль, чем, например, воспринимаемая близость к культуре большинства или различные измерения прошлого исторического опыта. При этом исследование Элкинса и Сайдса обнаружило, что уровень развития политических институтов, направленных на обеспечение возможностей политического участия, влияет на силу национальной идентичность довольно слабо. Хотя обозначенные исследования опираются на масштабные интегрированные базы данных с множеством переменных, в том числе трудноизмеримых, и выявляют интересные закономерности, им присущ один общий недостаток — перенос внимания с зависимой переменной на независимые. Их результаты не столько углубляют понимание национальной идентичности как таковой, сколько позволяют на материале национальной идентичности оценить степень влияния ключевых социально-стратификационных и институционально-политических характеристик современных обществ [10].

Вместе с тем, ряд исследователей, в том числе политологов и социологов, прибегает для выдвижения гипотез о факторах национальной идентичности именно к психологическим теоретическим построениям, особенно тем из них, которые уже приняты и используются в различных дисциплинах. Так, Солт эмпирически проверяет идею о компенсаторной природе национальной идентичности. Согласно его предположению, национальная идентичность и особенно гордость страной как наиболее общий положительный ее компонент могут осознанно стимулироваться с целью отвлечь внимание населения от объективно существующих проблем. Это предположение подтверждается выявленной значимой положительной связью между общей гордостью страной и уровнем социального неравенства в этой стране. Иначе говоря, сильнее гордятся теми странами, где, по крайней мере, уровень неравенства дает основания скорее для недовольства, чем для гордости. Этот вывод перекликается в теорией «воображаемых сообществ» Андерсона: национальная идентичность создает представление о единстве несмотря на социальное расслоение [23].

Сходная постановка вопроса — о том, насколько национальная идентичность обусловлена объективными характеристиками страны, — фигурирует в исследовании Фабрикант и Магуна. В нем с опорой на теорию когнитивных процессов Канемана предполагает-

ся, что гордость страной может быть результатом самостоятельной рефлексии (Система 2 по Канеману), если сама постановка вопроса создает привязку гордости к достижениям страны в конкретных сферах, либо, напротив, продуктом нерелексивного усвоения заданных извне нормативных требований (Система 1 по Канеману), если идет речь о гордости вообще без отсылки к ее возможным основаниям [13].

Результаты, полученные на данных второй волны ISSP, подтвердили это предположение: фактор, объединяющий все 10 индикаторов гордости за достижения страны в различных сферах, оказался значимо положительно связанным с объективными индикаторами уровня социально-экономического развития страны — ВВП на душу населения и Индексом человеческого развития, — в то время как для общей гордостью за страну этой связи не выявлено [13].

В последние годы ряд объяснительных исследований национальной идентичности с применением многоуровневого регрессионного анализа как основного метода и ISSP и иногда WVS как эмпирической базы был проведен Ариэли [2; 3; 4].

В фокусе его исследований — влияние страновых характеристик на степень выраженности различных составляющих национальной идентичности и их на связь с другими, содержательно близкими параметрами [2; 3; 4].

Так, в одном из немногих количественных исследований, опубликованном в *Nations and Nationalism* — ведущем журнале в своей предметной области, — Ариэли показал, что уровень глобализованности страны отрицательно влияет на «конструктивный патриотизм» по Давидову (с которым Ариэли провел несколько совместных исследований), готовность защищать свою страну с оружием в руках и значимость этничности, но не на собственно национальную идентичность и национализм [3].

В другом исследовании, посвященном влиянию глобализованности страны на уровень ксенофобии, Ариэли не обнаружил прямого влияния, но зато выявил опосредующий эффект. Положительная связь ксенофобии с национализмом и отрицательная — с «конструктивным патриотизмом», ранее обнаруженная в некоторых представленных выше описательных исследованиях, оказалась не полностью универсальной: обе корреляции существенно сильнее в более глобализованных странах [4].

Еще одно исследование, охватывающее целых 93 страны, выявило в целом компенсаторный характер общей гордости страной: она отрицательно связана с уровнем экономического развития (что согласуется с результатами исследования Фабрикант и Магуна) и глобализованностью, но при этом положительно — с уровнем социального неравенства (что согласуется с результатами Солта) и недавним историческим опытом вооруженных конфликтов [2; 13; 23].

Вместе с тем, несмотря на эти факторы, в своем новом исследовании Ариэли обнаружил преимуще-

ственно положительное отношение к патриотизму в большинстве стран, особенно у представителей этнического большинства; при этом в странах с меньшим неравенством в правах по этническому признаку представители этнических меньшинств дают в среднем более положительную оценку патриотизму, чем с странами с выраженным ущемлением их прав, а для представителей этнического большинства этот эффект обратный: наиболее высокую оценку патриотизму они дают в тех странах, где их положение наиболее привилегированное [2].

Наиболее интересный общий результат этих исследований, на наш взгляд, заключается в выявлении преимущественно компенсаторной, мобилизационной природы не только национализма, но и отчасти «конструктивного патриотизма». При этом многие взаимосвязи индивидуального уровня оказываются скорее вариативными, чем универсальными, но эта вариативность закономерна и объясняется с другими межстрановыми различиями.

Выводы

В настоящее время в современной социальной психологии накоплен достаточный объем сравнительных количественных исследований национальной идентичности, чтобы оценить потенциал этого направления.

Полученные результаты позволяют не только подвзргнуть многие ключевые теоретические положения эмпирической проверке, но и существенно расширить представления о национальной идентичности и повысить когнитивную сложность.

Вместе с тем, хотя результаты различных исследований хорошо согласуются между собой и нередко напрямую подтверждают друг друга, для формирования целостной картины предстоит освоить ряд неизученных областей, для некоторых из которых неочевидны не только результаты, но и сами вопросы.

Во-первых, в описательных исследованиях изучается преимущественно связь национальной идентичности с содержательно близкими феноменами, но не с более общими психологическими характеристиками.

Разумеется, речь идет не о том, чтобы попытаться воссоздать некий личностный профиль националиста наподобие «авторитарной личности» по Адорно с соавторами.

Однако было бы интересно выяснить, каким образом национальная идентичность в ее различных измерениях связана с базовыми ценностями, горизонтом планирования времени, верой в справедливый мир, верой в игру с нулевой суммой и другими параметрами, которые активно используются в современной кросс-культурной психологии.

При этом важно изучать межстрановые различия в силе и, возможно, даже направлении этих связей, опе-

рационализируемых как межуровневые эффекты интеракции в объяснительных регрессионных моделях.

В объяснительных исследованиях особым вкладом психологов может стать порождение альтернативных интерпретаций ранее полученных результатов, особенно в связи с неучтенными опосредующими переменными.

Так, не исключено, что компенсаторный положительный эффект социального неравенства на общую гордость страной может в разной степени проявляться у лиц с разным социальным статусом — как объективным, так и его субъективной самооценкой, — и разным доступом к альтернативным ресурсам социальной включенности, например, социальным связям на микроуровне.

Кроме того, не исключено, что влияние представлений о национальной идентичности, транслируемых в масс-медиа, не сводится к простому принятию в той или иной степени, но приводит к непредвиденным изменениям в содержании этих представлений в массовом сознании.

Также было бы интересно изучить силу и характер влияния национальной идентичности на различные

формы поведения, особенно те, которые посредством обращения к национальному вопросу пытаются изменить или контролировать.

Наконец, традиционный призыв к лонгитюдным исследованиям здесь не выглядит ритуальным: тематический блок ISSP, посвященный национальной идентичности, содержит уже три волны, что позволяет оценить динамику, а по отдельным странам требуемых данных еще больше.

В одном из недавних номеров “Nations and Nationalism” одним из аргументов в попытке ограничить роль идеи «банального национализма» представлена дисциплинарная идентичность автора концепции и одноименной книги Биллига [5]: по мнению сторонников этого аргумента, психология в целом играет настолько малую роль в исследованиях национальной идентичности, что ни один психолог не мог внести в представления о нациях и национализме что-либо принципиально важное и новое [14]. Проведенный в данной статье обзор демонстрирует неверность этого суждения и позволяет надеяться, что скоро она станет очевидна не только психологам.

Финансирование

Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

ЛИТЕРАТУРА

1. A longitudinal test of the relation between German nationalism, patriotism, and outgroup derogation / Wagner U. [et al.] // *European Sociological Review*. 2010. Vol. 28. № 3. P 319—332. doi:10.1093/esr/jcq066
2. Ariely G. Evaluations of patriotism across countries, groups, and policy domains // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2018. Vol. 44. № 3. P. 462—481. doi:http://dx.doi.org/10.1080/1369183X.2017.1319761
3. Ariely G. Globalisation and the decline of national identity? An exploration across sixty-three countries // *Nations and Nationalism*. 2012. Vol. 18. № 3. P 461—482. doi:10.1111/j.1469-8129.2011.00532.x
4. Ariely G. Why does patriotism prevail? Contextual explanations of patriotism across countries // *Identities*. 2017. Vol. 24. № 3. P 351—377. doi:10.1080/1070289X.2016.1149069
5. Billig M. *Banal nationalism*. London: Sage. 1995. 200 p.
6. Bonikowski B. Nationalism in settled times // *Annual Review of Sociology*. 2016. Vol. 42. P 427—449.
7. Davidov E. Measurement equivalence of nationalism and constructive patriotism in the ISSP: 34 countries in a comparative perspective // *Political Analysis*. 2009. Vol. 17. № 1. P 64—82. doi:10.1093/pan/mpn014
8. Davidov E. Nationalism and constructive patriotism: A longitudinal test of comparability in 22 countries with the ISSP // *International Journal of Public Opinion Research*. 2010. Vol. 23. № 1. P 88—103. doi:10.1093/ijpor/edq031
9. De Figueiredo Jr R.J.P., Elkins Z. Are patriots bigots? An inquiry into the vices of in-group pride // *American Journal of Political Science*. 2003. Vol. 47. № 1. P. 171—188. doi:10.1111/1540-5907.00012
10. Elkins Z., Sides J. Can institutions build unity in multiethnic states? // *American Political Science Review*. 2007. Vol. 101. № 4. P 693—708. doi:10.1017/S0003055407070505
11. EVS (2011): *European Values Study 1981—2008, Longitudinal Data File*. GESIS Data Archive, Cologne, ZA4804 Data File Version 2.0.0, doi:10.4232/1.11005.
12. Fabrykant M. National identity in the contemporary Baltics: Comparative quantitative analysis // *Journal of Baltic Studies*. 2018. Vol. 49. № 3. P 305—331. doi:10.1080/01629778.2018.1442360
13. Fabrykant M., Magun V. Grounded and Normative Dimensions of National Pride in Comparative Perspective // *Dynamics of National Identity: Media and Societal Factors of What We Are* / Eds. P. Schmidt, J. Grimm, L. Huddy, J. Seethaler. New York, NY: Routledge, 2016. [Ch.] 6. P. 83—112.
14. Fox J.E., Van Ginderachter M. Introduction: Everyday nationalism's evidence problem // *Nations and Nationalism*. 2018. Vol. 24. № 3. P 546—552. doi:10.1111/nana.12418
15. Grigoryan L.K. National identity and anti-immigrant attitudes // *Dynamics of National Identity: Media and Societal Factors of What We Are* / Eds. P. Schmidt, J. Grimm, L. Huddy, J. Seethaler. New York, NY: Routledge, 2016. [Ch.] 11. P. 206—228.

16. *Huddy L., Khatib N.* American patriotism, national identity, and political involvement // *American journal of political science.* 2007. Vol. 51. № 1. P 63—77. doi:10.1111/j.1540-5907.2007.00237.x
17. ISSP Research Group (1998): International Social Survey Programme: National Identity I — ISSP 1995. GESIS Data Archive, Cologne. ZA2880 Data file Version 1.0.0, doi:10.4232/1.2880
18. ISSP Research Group (2012): International Social Survey Programme: National Identity II — ISSP 2003. GESIS Data Archive, Cologne. ZA3910 Data file Version 2.1.0, doi:10.4232/1.11449
19. ISSP Research Group (2015): International Social Survey Programme: National Identity III — ISSP 2013. GESIS Data Archive, Cologne. ZA5950 Data file Version 2.0.0, doi:10.4232/1.12312
20. *Kunovich R.M.* The sources and consequences of national identification // *American Sociological Review.* 2009. Vol. 74. № 4. P 573—593. doi:10.1177/000312240907400404
21. *Smith T.W., Jarkko L.* National pride: A cross-national analysis. Chicago, IL : National Opinion Research Center, University of Chicago, 1998. 50 p.
22. *Smith T.W., Kim S.* National pride in comparative perspective: 1995/96 and 2003/04 // *International Journal of Public Opinion Research.* 2006. Vol. 18. № 1. P 127—136. doi:10.1093/ijpor/edk007
23. *Solt F.* Diversionary nationalism: Economic inequality and the formation of national pride // *The Journal of Politics.* 2011. Vol. 73. № 3. P 821—830. doi:10.1017/S002238161100048X
24. *Wimmer A.* Power and pride: National identity and ethno-political inequality around the world // *World Politics.* 2017. Vol. 69. № 4. P 605—639. doi:10.1017/S0043887117000120
25. World Values Survey: All Rounds — Country-Pooled Data file Version [Электронный ресурс] / Inglehart, R. [et al.]. Madrid: JD Systems Institute, 2014. URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWVL.jsp>. (дата обращения: 14.08.2018).

Comparative quantitative study on national identity in contemporary social psychology

Fabrykant M.S.,

PhD in psychology, PhD in sociology, senior researcher, laboratory for comparative studies of mass consciousness, Expert Institute, National Research University Higher School of Economics, associate professor, chair of psychology, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University, Minsk, Belarus, marharyta.fabrykant@gmail.com, mfabrykant@hse.ru

The article presents a review of quantitative comparative cross-cultural studies on national identity conducted by psychologists during the last two decades. It considers the relation of theoretical and methodological grounds of these studies with the general agenda of the contemporary social psychology, interdisciplinary studies on nations and nationalism, and empirical resources of cross-national surveys. The relevant publications demonstrate the prevalence of descriptive approach in psychological studies, while sociology and political science mostly use the explanatory research approach on factors affecting the national identity. Nevertheless, the explanatory research results reveal the underestimated cross-cultural variability of correlations between national identity components and the correspondence of these components to essentially different cognitive mechanisms. To fulfil the potential of their discipline, cross-cultural psychologists studying national identity should explore relations of national identity with basic values and attitudes with paying a special attention to cross-level interaction effects and social dynamics.

Keywords: cross-cultural psychology, mass consciousness, national identity, nationalism, patriotism.

Funding

This work is an output of a research project implemented as part of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE).

REFERENCES

1. Wagner U. et al. A longitudinal test of the relation between German nationalism, patriotism, and outgroup derogation. *European Sociological Review*, 2010, vol. 28, no. 3. P. 319—332. doi:10.1093/esr/jcq066
2. Ariely G. Evaluations of patriotism across countries, groups, and policy domains. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 2018, vol. 44, no. 3, pp. 462—481. doi:http://dx.doi.org/10.1080/1369183X.2017.1319761
3. Ariely G. Globalisation and the decline of national identity? An exploration across sixty-three countries. *Nations and Nationalism*, 2012, vol. 18, no. 3. P. 461—482. doi:10.1111/j.1469-8129.2011.00532.x
4. Ariely G. Why does patriotism prevail? Contextual explanations of patriotism across countries. *Identities*, 2017, vol. 24, no. 3. P. 351—377. doi:10.1080/1070289X.2016.1149069
5. Billig M. Banal nationalism. London: Sage. 1995. 200 p.
6. Bonikowski B. Nationalism in settled times. *Annual Review of Sociology*, 2016, vol. 42. P. 427—449.
7. Davidov E. Measurement equivalence of nationalism and constructive patriotism in the ISSP: 34 countries in a comparative perspective. *Political Analysis*, 2009, vol. 17, no. 1. P. 64—82. doi:10.1093/pan/mpn014
8. Davidov E. Nationalism and constructive patriotism: A longitudinal test of comparability in 22 countries with the ISSP. *International Journal of Public Opinion Research*, 2010, vol. 23, no. 1. P. 88—103. doi:10.1093/ijpor/edq031
9. De Figueiredo Jr R.J.P., Elkins Z. Are patriots bigots? An inquiry into the vices of in-group pride. *American Journal of Political Science*, 2003, vol. 47, no. 1, pp. 171—188. doi:10.1111/1540-5907.00012
10. Elkins Z., Sides J. Can institutions build unity in multiethnic states? *American Political Science Review*, 2007, vol. 101, no. 4. P. 693—708. doi:10.1017/S0003055407070505
11. EVS (2011): European Values Study 1981—2008, Longitudinal Data File. GESIS Data Archive, Cologne, ZA4804 Data File Version 2.0.0, doi:10.4232/1.11005.
12. Fabrykant M. National identity in the contemporary Baltics: Comparative quantitative analysis. *Journal of Baltic Studies*, 2018, vol. 49, no. 3. P. 305—331. doi:10.1080/01629778.2018.1442360
13. Fabrykant M., Magun V. Grounded and Normative Dimensions of National Pride in Comparative Perspective. In Schmidt P., Grimm J., Huddy L., Seethaler J. (eds.) *Dynamics of National Identity: Media and Societal Factors of What We Are*. New York, NY: Routledge, 2016. [Ch.] 6, pp. 83—112.
14. Fox J.E., Van Ginderachter M. Introduction: Everyday nationalism's evidence problem. *Nations and Nationalism*, 2018, vol. 24, no. 3. P. 546—552. doi:10.1111/nana.12418
15. Grigoryan L.K. National identity and anti-immigrant attitudes. In Schmidt P., Grimm J., Huddy L., Seethaler J. (eds.) *Dynamics of National Identity: Media and Societal Factors of What We Are*. New York, NY: Routledge, 2016. [Ch.] 11, pp. 206—228.

16. Huddy L., Khatib N. American patriotism, national identity, and political involvement. *American journal of political science*, 2007, vol. 51, no. 1. P. 63—77. doi:10.1111/j.1540-5907.2007.00237.x
17. ISSP Research Group (1998): International Social Survey Programme: National Identity I — ISSP 1995. GESIS Data Archive, Cologne. ZA2880 Data file Version 1.0.0, doi:10.4232/1.2880
18. ISSP Research Group (2012): International Social Survey Programme: National Identity II — ISSP 2003. GESIS Data Archive, Cologne. ZA3910 Data file Version 2.1.0, doi:10.4232/1.11449
19. ISSP Research Group (2015): International Social Survey Programme: National Identity III — ISSP 2013. GESIS Data Archive, Cologne. ZA5950 Data file Version 2.0.0, doi:10.4232/1.12312
20. Kunovich R.M. The sources and consequences of national identification. *American Sociological Review*, 2009, vol. 74, no. 4, pp. 573—593. doi:10.1177/000312240907400404
21. Smith T.W., Jarkko L. National pride: A cross-national analysis. Chicago, IL : National Opinion Research Center, University of Chicago, 1998. 50 p.
22. Smith T.W., Kim S. National pride in comparative perspective: 1995/96 and 2003/04. *International Journal of Public Opinion Research*, 2006, vol. 18, no. 1, pp. 127—136. doi:10.1093/ijpor/edk007
23. Solt F. Diversionary nationalism: Economic inequality and the formation of national pride. *The Journal of Politics*, 2011, vol. 73, no. 3, pp. 821—830. doi:10.1017/S002238161100048X
24. Wimmer A. Power and pride: National identity and ethno-political inequality around the world. *World Politics*, 2017, vol. 69, no. 4, pp. 605—639. doi:10.1017/S0043887117000120
25. Inglehart R. et al. World Values Survey: All Rounds — Country-Pooled Data file Version [Elektronnyi resurs]. Madrid: JD Systems Institute, 2014. Available at: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWVL.jsp> (Accessed 14.08.2018).

Религия и межгрупповой конфликт: современные исследования религиозного фундаментализма

Хухлаев О.Е.,

кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры этнопсихологии и психологических проблем
поликультурного образования, ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия,
huhlaevoe@mgppu.ru

Александрова Е.А.,

кандидат культурологических наук, доцент кафедры этнопсихологии и психологических проблем
поликультурного образования, ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия,
aleksandrovaee@gmail.com

Зыков Е.В.,

кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры социальной и специальной педагогики
и психологии, Армавирская государственная педагогическая академия, Армавир, Россия,
zykov_jenya@mail.ru

Статья содержит обзор современных подходов к решению вопроса о том, являются ли верования, специфически религиозные отношения, практики или религиозные группы причиной межгруппового конфликта. Исследования показывают, что роль ключевой переменной в структуре межрелигиозной враждебности — религиозного фундаментализма — крайне неоднозначна и сильно зависит как от особенностей ситуации (например, характера прайминга религиозными текстами), так и от культурного контекста. В ситуациях, когда религиозные послания диктуют необходимость гуманного отношения к «иным», религиозные фундаменталисты демонстрируют позитивное отношение к представителям аутгруппы. Специфика микро- и макро-уровней в конкретной ситуации может приводить как в возрастанию, так и к нивелированию «религиозно-специфического» фактора в межгрупповом противостоянии.

Ключевые слова: религиозный фундаментализм, межгрупповая враждебность, предрассудки, религиозность.

Для цитаты:

Хухлаев О.Е., Александрова Е.А., Зыков Е.В. Религия и межгрупповой конфликт: современные исследования религиозного фундаментализма [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2018. Том 7. № 4. С. 32—39. doi:10.17759/jmfp.2018070404

For citation:

Huhlaev O.E., Alexandrova E.A., Zikov E.V. Religion and intergroup conflict: modern studies of religious fundamentalism [Elektronny resurs]. *Journal of Modern Foreign Psychology*, 2018, vol. 7, no. 4, pp. 32—39. doi: 10.17759/jmfp.2018070404 (In Russ.; Abstr. in Engl.).

Межгрупповой конфликт — это специфическая форма межгруппового восприятия и взаимодействия, активное и /или пассивное противостояние между различными группами [1]. Так как религия всегда играла значимую роль в социуме, религиозный фактор является важным и в межгрупповых конфликтах разного рода [2].

Однако фактическое использование религиозных атрибутов в межгрупповом противостоянии не дает однозначного ответа — является ли религия сама по себе источником межгрупповых конфликтов? Выступают ли определенные верования, специфические религиозные отношения, практики или религиозные группы как самостоятельная причина конфликта? В следствие этого остается открытым вопрос: насколько фактор религии является значимым «сам по себе?». Наполняет ли он межгрупповую конфликтность каким-то особым значением или играет формальную

роль, представляя собой всего лишь маркер аутгруппы, не имеющий значимых отличий с другими типовыми аутгруппами?

В современной социальной психологии наиболее полно природа межгрупповой конфликтности описана в рамках теории межгрупповой угрозы [28]. Согласно данной теории источником неприязни (лежащей в основе конфликта) является ощущение угрозы, которое вызывает у людей аутгруппа. Это ощущение проявляется в виде реальной угрозы, связанной со страхом за жизнь, здоровье и/или материальное благополучие. Также угроза может ощущаться символически: люди зачастую опасаются того, что представители других групп нанесут ущерб их религии, ценностям и мировоззрению.

Очевидно, что религиозный фактор может проявляться как в виде символической, так и реальной угрозы. Социальная организация конкретных групп может

строиться по религиозному признаку (например, арабы-мусульмане и евреи-иудеи в Палестине в 1940-х гг. перед началом острой фазы конфликта и до создания государства Израиль). Если межгрупповое противостояние связано, предположим, с разделом ресурсов (территория, экономические ресурсы), то религиозная категоризация будет определять источник реальной угрозы в межгрупповом конфликте.

В ситуации, когда религия играет ведущую роль в определении реальной угрозы, она, по сути, является всего лишь маркером принадлежности к иной социальной группе, представители которой угрожают «нашим» ресурсам. Религиозность PerSe, каноны, духовные и обрядовые практики в этом случае выступают только как признаки принадлежности к ин и аут-группам. Таким образом, религия может рассматриваться как ситуационный фактор при разворачивании межгрупповых конфликтов с ощущением реальной угрозы на основе социальной категоризации [19].

В то же время люди могут считать, что носители другой религии могут нанести вред исповеданию их религии, что обрядовая практика «иноверцев» противоречит религиозным канонам ин-группы и несет угрозу религиозному мировоззрению [18]. В этом случае социальные психологи говорят о существовании символической угрозы, что, однако, не снижает (а зачастую повышает) градус конфликтного противостояния.

Таким образом, религиозность выступает как индивидуальная особенность, являющаяся самостоятельной предпосылкой межгрупповой неприязни [21]. Однако, как отмечал Г. Олпорт «роль религии парадоксальна. Она может как творить предрассудки, так и их разрушать» [5, с. 444]. Соответственно, магистральная цель всех исследований религиозной природы межгрупповой враждебности заключается в выделении определенных характеристик религиозности, «ответственных» за ее вклад в межгрупповую неприязнь.

Исследования 60—70-х годов XX столетия были основаны на модели религиозных ориентаций Г. Олпорта [4; 3], согласно которой внутренняя религиозность отражается позитивно на межгрупповом взаимодействии, а внешняя религиозная ориентация связана с предубежденностью к аут-группам. Первоначально данная гипотеза нашла определенное эмпирическое подтверждение [16]. Однако, как отмечают И. Хансен и А. Норензян [20] религиозная ориентация в многочисленных исследованиях обнаруживает различные взаимоотношения с предубежденностью. Однозначные данные, подтверждающие, что именно внешняя (extrinsic) религиозная мотивация устойчиво связана с предрассудками, получены только на материале США [19]. Таким образом, результаты современных изысканий в данной области знаний крайне противоречивы и не позволяют однозначно переносить данные, полученные в рамках изучения преимущественно протестантов, на другие религиозные группы.

Другой путь изучения формы религиозности, порождающей межгрупповые конфликты, связан с представ-

лением о существовании религиозного фундаментализма. Это особый вид религиозной ориентации, характеризующийся беспрекословной и непоколебимой уверенностью в основные религиозные догмы [7]. Концепция религиозного фундаментализма разработана Б. Альтмейером и является частью более широкой теории, утверждающей, что ведущей индивидуальной причиной межгруппового противостояния является авторитаризм правого толка [6; 8]. Религиозный фундаментализм, по сути является отражением в религиозной сфере общих авторитарных установок, что подтверждается многочисленными исследованиями [8; 19; 23].

Однако современные исследования показывают, что делать однозначные выводы о связи религиозного фундаментализма и межгрупповой враждебности преждевременно. Так в масштабном исследовании мусульман из разных стран (от Индонезии до России) было обнаружено, что религиозный фундаментализм не только не повышает, но даже снижает поддержку воинствующего экстремизма [23]. Европейские христиане, демонстрирующие высокий балл по шкале «фундаментализм», не готовы голосовать за «крайне правых» [9], т. е. за партии политического спектра однозначно поддерживающих рост межгрупповой конфликтности. В отличие от авторитаризма религиозный фундаментализм является предиктором желания помочь близким (друзьям) или членам ин-группы [13].

Д. Блоговская и В. Сароглоу [13] предположили, что религиозный фундаментализм имеет двойственную природу. С одной стороны он тесно связан с авторитарными предрассудками. С другой стороны он, вследствие включенности в религиозные практики, стимулирует религиозное просоциальное поведение, нацеленное на соответствие религиозным канонам. Для проверки этой гипотезы, была проведена серия исследований, на описании которых мы остановимся подробнее.

Религиозный фундаментализм: влияние содержания религиозных текстов

Исследования Д. Блоговской и В. Сароглоу [13] строилось на модели религиозного прайминга, применявшейся с успехом в изучении сходных феноменов [14; 27]. Их цель состояла в том, чтобы проверить гипотезу о том, что религиозный фундаментализм может выступать предиктором как антисоциального, так и просоциального поведения в зависимости от характера религиозного текста, демонстрируемого в формате прайминга.

Задача части исследований состояла в том, чтобы выяснить, снижает ли чтение библейского текста, демонстрирующего легитимность насилия (Левит, 24:10-16), желание помочь незнакомцу. В других исследованиях респондентам предъявлялась цитата из Нового Завета, одобряющая гуманное, просоциальное поведение (милосердие, прощение и альтруизм (Лука, 6:36-38).

Так как известно, что фундаменталистское поведение связано с желанием помочь членам собственной группы, но не незнакомцам [22], в качестве объекта помощи в первом исследовании был выбран незнакомый человек. В последующих исследованиях образ незнакомца был дополнен характеристиками, которые заведомо вызывают неприязнь фундаменталистски ориентированных религиозных людей. Это были либо атеисты (т.е. носители угрозы религиозному сознанию), либо люди, которые попали в беду благодаря собственным действиям. Таким образом, оценивалось желание помочь не просто представителям аутгруппы, но тем, кто нарушает представления об идеале для фундаменталистски ориентированного индивида, заранее определяя негативное к ним отношение.

В результате обнаружено, что в христианской аудитории библейские тексты, поддерживающие насилие, снижают уровень просоциального поведения у фундаменталистов и ведут к снижению желания помочь неизвестным людям и атеистам. Просоциальные библейские тексты, напротив, ведут к повышению положительного отношения к нуждающимся незнакомцам и атеистам.

Таким образом, показано, что агрессивный религиозный текст вызывает у фундаменталистов ощущение, угрозы, исходящей от аутгруппы, что приводит к снижению просоциального поведения по отношению к ним. Религиозные тексты, проповедующие сострадание, наоборот, повышают уровень просоциального поведения, стимулируя фундаменталистов к просоциальному отношению к нуждающимся в помощи и атеистам. Данные результаты являются отражением более широкой тенденции влияния социальной желательности. Так, известно, что в ситуации, когда неприязнь к конкретной группе становится социально запрещенной, связь фундаментализм — предубеждение (или даже религиозность — предубеждение) исчезает [11; 19].

При этом Д. Блоговская и В. Сароглоу рассматривают смещение поведения фундаменталистов в сторону просоциального как поверхностное, так как оно основано на покорности религиозному учению. Эта позиция связана с тем, что покорность и зависимость — не всегда лучшая гарантия просоциальности и соблюдения моральных норм [24].

Ориентация на религиозный поиск («quest religious orientation»), форма религиозности, поддерживающая сомнения и принятие изменений в содержании верования (противоположная догматизму) [10], является устойчивым предиктором терпимого отношения к людям, угрожающим религиозным ценностям испытуемого [29]. Это подтверждается также связью между принятием религиозных противоречий, свойственным религиозным течениям Юго-Восточной Азии и большей их толерантностью, по сравнению с монотеистическими религиями Запада [15]. В описанном нами исследовании Д. Блоговской и В. Сароглоу [13] ориентация на религиозный поиск была включена как дополнительное, контрольное по отношению к рели-

гиозному фундаментализму измерение. Оказалось, что люди с высокими показателями стремления к религиозному поиску оказались невосприимчивы к религиозному тексту и в любой ситуации демонстрировали высокий уровень желания помочь. Получается, что ориентация на религиозный поиск не подвержена внешнему воздействию и является безусловным религиозным мотиватором просоциального поведения. В отличие от данной религиозной ориентации, влияние фундаментализма связано с характером конкретной социальной ситуации, например актуальностью того или иного религиозного текста.

Если же расширить научное значение этого исследования и выйти за рамки просоциальности, то видно, что его главный результат — демонстрация лабильности религиозного фундаментализма. В конкретном контексте медиатором его влияния на отношение к аутгруппе выступил характер религиозного текста. Также возможны и иные ситуации, обуславливающие влияние фундаментализма на межгрупповую конфликтность.

В целом, рассмотрение религиозного фундаментализма как непрямого предиктора межгрупповой враждебности, воздействие которого опосредовано целым рядом факторов, еще требующих подробного изучения (как ситуационных, так и диспозиционных), позволяет в определенной мере примирить противоречивые результаты изучения вклада религиозного фундаментализма в межгрупповое противостояние.

Следующим шагом в данном направлении может быть рассмотрение религиозного фундаментализма в контексте особенностей религий, его порождающих. Если авторитаризм рассматривается как культурно-универсальный феномен, то очевидно, что безусловная вера в разные религиозные концепции (фундаментализм) может проявляться по-разному, в зависимости от содержания данных концепций. Более подробно данный вопрос рассмотрен в модели религиозного фундаментализма, учитывающей его культурное разнообразие, предложенной В. Сароглоу [26].

Культурное разнообразие религиозного фундаментализма

Остановимся на соотнесении религиозного фундаментализма и особенностей культуры, проявляющихся в специфике различных вероисповеданий.

В. Сароглоу [25] отмечает существование четырех основных измерений религии: а) вера в специфические, неочевидные для других идеи; б) ощущение связи с трансцендентным; в) представления о правильном поведении; г) принадлежность к авторитетной группе, имеющей отношение к вечности, бессмертию. Эти измерения проявляются в различных социумах по-разному и потому могут специфически раскрываться в контексте фундаментализма и его оппозиции «широкому религиозному мышлению» («open-minded ways»).

Формы фундаменталистского развития каждого из описанных выше измерений религии, могут выглядеть следующим образом [26].

а) Вера трансформируется в догматизм и буквальное понимание в противоположность символическому восприятию религиозных идей.

б) Связь с трансцендентным становится негативной эмоциональностью, проявляющейся при участии в религиозных ритуалах (в противоположность позитивной эмоциональности).

в) Представления о верном поведении становятся моральным ригоризмом (бескомпромиссностью) и коллективистской моралью в противовес вариативным моральным установкам, чувствительным к индивидуальному (а не межгрупповому) контексту.

г) Ощущение принадлежности к значимой религиозной группе трансформируется в сильную межгрупповую отчужденность в противовес проницаемости групповых границ.

Таким образом, В. Сароглоу обозначает четыре типа религиозного радикализма среди монотеистических религий: догматический, ритуалистический, моралистический и радикализм, центрированный на идентичность («identitarian»). Более развернуто модель культурного разнообразия религиозного фундаментализма среди монотеистических религий представлена в табл. 1.

Безусловно, соотнесение вариантов фундаментализма с определенными религиями и культурными регионами вызывает много вопросов, требует дополнительной аргументации и соответствующих эмпирических исследований. Однако уже сейчас видны ресурсы данного подхода.

Согласно теории межгрупповой угрозы [28], основным психологическим источником межгрупповой враждебности является переживание символической или реальной угрозы от аутгруппы. При этом символическая угроза, на которую наиболее остро реагируют религиозные фундаменталисты, может проявляться по-разному. Очевидно, что разные типы религиозного

фундаментализма более чувствительны к различным формам символической угрозы.

Для религиозного Догматизма/Буквализма наиболее пугающими будут аутгруппы, ставящие под сомнение истинность их веры, содержание религиозных смыслов.

Фундаменталисты, центрированные на ритуалах, обеспечивающих связь со своей группой («ритуализм»), будут наиболее неприязненно относиться к аутгруппам, воспринимаемым как угроза ритуальной практике, нарушающим внутреннее спокойствие и эмоциональную стабильность.

Фундаментализм-Морализм будет стимулировать повышенную чувствительность к угрозе, исходящей от аутгруппы, связанной с нарушением социальных норм и демонстрирующей поведение, противоречащее моральному коду.

Для религиозного фундаменталиста, центрированного на принадлежности к группе («идентитиаризм»), наиболее пугающими будут казаться аутгруппы, которые угрожают социальной самооценке ингруппы.

Выводы

Можно сказать, что в современной зарубежной психологии не существует однозначного ответа на вопрос о том, является ли религия источником межгрупповых конфликтов. Магистральная линия исследования связи религии и межгрупповой конфликтности шла последние 30 лет в рамках модели религиозного фундаментализма, изначально однозначно рассматриваемого в качестве специфического «религиозного» предиктора предрассудков.

В исследованиях прайминга религиозных текстов Д. Блоговской и В. Сароглоу показано, что роль религиозного фундаментализма неоднозначна. В ситуациях, когда религиозные послания диктуют необходимость гуманного отношения к «иным», религиозные фундаменталисты демонстрируют позитивное отношение к представителям аутгруппы.

Таблица 1
 Культурное разнообразие религиозного фундаментализма среди монотеистических религий [26]

Измерение религиозности	Результаты конструирования культуры	Основные цели, мотивы	Тип радикализма	Внутренние процессы	Вероисповедание	Регионы
Вера (Believing)	Убеждения, мировоззрение	Смысл, истина	Догматизм	Догматизм, буквализм	Протестантизм	Северная Европа, США
Связь (Bonding)	Ритуалы, эмоции	Эмоциональный самоконтроль, внутреннее спокойствие	Ритуализм	Негативная эмоциональность, магическое мышление	Иудаизм, Православие	Восточная Европа, Средиземноморье
Поведение (Behaving)	Нормы, моральный код	Моральный самоконтроль, праведность	Морализм	Ригоризм, коллективистская мораль	Католицизм, Ислам	Западная Европа, Ближний Восток
Принадлежность (Belonging)	Сообщество, группа	Социальная самооценка	Центрация на идентичности («Identitarian»)	Отчужденность ингруппы и аутгруппы	Иудаизм, Православие	Восточная Европа, Средиземноморье

Учет культурных и региональных особенностей, отраженных в специфике вероисповедания, приводит исследователей к пересмотру концепции религиозного фундаментализма как универсальной во всех религиозных традициях. Согласно подходу В. Сароглоу, разные типы религиозности приводят к тому, что религиозный фундаментализм в одной культурной среде будет стимулировать предрассудки к одному типу групп, а в другой — к совершенно иному.

В целом данные исследования позволяют с одной стороны, подтвердить значимую роль религии в продуцировании межгрупповой конфликтности, с другой — показать, что эта роль не универсальна, а сильно зависит от влияния как культуры так и особенностей конкретной ситуации. Специфика микро и макро-уровня в конкретной ситуации может приводить как к возрастанию так и к нивелированию «религиозно-специфического» фактора в межгрупповом противостоянии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гулевич О.А. Психология межгрупповых отношений. Москва: Юрайт, 2017. 341 с.
2. Религия и конфликт / Под ред. А. Малашенко, С. Филатова. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. 289 с.
3. Тутов Р.С. Концепция индивидуальной религиозности Г. Олпорта: понятие религиозных ориентаций // Культурно-историческая психология. 2013. № 1. С. 2—9.
4. Allport G.W., Ross J.M. Personal religious orientation and prejudice // Journal of Personality and Social Psychology. 1967. Vol. 5. № 4. P. 432—443. doi:10.1037/h0021212
5. Allport, G.W. The nature of prejudice. Cambridge, MA: Addison-Wesley, 1954. 537 p.
6. Altemeyer B. The authoritarian spectre. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1996. 384 p.
7. Altemeyer B., Hunsberger B. A revised Religious Fundamentalism Scale: The short and sweet of it. International // Journal for the Psychology of Religion. 2004. Vol. 14. № 1. P. 47—54. doi:10.1207/s15327582ijpr1401_4
8. Altemeyer B., Hunsberger B. Fundamentalism and authoritarianism // Handbook of the psychology of religion and spirituality / Eds. R.F. Paloutzian, C.L. Park. New York, NY: Guilford Press, 2005. P. 378—393.
9. Arzheimer K., Carter E. Christian religiosity and voting for West European radical right parties // West European Politics. 2009. Vol. 32. № 5. P. 985—1011. doi:10.1080/01402380903065058
10. Batson C.D., Denton D.M., Vollmecke J.T. Quest religion, anti-fundamentalism, and limited versus universal compassion // Journal for the Scientific Study of Religion. 2008. Vol. 47. № 1. P. 135—145. doi:10.1111/j.1468-5906.2008.00397.x
11. Batson C.D., Schoenrade P., Ventis W.L. Religion and the individual: A social psychological perspective. New York: Oxford University Press, 1993. 427 p.
12. Beller J., Kröger C. Religiosity, Religious Fundamentalism, and Perceived Threat as Predictors of Muslim Support for Extremist Violence // Psychology of Religion and Spirituality. 2018. Vol. 10. № 4. P. 345—355. doi:10.1037/rel0000138
13. Blogowska J., Saroglou V. For Better or Worse: Fundamentalists' Attitudes Towards Outgroups as a Function of Exposure to Authoritative Religious Texts // International Journal for the Psychology of Religion. 2013. Vol. 23. № 2. P. 103—125. doi:10.1080/87567555.2012.687991
14. Blogowska J., Saroglou V. Religious fundamentalism and limited prosociality as a function of the target // Journal for the Scientific Study of Religion. 2011. Vol. 50. № 1. P. 44—60. doi:10.1111/j.1468-5906.2010.01551.x
15. Clobert M., Saroglou V., Hwang K.K. East Asian religious tolerance versus Western monotheist prejudice: The role of (in) tolerance of contradiction // Group processes & intergroup relations. 2017. Vol. 20. № 2. P. 216—232. doi:10.1177/1368430215603458
16. Cook D.B., McDaniel M.G., Doyle-Portillo S.M. Taking religion to heart: the relationship between the Five Factor Model and the New Indices of Religious Orientation among religious students // Journal of beliefs & values—studies in religion & education. 2018. Vol. 39. № 3. P. 304—316. doi:10.1080/13617672.2018.1429172
17. Donahue M.J. Intrinsic and extrinsic religiousness: Review and meta-analysis // Journal of Personality & Social Psychology. 1985. Vol. 48. № 2. P. 400—419. doi:10.1037/0022-3514.48.2.400
18. Goplen J., Plant E.A. A Religious Worldview: Protecting One's Meaning System Through Religious Prejudice // Personality and Social Psychology Bulletin. 2015. Vol. 41. № 11. P. 1474—1487. doi:10.1177/0146167215599761
19. Hall D., Matz D.C., Wood W. Why don't we practice what we preach? A meta-analytic review of religious racism // Personality and Social Psychology Review. 2010. № 14. P. 126-139. doi:10.1177/1088868309352179
20. Hansen I.G., Norenzayan A. Between yang and yin and heaven and hell: Untangling the complex relationship between religion and intolerance // Where God and science meet: How brain and evolutionary studies alter our understanding of religion / Ed. P. McNamara. Westport, CT: Praeger, 2006. P. 187—211
21. Hodson G., Dhont K. The person-based nature of prejudice: Individual difference predictors of intergroup negativity // European Review of Social Psychology. 2015. Vol. 26. № 1. P. 1—42. doi:10.1080/10463283.2015.1070018
22. Hood R.W., Hill P.C., Spilka B. The psychology of religion: An empirical approach. 4th ed. New York: Guilford Press, 2009. 636 p.

23. *McCleary D.F., Quillivan C.C., Foster L.N.* Meta-analysis of correlational relationships between perspectives of truth in religion and major psychological constructs // *Psychology of Religion and Spirituality*. 2011. Vol. 3. № 3. P. 163—180. doi:10.1037/a0022208
24. Moral identity and psychological distance: The case of adolescent parental socialization / S.A. Hardy [et al.] // *Journal of Adolescence*. 2010. Vol. 33. № 1. P. 111—123. doi:10.1016/j.adolescence.2009.04.008
25. *Saroglou V.* Believing, bonding, behaving, and belonging: The big four religious dimensions and cultural variation // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2011. Vol. 42. № 8. P. 1320-1340. doi:10.1177/0022022111412267
26. Saroglou V. Intergroup Conflict, Religious Fundamentalism, and Culture // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2016. Vol. 47. № 1. P. 33—41.
27. Saroglou V., Corneille O., Van Cappellen P. «Speak, Lord, your servant is listening»: Religious priming activates submissive thoughts and behaviors // *International Journal for the Psychology of Religion*. 2009. Vol. 19. № 3. P. 143—154. doi:10.1080/10508610902880063
28. *Stephan, W.G., Ybarra O., Morrison K.R.* Intergroup Threat Theory // *Handbook of Prejudice, Stereotyping, and Discrimination* / Ed. T.D. Nelson. New York: Taylor and Francis Group, 2009. P. 43—60.
29. Toward an Understanding of Religious Tolerance: Quest Religiousness and Positive Attitudes Toward Religiously Dissimilar Others / D.R. Van Tongeren [et al.] // *The International Journal for the Psychology of Religion*. 2016. Vol. 26. № 3. P. 212—224. doi:10.1080/10508619.2015.1039417

Religion and intergroup conflict: modern studies of religious fundamentalism

Khukhlaev O.E.,

candidate of psychological sciences, associate professor, professor at the chair of etnopsychology and psychological problems of multicultural education, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia, huhlaevoe@mgppu.ru

Alexandrova E.A.,

candidate of cultural sciences, associate professor at the chair of etnopsychology and psychological problems of multicultural education, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia, aleksandrovae@gmail.com

Zikov E.V.,

candidate of psychological sciences, associate professor, associate professor at the chair of social and special education and psychology, Armavir State Pedagogical University, Armavir, Russia, zikov_jenya@mail.ru

The article contains an overview of modern approaches to the question of whether beliefs, specifically religious relations, practices or religious groups are the cause of intergroup conflict. The considered key arguments «for» and «against» the decisive role of religion in the intergroup opposition that is related to the religious factor do not allow drawing definite conclusions. Studies show that the role of a key variable in the structure of interreligious hostility — religious fundamentalism — is extremely ambiguous and strongly depends on the characteristics of the situation (for example, the nature of priming with religious texts), and on the cultural context. The specificity of micro and macro levels in a particular situation can lead to both — an increase and a leveling out of the «religion-specific» factor in intergroup opposition.

Keywords: religious fundamentalism, intergroup hostility, prejudice, religiosity.

REFERENCES

1. Gulevich O.A. Psikhologiya mezhrupponovykh otnoshenii [Psychology of intergroup relations]. Moscow: Yurait, 2017. 341 p. (In Russ.).
2. Malashenko A., Filatova S. Religiya i konflikt [Religion and conflict]. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2007. 289 p. (In Russ.).
3. Titov R.S. Kontseptsiya individual'noi religioznosti G. Olporta: ponyatie religioznykh orientatsii [Gordon Allport: The Concept of Personal Religious Orientations]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya [Cultural-Historical Psychology]*, 2013, no. 1. pp. 2—9. (In Russ.; Abstr. in Engl.).
4. Allport G.W., Ross J.M. Personal religious orientation and prejudice. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1967, vol. 5, no. 4, pp. 432—443. doi:10.1037/h0021212
5. Allport, G.W. The nature of prejudice. Cambridge, MA: Addison-Wesley, 1954. 537 p.
6. Altemeyer B. The authoritarian spectre. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1996. 384 p.
7. Altemeyer B., Hunsberger B. A revised Religious Fundamentalism Scale: The short and sweet of it. *International Journal for the Psychology of Religion*, 2004, vol. 14, no. 1, pp. 47—54. doi:10.1207/s15327582ijpr1401_4
8. Altemeyer B., Hunsberger B. Fundamentalism and authoritarianism. In Paloutzian R.F., Park C.L. (eds.) *Handbook of the psychology of religion and spirituality*. New York, NY: Guilford Press, 2005, pp. 378—393.
9. Arzheimer K., Carter E. Christian religiosity and voting for West European radical right parties. *West European Politics*, 2009, vol. 32, no. 5, pp. 985—1011. doi:10.1080/01402380903065058
10. Batson C.D., Denton D.M., Vollmecke J.T. Quest religion, anti-fundamentalism, and limited versus universal compassion. *Journal for the Scientific Study of Religion*, 2008, vol. 47, no. 1, pp. 135—145. doi:10.1111/j.1468-5906.2008.00397.x
11. Batson C.D., Schoenrade P., Ventis W.L. Religion and the individual: A social psychological perspective. New York: Oxford University Press, 1993. 427 p.
12. Beller J., Kröger C. Religiosity, Religious Fundamentalism, and Perceived Threat as Predictors of Muslim Support for Extremist Violence. *Psychology of Religion and Spirituality*, 2018, vol. 10, no. 4, pp. 345—355. doi:10.1037/rel0000138
13. Blogowska J., Saroglou V. For Better or Worse: Fundamentalists' Attitudes Towards Outgroups as a Function of Exposure to Authoritative Religious Texts. *International Journal for the Psychology of Religion*, 2013, vol. 23, no. 2, pp. 103—125. doi:10.1080/87567555.2012.687991
14. Blogowska J., Saroglou V. Religious fundamentalism and limited prosociality as a function of the target. *Journal for the Scientific Study of Religion*, 2011, vol. 50, no. 1, pp. 44—60. doi:10.1111/j.1468-5906.2010.01551.x

15. Clobert M., Saroglou V., Hwang K.K. East Asian religious tolerance versus Western monotheist prejudice: The role of (in)tolerance of contradiction. *Group processes & intergroup relations*, 2017, vol. 20, no. 2, pp. 216—232. doi:10.1177/1368430215603458
16. Cook D.B., McDaniel M.G., Doyle-Portillo S.M. Taking religion to heart: the relationship between the Five Factor Model and the New Indices of Religious Orientation among religious students. *Journal of beliefs & values-studies in religion & education*, 2018, vol. 39, no. 3, pp. 304—316. doi:10.1080/13617672.2018.1429172
17. Donahue M.J. Intrinsic and extrinsic religiousness: Review and meta-analysis. *Journal of Personality & Social Psychology*.1985, vol. 48, no. 2, pp. 400—419. doi:10.1037/0022-3514.48.2.400
18. Goplen J., Plant E.A. A Religious Worldview: Protecting One's Meaning System Through Religious Prejudice. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2015, vol. 41, no. 11, pp. 1474—1487. doi:10.1177/0146167215599761
19. Hall D., Matz D.C., Wood W. Why don't we practice what we preach? A meta-analytic review of religious racism. *Personality and Social Psychology Review*, 2010, no. 14, pp. 126—139. doi:10.1177/1088868309352179
20. Hansen I. G., Norenzayan A. Between yang and yin and heaven and hell: Untangling the complex relationship between religion and intolerance. In McNamara P. (ed.) *Where God and science meet: How brain and evolutionary studies alter our understanding of religion*. Westport, CT: Praeger, 2006, pp. 187—211
21. Hodson G., Dhont K. The person-based nature of prejudice: Individual difference predictors of intergroup negativity. *European Review of Social Psychology*, 2015, vol. 26, no. 1, pp. 1—42. doi:10.1080/10463283.2015.1070018
22. Hood R.W., Hill P. C., Spilka B. *The psychology of religion: An empirical approach*. 4th ed. New York: Guilford Press, 2009. 636 p.
23. McCleary D.F., Quillivan C.C., Foster L.N. Meta-analysis of correlational relationships between perspectives of truth in religion and major psychological constructs. *Psychology of Religion and Spirituality*, 2011, vol. 3, no. 3, pp. 163—180. doi:10.1037/a0022208
24. Hardy S.A. et al. Moral identity and psychological distance: The case of adolescent parental socialization. *Journal of Adolescence*, 2010. Vol. 33, no. 1, pp. 111—123. doi:10.1016/j.adolescence.2009.04.008
25. Saroglou V. Believing, bonding, behaving, and belonging: The big four religious dimensions and cultural variation. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 2011, vol. 42, no. 8, pp. 1320-1340. doi:10.1177/0022022111412267
26. Saroglou V. Intergroup Conflict, Religious Fundamentalism, and Culture. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 2016, vol. 47, no. 1, pp. 33—41.
27. Saroglou V., Corneille O., Van Cappellen P. «Speak, Lord, your servant is listening»: Religious priming activates submissive thoughts and behaviors. *International Journal for the Psychology of Religion*, 2009, vol. 19, no. 3, pp. 143—154. doi:10.1080/10508610902880063
28. Stephan, W.G., Ybarra O., Morrison K.R. Intergroup Threat Theory. In Nelson T.D. (ed.) *Handbook of Prejudice, Stereotyping, and Discrimination*. New York: Taylor and Francis Group, 2009, pp. 43—60.
29. Van Tongeren D.R. et al. Toward an Understanding of Religious Tolerance: Quest Religiousness and Positive Attitudes Toward Religiously Dissimilar Others. *The International Journal for the Psychology of Religion*. 2016, vol. 26, no. 3, pp. 212—224. doi:10.1080/10508619.2015.1039417

Психологические факторы ксенофобного поведения у подростков: зарубежные исследования

Гурина О.Д.,

эксперт отдела психологических экспертиз и исследований, ГБУ г. Москвы
«Московский исследовательский центр», Москва, Россия,
godgur@yandex.ru

В статье приведены результаты зарубежных исследований за последние несколько лет, посвященных изучению ксенофобного поведения подростков. Рассмотрены психологические и иные факторы, препятствующие и/или способствующие формированию ксенофобного поведения. Рассмотрены такие личностные структуры и индивидуально-психологические особенности, как ксенофобные установки, уровень тревожности, ксенофобные и ксенофильные ориентации. Представлены и выявлены некоторые различия в зарубежных и отечественных исследованиях ксенофобного поведения у подростков.

Ключевые слова: ксенофобное поведение, ксенофобные установки, подростковый возраст, индивидуально-психологические особенности, тревожность, ксенофобные и ксенофильные ориентации.

Для цитаты:

Гурина О.Д. Психологические факторы ксенофобного поведения у подростков: зарубежные исследования [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2018. Том 7. № 4. С. 40—45. doi: 10.17759/jmfp.2018070405

For citation:

Gurina O.D. The psychological factors of xenophobic behavior in adolescents: foreign studies [Elektronnyi resurs]. *Journal of Modern Foreign Psychology*, 2018, vol. 7, no. 4, pp. 40—45. doi:10.17759/jmfp.2018070405 (In Russ.; Abstr. in Engl.).

В зарубежной и отечественной психологии выделен ряд факторов, способствующих и/или препятствующих проявлениям ксенофобии, среди них наиболее изучены факторы, связанные с национальной и этнической идентичностью, предубеждениями, ксенофобными установками, такими личностными и индивидуально-психологическими особенностями как степень выраженности агрессии, враждебности, тревожности, спонтанности и др. Отечественными и зарубежными исследователями предполагается, что личностные особенности способны формировать, усиливать или сдерживать проявления ксенофобии, в том числе с учетом ситуативных факторов [3; 4; 7; 6; 8; 13; 20; 24].

На данный момент имеется определенная сложность в группировании и дифференцировании наиболее значимых причин и условий ксенофобных проявлений среди подростков в отечественной и зарубежной науке. Это обусловлено в первую очередь различием в психологических подходах и способах измерения личностных особенностей, что порой влечет за собой противоречивые результаты. Цель статьи — выявить некоторые различия в исследованиях ксенофобного поведения среди подростков и дать им оценку.

Под ксенофобным поведением автор понимает враждебность, агрессию и насилие по отношению к представителям национальных, этнических и иных групп [1; 3].

В целом, последние зарубежные исследования в рамках изучения факторов, способствующих и/или препятствующих ксенофобии, посвящены проявлениям ксенофобии в различных социальных средах, а именно в образовательной, экономической среде, пониманию миграционных установок и их взаимосвя-

зи с поведением местного населения. Некоторое количество работ затрагивает вопросы, связанные с индивидуальными, личностными особенностями, оказывающими влияние на ксенофобию, а также на совершение преступлений по мотивам вражды и ненависти.

Наличие ксенофобных установок выступает одним из факторов, непосредственно влияющих на ксенофобное поведение. Изучению ксенофобных установок посвящены многие исследования, касающиеся отношения местного населения к приезжим, мигрантам. Эти отношения являются объектом пристального внимания особенно в образовательной сфере среди учащихся.

В структуре личности к образованиям, приводящим к ксенофобному поведению, в первую очередь, относятся ксенофобные установки, в основе которых лежат сверхценные идеи о значимости своей нации и неполноценности других. Особая опасность сверхценных идей заключается, по мнению исследователей, в том, что они могут привести к экстремистскому поведению, террористическим действиям [23]. Сверхценные идеи о превосходстве нации и неполноценности других в данном контексте рассматриваются не только как расстройств мышления, но и как идеи высокозначимого характера, как один из ведущих мотивов деятельности.

В отечественных исследованиях также отмечается значимость подобных сверхценных идей в формировании ксенофобного поведения [5]. При этом наличие именно сверхценных идей не оказывается обязательным детерминантом ксенофобного поведения. Достаточным может быть влияние сформированных предубеждений, выраженных ксенофобных установок у подростков, подкрепляемых социальной ситуацией развития, например, экономическими условиями жизни,

приверженностью идеям референтной группы, принятием/непринятием родительских установок и др. [1; 3].

В контексте изучения ксенофобных установок и их влияния на поведение проводятся многочисленные исследования, посвященные отношениям местного населения к мигрантам. Выявлены различные причины, которые могут воздействовать на степень проявления негативных установок по отношению к мигрантам. В одной из работ была изучена степень дружеского взаимодействия молодежи в Швеции [10]. Было установлено, что глубокие дружеские контакты снижают негативные установки к мигрантам.

В целом, отношение местного населения к приезжим чаще бывает негативнее, чем у приезжих к местным. Во многом это связано с высоким уровнем предубеждений, особенно среди подростков по отношению к лицам другой национальности, этнической принадлежности. Стоит отметить, что девочки в меньшей степени склонны выражать ксенофобные тенденции по сравнению с мальчиками [19].

Особый интерес в сфере изучения ксенофобных установок представляют исследования, посвященные установкам европейцев, в том числе молодежи и подростков, к мусульманам.

Анализ отношения европейцев к уровню иммиграции среди мусульман привел к трем основным выводам.

Во-первых, подавляющее большинство европейцев сообщили о предпочтении ими ограничительной иммиграционной политики в отношении мусульман.

Во-вторых, результаты показывают, что более образованные люди и лица, имеющие личный контакт с меньшинствами, менее склонны к запрету на иммиграцию мусульман.

В-третьих, расистские убеждения, восприятие иммиграции как угрозы, сопротивление разнообразию, противодействие иммиграции в целом и поддержка ограничительной политики по отношению к беженцам играют важную роль в формировании негативного отношения людей к большему количеству мусульман. Это свидетельствует о том, что государственная политика, которая уменьшает страх перед иммиграцией и способствует терпимости, антирасизму, мультикультурализму и позитивному отношению к беженцам, может помочь уменьшить сопротивление европейцев иммиграции мусульман [16].

Недавние работы P.S. Forsher и коллег также показали такие важные механизмы в проявлении предрасудков как стремление контролировать свои предрасудки и готовность их выражать. Было установлено, что такой контроль связан с индивидуальными способностями регулировать собственные эмоции и поведение, что важно для понимания возникновения ксенофобного поведения и его крайнего проявления в насильственных преступлениях [21].

По мнению M. Walters, в основе причин совершения преступлений на почве ненависти лежит восприятие преступниками определенных групп лиц как представляющих угрозу. Эти угрозы можно разделить на

«реалистичные», например, воспринимаемые как конкуренция за работу, жилье и другие ресурсы, и «символические», которые связаны с угрозой ценностей и социальных норм [25]. Теория коллективной угрозы подтверждается на уровне формирования ксенофобных установок, исследованных у населения Африки. Коллективная угроза рассматривается как фундаментальный компонент в управлении общественным антагонизмом, враждебностью и злоупотреблением жесткостью среди населения [22].

В целом, для понимания влияния ксенофобных установок на соответствующее поведение необходимо изучение более глубоких психологических механизмов личности, индивидуально-психологических особенностей и их взаимодействия со средой.

Одним из изучаемых индивидуально-психологических факторов, оказывающих влияние на формирование ксенофобного поведения, является тревожность. Есть мнение, что высокий уровень тревоги способствует формированию ксенофобного поведения [18; 24].

Так, K. Wahl показал, что подростки, испытывающие негативные чувства к иностранцам, таким образом скрывают свою робость, застенчивость, страх перед ними [24].

U. Pace, посвятивший исследование общему проявлению ненависти по отношению к другим, установил наличие взаимосвязи когнитивных искажений и патологической тревоги с проявлениями ненависти среди подростков [18].

В этом проекте приняли участие 202 подростка женского пола и 200 подростков мужского пола, использовались опросники: Hating Adolescents Test (HAT), Penn State Worry Questionnaire (PSWQ), How I Think Questionnaire (HITQ). Было выявлено, что наличие у подростков патологической тревоги приводит к искажению информации и восприятию неоднозначной ситуации как враждебной; когнитивные искажения опосредуют связь между патологической тревогой и ненавистью.

Косвенно о наличии связи внутреннего чувства тревоги и ксенофобных установок свидетельствуют результаты O. Iakimova, которая показала, что чувство экзистенциальной безопасности и незащищенности представляется основной причиной наличия или отсутствия ксенофобных установок. Можно сказать, что ксенофобные установки и настроения в большей степени обусловлены уровнем незащищенности, с которым человек сталкивается в годы своего становления [15].

В отечественных работах имеются результаты, указывающие, на повышенный уровень тревожности у подростков, не склонных к проявлению ксенофобии [1]. Вероятно, подобные противоречия могут быть результатом структурных различий в опросниках зарубежных и отечественных авторов.

Помимо тревожности как одного из факторов, влияющего на ксенофобное поведение, предметом исследования являются такие личностные особенности как

ксенофильные и ксенофобные ориентации, которые связаны с различными индивидуально-психологическими качествами [9].

В проведенном М.-Л. Barbarino исследовании приняли участие 455 подростков среднего возраста 17,66 лет. В его основе лежала модель структуры личности HEXACO, [Honesty-Humility (честность-скромность), Emotionality (эмоциональность), Extraversion (экстраверсия), Agreeableness (стремление к сотрудничеству), Conscientiousness (добросовестность), Openness to Experience (открытость опыту)]. Так, было обнаружено, что подростки с ксенофильными тенденциями имеют связь с такими чертами характера как открытость опыту, экстраверсия и добросовестность, тогда как низкий уровень альтруизма, отсутствие стремления к сотрудничеству характеризуют ксенофобную ориентацию у подростков. Среди подростков мужского пола более выражены ксенофобные ориентации, тогда как девочки тяготеют к ксенофильным проявлениям.

Определенные психологические особенности подростков могут быть факторами, влияющими на совершение насильственных преступлений на почве национализма. Считается, что в большинстве своем данные преступления совершают молодые люди, принадлежа-

щие к этническому большинству. Для них характерны такие индивидуально-психологические особенности, как высокий уровень эмоциональной лабильности, высокая агрессивность, низкое чувство вины, импульсивность, высокий уровень активации поведения и низкий уровень торможения, стремление к самоутверждению при помощи силы и игнорирования этических норм [17].

Отечественные исследования выделяют схожие индивидуально-психологические факторы, влияющие на совершение преступлений по мотивам ненависти, вражды [2].

Основные различия в результатах отечественных и зарубежных исследований ксенофобии предположительно связаны с отсутствием общих психологических моделей личности и теорий, лежащих в основе методологии, что в целом может приводить к противоречивым результатам, например относительно тревожности [1; 3; 18; 24].

При этом имеются и положительные тенденции, связанные с расширением подходов в изучении факторов, связанных с ксенофобным поведением, как в отечественной, так и зарубежной практике [2; 4; 8; 9; 17; 18; 25].

ЛИТЕРАТУРА

1. Гурина О.Д. Ксенофобия и девиантное поведение у подростков и молодежи: обзор отечественных исследований [Электронный ресурс] // Психология и право. 2017. Т. 7. № 3. С. 97—109. URL: http://psyjournals.ru/psyandlaw/2017/n3/87533_full.shtml (дата обращения: 10.10.2018).
2. Гурина О.Д. Ксенофобские установки и личностные особенности подростков с девиантным поведением [Электронный ресурс] // Психология и право. 2016. Т. 6. № 1. С. 39—57. URL: http://psyjournals.ru/psyandlaw/2016/n1/80669_full.shtml (дата обращения: 10.10.2018).
3. Дозорцева Е.Г., Маланцева О.Д. Психологические особенности подростков, склонных к ксенофобии [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование. 2010. № 2. С. 44—53. URL: http://psyjournals.ru/files/29854/psyedu_2010_n2_Dojoetseva_Malantseva.pdf (дата обращения: 10.10.2018).
4. Ениколопов С.Н., Мешкова Н.В. Направления исследования предубежденности в западной психологии межгрупповых отношений [Электронный ресурс] // Вопросы психологии. 2007. № 1. С. 148—159. URL: <http://psychlib.ru/mgppu/periodica/VP012007/EIp-148.htm#p148> (дата обращения: 10.10.2018).
5. Кулешов Р.В. Психолого-криминалистические особенности субъектов преступлений экстремистской и террористической направленности как объект научного изучения [Электронный ресурс] // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2016. № 1 (64). С. 38—40. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/psihologo-kriminalisticheskie-osobennosti-subektov-prestupleniy-ekstremistskoy-i-terroristicheskoy-napravlennosti-kak-obekt> (дата обращения: 10.10.2018).
6. Шнейдер Л.Б. Молодежный экстремизм: сущность, гендерная специфика, противодействие и профилактика: монография. М.: МПСУ, 2014. 196 с.
7. Этнонациональные установки и ценности современной молодежи (на материале исследования студенчества нескольких регионов России) [Электронный ресурс] / О.Е. Хухлаев [и др.] // Культурно-историческая психология. 2011. № 4. С. 97—106. URL: <https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/63066164> (дата обращения: 10.10.2018).
8. Юрасова Е.Н. Психология ксенофобии // Актуальные проблемы науки: ИГУМО и ИТ как исследовательский центр. 2014. № 17. С. 154—157.
9. Barbarino M.-L., Sturmer S. Different Origins of Xenophile and Xenophobic Orientations in Human Personality Structure: A Theoretical Perspective and Some Preliminary Findings [Электронный ресурс] // Journal of the Society for the Psychological Study of Social Issue. 2016. Vol. 72. № 3. P. 432—439. doi:10.1111/josi.12175
10. Bentsen B.M.A. Attitudes Towards Immigrants Among Youth In Sweden [Электронный ресурс] Malmö: Malmö University. 2017. 45 p (MIM Working Paper Series 17:4). URL: <http://muep.mau.se/bitstream/handle/2043/25816/17.4%20Beint%20Magnus%20Aamodt%20Bentsen.pdf?sequence=2&isAllowed=y> (дата обращения: 10.10.2018).
11. Brodziak A., Rozyk-Myrta A., Wolinsky A. Does the recent intensification of nationalistic and xenophobic attitudes in Eastern European countries adversely affect public mental health? // BMC Public Health BMC. 2016. 16:1115. 7 p. doi:10.1186/s12889-016-3785-3

12. *Cowie H., Myers C.-A., Aziz R.* Does diversity in society inevitably lead to a rise in xenophobia among children and young people? [Электронный ресурс] // *International Journal of Emotional Education*. 2017. Vol. 9. № 2. P. 90—99. URL: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/EJ1162074.pdf> (дата обращения: 10.10.2018).
13. *Craig K.M.* Examining hate-motivated aggression: a review of the social psychological literature on hate crimes as a distinct form of aggression // *Aggression and Violent Behavior*. 2002. Vol. 7. № 1. P. 85—101. doi:10.1016/S1359-1789(00)00039-2
14. *Godinet M. T., Stotzer R.* Juvenile perpetrators of race/ethnicity-based bias crimes // *Journal of Ethnicity in Criminal Justice*. 2017. Vol. 15. № 1. P. 21—35. doi:10.1080/15377938.2016.1261060
15. *Iakimova O.* Exploring the Dynamics of Xenophobia in the Nordic Countries // *Changing Societies & Personalities*. 2018. Vol. 2. № 1. P. 17—31. doi:10.15826/csp.2018.2.1.028
16. *Marfouk A.* I'm neither racist nor xenophobic, but: dissecting European attitudes towards a ban on Muslims' immigration [Электронный ресурс] // *Ethnic and Racial Studies*. 2018. № 174. 22 p. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/01419870.2018.1519585> (дата обращения: 12.10.2018).
17. *Nasi M., Aaltonen M., Kivivuori J.* Youth hate crime offending: the role of strain, social control and self-control theories // *Journal of Scandinavian Studies in Criminology and Crime Prevention*. 2016. Vol. 17. № 2. P. 177—184. doi:10.1080/14043858.2016.1260332
18. *Pace U., Passanisi A., D'Urso G.* Emotional and cognitive correlates of hating among adolescents: An exploratory study // *Journal of Adolescents*. 2018. Vol. 68. P. 159—164. doi:10.1016/j.adolescence.2018.08.002
19. *Prats J., Deusdad B., Cabre J.* School xenophobia and interethnic relationships among secondary level pupils in Spain // *Education as Change*. 2017. Vol. 21. № 1. 18 p. URL: doi:10.17159/1947-9417/2017/750
20. *Steinberg A., Brooks J., Remtulla T.* Youth hate crimes: identification, prevention, and intervention // *Am Journal Psychiatry*. 2003. Vol. 160. № 5. P. 979—989. doi:10.1176/appi.ajp.160.5.979
21. The motivation to express prejudice / P.S. Forscher [и др.] // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2015. Vol. 109. № 5. P. 791—812. doi:10.1037/pspi0000030
22. *Tsheola J., Ramoroka T., Muzondi L.* Xenophobic societal attitudes in a «new» South Africanism: Governance of public perceptions, national identities and citizenship // *The Journal for Transdisciplinary Research in Southern Africa*. 2015. Vol. 11. № 4. P. 232—246. doi:10.4102/td.v11i4.56
23. *Vrsanska I., Kavicky V., Jangl S.* Xenophobia — The Cause of Terrorism in a Democratic Society [Электронный ресурс] // *International Journal of Humanities and Social Science*. 2017. Vol. 7. № 4. P. 168—171. URL: https://www.researchgate.net/profile/Vladimir_Kavicky/publication/318259752_Xenophobia_-_The_Cause_of_Terrorism_in_a_Democratic_Society/links/59625545a6fdccc9b14134f5/Xenophobia-The-Cause-of-Terrorism-in-a-Democratic-Society.pdf (дата обращения: 12.10.2018).
24. *Wahl K.* Development of Xenophobia and Aggression // *International Journal and Applied Criminal Justice*. 2002. Vol. 26. № 2. P. 247—256. doi:10.1080/01924036.2002.9678690
25. *Walters M., Brown R., Wiedlitzka S.* Causes and motivation of hate crime [Электронный ресурс]: Research report 102. Manchester: Equality and Human Rights Commission. 2016. 61 p. URL: <http://sro.sussex.ac.uk/62216/1/Research-report-102-causes-and-motivations-of-hate-crime.pdf> (дата обращения: 10.10.2018).

The psychological factors of xenophobic behavior in adolescents: foreign studies

Gurina O.D.,

expert of the department of psychological expertise and research, Moscow Research Center, Moscow, Russia,
godgur@yandex.ru

The article presents the results of foreign studies conducted over the past few years from 2015 to 2018 and devoted to the study of xenophobic behavior among adolescents. Psychological and other factors hindering and/or contributing to the formation of xenophobic behavior among adolescents are considered. These studies affect personal and individual psychological characteristics of adolescents and also their impact on behavior towards the members of groups of “others”. Among them such personal structures and individual psychological features as xenophobic attitudes, anxiety level, xenophobic and xenophilic orientations are considered.

Keywords: xenophobic behavior, xenophobic attitudes, adolescence, individual psychological characteristics, anxiety, xenophobic and xenophilic orientations.

REFERENCES

1. Gurina O.D. Ksenofobiya i deviantnoe povedenie u podrostkov i molodezhi: obzor otechestvennykh issledovaniy [Xenophobia and Deviant Behavior in Adolescents and Youth: A Review of Domestic Research] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo [Psychology and Law]*, 2017, vol. 7, no. 3, pp. 97—109. Available at: http://psyjournals.ru/psyandlaw/2017/n3/87533_full.shtml (Accessed 10.10.2018). (In Russ.; Abstr. in Engl.).
2. Gurina O.D. Ksenofobskie ustanovki i lichnostnye osobennosti podrostkov s deviantnym povedeniem [Elektronnyi resurs] [Xenophobic attitudes and personal characteristics of adolescents with deviant behavior]. *Psikhologiya i pravo [Psychology and Law]*, 2016, vol. 6, no. 1, pp. 39—57. Available at: http://psyjournals.ru/psyandlaw/2016/n1/80669_full.shtml (Accessed 10.10.2018). (In Russ.; Abstr. in Engl.).
3. Dozortseva E.G., Malantseva O.D. Psikhologicheskie osobennosti podrostkov, sklonnykh k ksenofobii [Psychological features of adolescents prone to xenophobia] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie [Psychological science and education]*, 2010, no. 2, pp. 44—53. Available at: http://psyjournals.ru/files/29854/psyedu_2010_n2_Dozoetseva_Malantseva.pdf (Accessed 10.10.2018). (In Russ.; Abstr. in Engl.).
4. Enikolopov S.N., Meshkova N.V. Napravleniya issledovaniya predubezhdennosti v zapadnoi psikhologii mezhrupponykh otnoshenii [Directions for the study of prejudice in Western psychology of intergroup relations] [Elektronnyi resurs]. *Voprosy psikhologii [Questions of psychology]*, 2007, no. 1, pp. 148—159. Available at: <http://psychlib.ru/mgppu/periodica/VP012007/EIp-148.htm#p148> (Accessed 10.10.2018). (In Russ.; Abstr. in Engl.).
5. Kuleshov R.V. Psikhologo-kriminalisticheskie osobennosti sub"ektov prestuplenii ekstremistskoi i terroristicheskoi napravlenosti kak ob"ekt nauchnogo izucheniya [Psychological and forensic features of the subjects of crimes of extremist and terrorist orientation as an object of scientific study] [Elektronnyi resurs]. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh [Psychopedagogy in law enforcement agencies]*, 2016, vol. 1, no. 64, pp. 38—40. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/v/psihologo-kriminalisticheskie-osobennosti-subektov-prestupleniy-ekstremistskoy-i-terroristicheskoy-napravlenosti-kak-obekt> (Accessed 10.10.2018). (In Russ.).
6. Shneider L.B. Molodezhnyi ekstremizm: sushchnost', gendernaya spetsifika, protivodeistvie i profilaktika: monografiya [Youth extremism: essence, gender specificity, counteraction and prevention: monograph]. Moscow: MPSU, 2014. 196 p. (In Russ.).
7. Khukhlaev O.E. et al. Etnonatsional'nye ustanovki i tsennosti sovremennoi molodezhi (na materiale issledovaniya studenchestva neskol'kikh regionov Rossii) [Ethnonational attitudes and values of modern youth (based on the research of students of several regions of Russia)] [Elektronnyi resurs]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya [Cultural-historical psychology]*, 2011, no. 4, pp. 97—106. Available at: <https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/63066164> (Accessed 10.10.2018). (In Russ.; Abstr. in Engl.).
8. Yurasova E.N. Psikhologiya ksenofobii [Psychology of xenophobia]. *Aktual'nye problemy nauki: IGUMO i IT kak issledovatel'skii tsentr [Actual problems of science: IGUMO and IT as a research center]*, 2014, no. 17, pp. 154—157. (In Russ.).
9. Barbarino M.-L., Sturmer S. Different Origins of Xenophile and Xenophobic Orientations in Human Personality Structure: A Theoretical Perspective and Some Preliminary Findings [Elektronnyi resurs]. *Journal of the Society for the Psychological Study of Social Issues*, 2016, vol. 72, no. 3, pp. 432—439. doi:10.1111/josi.12175
10. Bentsen B.M.A. Attitudes Towards Immigrants Among Youth In Sweden [Elektronnyi resurs]. Malmö: Malmö University, 2017. 45 p MIM Working Paper Series 17:4. Available at: <http://muep.mau.se/bitstream/handle/2043/25816/17.4%20Beint%20Magnus%20Aamodt%20Bentsen.pdf?sequence=2&isAllowed=y> (Accessed 10.10.2018).
11. Brodziak A., Rozyk-Myrta A., Wolinsky A. Does the recent intensification of nationalistic and xenophobic attitudes in Eastern European countries adversely affect public mental health? [Elektronnyi resurs]. *BMC Public Health BMC*, 2016, 16:1115. 7 p. doi:10.1186/s12889-016-3785-3

12. Cowie H., Myers C.-A., Aziz R. Does diversity in society inevitably lead to a rise in xenophobia among children and young people? [Elektronnyi resurs]. *International Journal of Emotional Education*, 2017, vol. 9, no. 2, pp. 90—99. Available at: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/EJ1162074.pdf> (Accessed 10.10.2018).
13. Craig K. M. Examining hate-motivated aggression: a review of the social psychological literature on hate crimes as a distinct form of aggression. *Aggression and Violent Behavior*, 2002, vol. 7, no. 1, pp. 85—101. doi:10.1016/S1359-1789(00)00039-2
14. Godinet M. T., Stotzer R. Juvenile perpetrators of race/ethnicity-based bias crimes. *Journal of Ethnicity in Criminal Justice*, 2017, vol. 15, no. 1, pp. 21—35. doi:10.1080/15377938.2016.1261060
15. Iakimova O. Exploring the Dynamics of Xenophobia in the Nordic Countries. *Changing Societies & Personalities*, 2018, vol. 2, no. 1, pp. 17—31. doi:10.15826/csp.2018.2.1.028
16. Marfouk A. I'm neither racist nor xenophobic, but: dissecting European attitudes towards a ban on Muslims' immigration [Elektronnyi resurs]. *Ethnic and Racial Studies*, 2018, no. 174. 22 p. Available at: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/01419870.2018.1519585> (Accessed 12.10.2018).
17. Nasi M., Aaltonen M., Kivivuori J. Youth hate crime offending: the role of strain, social control and self-control theories. *Journal of Scandinavian Studies in Criminology and Crime Prevention*, 2016, vol. 17, no. 2, pp. 177—184. doi:10.1080/14043858.2016.1260332
18. Pace U., Passanisi A., D'Urso G. Emotional and cognitive correlates of hating among adolescents: An exploratory study. *Journal of Adolescents*, 2018, vol. 68, pp. 159—164. doi:10.1016/j.adolescence.2018.08.002
19. Prats J., Deusdad B., Cabre J. School xenophobia and interethnic relationships among secondary level pupils in Spain [Elektronnyi resurs]. *Education as Change*, 2017, vol. 21, no. 1, 18 p. Available at: <http://www.ub.edu/histodidactica/images/documentos/pdf/Prats-Deusdad-cabre.pdf> (Accessed 12.10.2018).
20. Steinberg A., Brooks J., Remtulla T. Youth hate crimes: identification, prevention, and intervention. *Am Journal Psychiatry*, 2003, vol. 160, no. 5, pp. 979—989. doi:10.1176/appi.ajp.160.5.979
21. Forscher P.S. et al. The motivation to express prejudice. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2015, vol. 109, no. 5, pp. 791—812. doi:10.1037/pspi0000030
22. Tsheola J., Ramoroka T., Muzondi L. Xenophobic societal attitudes in a “new” South Africanism: Governance of public perceptions, national identities and citizenship. *The Journal for Transdisciplinary Research in Southern Africa*, 2015, vol. 11, no. 4, pp. 232—246. doi:10.4102/td.v11i4.56
23. Vrsanska I., Kavicky V., Jangl S. Xenophobia — The Cause of Terrorism in a Democratic Society [Elektronnyi resurs]. *International Journal of Humanities and Social Science*, 2017, vol. 7, no. 4, pp. 168—171. Available at: <http://sro.sussex.ac.uk/62216/1/Research-report-102-causes-and-motivations-of-hate-crime.pdf> (Accessed 12.10.2018).
24. Wahl K. Development of Xenophobia and Aggression. *International Journal and Applied Criminal Justice*, 2002, vol. 26, no. 2, pp. 247—256. doi:10.1080/01924036.2002.9678690
25. Walters M., Brown R., Wiedlitzka S. Causes and motivation of hate crime [Elektronnyi resurs]. *Equality and Human Rights Commission. Research report 102*, 2016. 61 p. Available at: <http://sro.sussex.ac.uk/62216/1/Research-report-102-causes-and-motivations-of-hate-crime.pdf> (Accessed 10.10.2018).

КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ CLINICAL PSYCHOLOGY

Психологическое консультирование мусульман: анализ зарубежных источников

Павлова О.С.,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования, доцент педагогической кафедры, ФБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия, os_pavlova@mail.ru

В статье представлен обзор зарубежных источников по различным аспектам теории и практики психологического консультирования мусульман. Психологическое консультирование мусульман — это профессиональная психологическая помощь с использованием знаний об особенностях веры клиента, значимых для его личности: его религиозных убеждений, религиозного языка, сакральных историй и преданий, ритуальных практик, а также традиций и обычаев мусульманских народов. Показаны возможности использования в психологической работе с мусульманами таких духовных практик как медитативное размышление. Дан анализ основных проблем, возникающих в ходе семейной терапии мусульман. Описаны профессиональные качества психолога, необходимые для эффективной работы с клиентами, исповедующими ислам. Делается вывод о том, что решение психологических проблем верующих становится затруднительным или невозможным без установления между консультантом и клиентом доверия, которое достижимо при их взаимопонимании в религиозных вопросах.

Ключевые слова: кросс-культурное консультирование, ислам, психология, духовно-ориентированная психологическая помощь, мусульмане.

Для цитаты:

Павлова О.С. Психологическое консультирование мусульман: анализ зарубежных источников [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2018. Том 7. № 4. С. 46—55. doi: 10.17759/jmfp.2018070406

For citation:

Pavlova O.S. Psychological Counseling for Muslims: the Analysis of Foreign Literature [Elektronnyi resurs]. *Journal of Modern Foreign Psychology*, 2018, vol. 7, no. 4, pp. 46—55. doi:10.17759/jmfp.2018070406 (In Russ.; Abstr. in Engl.).

Введение

Примерно с 70—80-х годов XX века получили свое развитие теория и практика кросс-культурного психологического консультирования и психотерапии. Учет в ходе консультирования этнических, религиозных, расовых, региональных и других особенностей клиента стал важнейшей вехой построения культурно-специфических моделей консультирования.

Одним из важнейших факторов эффективности психологического консультирования является способность консультанта и клиента установить взаимное доверие. В свою очередь, это проще сделать, если «клиент и консультант близки по возрасту, культурной, этнической, ... расовой и религиозной принадлежности...» [8, с. 92]. В ходе изучения эффективности услуг в области психического здоровья в США было выявлено, в частности, что лица, принадлежащие к культурным меньшинствам, в 50% случаев не продолжают терапию после первого посещения консультанта, так как в ходе консультирования не учитываются их ценностные и мировоззренческие позиции либо не соблюдаются особые условия консультирования (среди культурного большинства таких отказов от продолжения

консультирования только 30%) [8, с. 93]. В результате это оборачивается проблемами как для самих клиентов и членов их семей, так и для всего общества в целом.

Важность обращения к духовности в психологическом консультировании была отмечена еще в работах К.Г. Юнга, В. Франкла, А. Маслоу. В обзоре духовности, религии и консультирования Р. Ингерсолл предлагает следующие параметры для описания духовности: «понятие божества или силы, более могущественной, чем сам человек; ощущение смысла; связь с божественной силой; постижение тайны, ощущение радости, занятие деятельностью по укреплению духовности; систематическое использование духовных сил как интегратора жизни» [24, с. 102]. По мнению автора, решая в ходе консультирования проблемы своих клиентов, консультанты должны не только разделять убеждение клиентов о важности духовности, использовать соответствующие язык и образы, адекватные мировоззрению клиентов, но и «консультироваться с другими «целителями» в жизни клиента, например со священниками» [24, с. 103].

Важным аспектом изучения потенциала религиозности в контексте консультирования явилось исследо-

вание различных аспектов религиозного копинга (К. Паргамент, Н. Гревенгод, Дж. Кэнел, Дж. Ньюман, В. Хатауэй, В. Джонс, Д. Енсинг, К. Фальгот, Г. Ольсен, Б. Рейли, К. Ван Хейтсма, Р. Уоррен, Г. Кюниг, Л. Перез). Терапевтическому воздействию религиозных практик в процессе консультирования посвящены работы российских и зарубежных авторов. Классикой в этом контексте стали работы известного российского психотерапевта Ф.Е. Василюка [7], американских психологов Б. Спилки, К. Лэдда [14] и многие другие. Если о христианской психологии в российском психологическом пространстве написано очень много (в частности: [5; 7; 10 и др.]), то проблемам исламской психологии в России в настоящее время посвящено ограниченное число работ [11; 12; 13; 29]. В рамках этой статьи нами поставлена цель рассмотреть походы к психологическому консультированию мусульман в современной зарубежной литературе.

Спецификой мусульманских сообществ является коллективистический характер их культуры, тяготеющей к закрытости и максимальной консервации своих ценностей. Для соблюдающего мусульманина важным вопросом является дозволенность как самой психологической помощи с точки зрения религии, так и отдельных ее подходов и методов. В связи с этим установление доверия психолога-консультанта с мусульманином является непростой задачей, достижимой при их взаимопонимании в вопросах религии, ритуальных практик и традиций. Наибольшее доверие вызывает, как правило, консультант-мусульманин.

Вопросы психологического консультирования мусульман решаются как в странах исламского мира, так и там, где мусульманская община является меньшинством. Теорией и практикой психологического консультирования в соответствии с религиозными убеждениями мусульманских клиентов занимаются многие международные организации (подробнее об этом [18]), в частности Международная Ассоциация мусульманских психологов (International Association of Muslim Psychologist), Международная Ассоциация исламской психологии (International Association of Islamic Psychology), членом которой в настоящее время является автор статьи, Muslim Family Matters¹, Centerfor Islamic Counseling and Guidance², The Institute of Muslim Mental Health³, Rahmaa Institute⁴.

22—24 ноября 2018 года в г. Стамбул, Турция, прошел Международный конгресс по теме духовного консультирования: «International Congress of Religious-Spiritual Counselling and Care»⁵. Психологами, представляющими различные конфессии, было отмечено,

что религиозный фактор имеет значительный потенциал для его изучения и применения в рамках психологического консультирования, особенно в сферах семейной терапии, в реабилитации и ресоциализации заключённых и членов их семей, в системе здравоохранения, при поддержании душевного здоровья тяжело больных. При этом было отмечено, что уровень информированности академической науки в этой области явно недостаточен.

С 2018 года в российской научной среде обсуждение возможностей, методов и содержания применения в психологическом консультировании мусульман религиозного фактора происходит на страницах международного рецензируемого журнала «Minbar. Islamic Studies»⁶.

В России в 2017 году была создана Ассоциация психологической помощи мусульманам⁷, всероссийская организация, которая занимается решением задач как практического, так и эмпирического, теоретического и образовательного характера. Практическая реализация этого подхода происходит также в рамках сотрудничества специалистов Ассоциации психологической помощи мусульманам и Федеральной службы исполнения наказаний РФ.

Психологи, разделяющие религиозные взгляды своих клиентов, используют источники психологической устойчивости верующих в основах самой же веры. Интересно, что само понятие устойчивости напрямую сопряжено с термином «вера»: в Ветхом Завете вера звучит как — «эмуна» — устойчивость, твердость [10, с. 368]. Производное от того же корня «амин» на иврите и в арабском языке означает подтверждение истинности.

Рассмотрим основные походы и персоналии.

Психологическое консультирование мусульман в работах Малика Бадри

Один из наиболее известных психологов-мусульман — профессор Малик Бадри (Судан) [28], доктор психологии (1961 г., Англия), член Британского психологического общества (с 1977 г.), почетный профессор ряда вузов мира, эксперт ЮНЕСКО, эксперт Всемирной организации здравоохранения, основатель и президент Международной Ассоциации исламской психологии.

М. Бадри — автор множества книг и статей по различным проблемам психологии, которые переведены на разные языки мира.

На русский язык переведены две книги Бадри, которые изданы в Баку в издательстве «Идрак»:

¹ <http://www.muslimfamilymatters.com/>

² <http://www.islamiccounseling.org/index.html>

³ <http://www.muslimmentalhealth.com/>

⁴ <http://www.rahmaa.org/>

⁵ http://mdrk.org/en?fbclid=IwAR14WPhD946pxs_teX7ZJ-usrKSRdDN0f00qpNPCeDeqIcoK7IyRVBXTGyY

⁶ <https://minbar.elpub.ru/jour/index>

⁷ <http://islampsiholog.ru>

«Размышление. Исследование психики и души человека» (2008) [3]; «Кризис СПИДа» (2014) [2]; силами Ассоциации психологической помощи мусульманам в 2018 году опубликованы переводы двух книг Бадри: «Дилемма мусульманской психологии» [20] и «Киберконсультирование мусульман» [19] в сборнике «Теория и практика исламской психологии» [4].

В своих работах доктор Бадри раскрывает области использования психологического знания в работе с мусульманами. Его работа «Дилемма мусульманской психологии» [20] носит концептуальный характер. В ней М. Бадри указывает на то, что для психологической работы с мусульманами может быть использована лишь та психология, которая принимает ислам в качестве мировоззрения [20, с. 58].

Бадри предостерегает мусульманских психологов от слепого использования штампов западной психологии, аргументируя предостережение словами Пророка Мухаммада: «Вы непременно последуете путями тех, кто был до вас, пядь за пядью, локоть за локтем, и даже если они залезут в нору ящерицы, то и вы залезете туда же»⁸ [15].

По мнению М. Бадри, истина этого хадиса (хадис — это предание о словах и действиях пророка Мухаммада, затрагивающее разнообразные нравственные и религиозно-правовые стороны жизни мусульманской общины) отчетливо видна в современном гуманитарном знании мусульман. В частности, в области социальных наук, этот феномен слепого копирования наиболее четко проиллюстрирован.

С точки зрения Бадри, психологические теории и практика являются продуктом западной цивилизации, слепое копирование которых в психологии представляет собой одну из самых серьезных угроз для статуса исламской идеологии среди мусульманских ученых и простых мусульман. Западные психологи проповедуют теории о личности человека, мотивации и поведении, которые во многом противоречат исламу.

Идея «исламизации современного знания» («islamization of knowledge») была предложена малайзийским ученым Сайедом Мухаммадом Накыбом Аль-Аттасом в своей книге «Ислам и секуляризм» [16], которая была впервые опубликована в 1978 году.

В XX—XXI вв. эта идея обрела большое число сторонников, воплотившись в деятельности Международного института исламской мысли и цивилизации (ISTAC)⁹, открытого в 1987 году в Малайзии (Куала Лумпур).

Создатель института, профессор Мухаммад Накыб аль-Аттас, пишет: «Современное знание не нейтрально, оно насквозь пропитано религиозными, культурными и философскими предпосылками, отражающими сознание и опыт западного человека» [6, с. 329].

В связи с этим он выдвигает необходимость «исламизации современного знания через лингвистические символы, передающие исламский взгляд на реальность и истину» [6, с. 329]. В этом контексте работы М. Бадри, который был деканом в ISTAC, полностью соответствуют данной концепции.

Наиболее критично Бадри оценивает психоанализ Фрейда и бихевиоризм, которые относятся к человеку как к субъекту с исключительно материалистической мотивацией поведения: «Это «психология без души». Необходимо отметить, что призыв «вернуть психологии душу» — это центральный тезис религиозных психологов не только в исламе, но и в христианстве [5, с. 29].

Критически оценивая различные западные психологические теории, Бадри подчеркивает, что с одной стороны мусульманские психологи должны в своих работах извлекать из западной психологии все необходимое и полезное; с другой стороны, в таких областях, как психология личности, социальная психология и даже психотерапия, психологи должны использовать представления мусульманских ученых и те знания, которые были накоплены в ходе развития различных наук в исламе.

В исламском мире широко известны имена знаменитых мусульманских ученых, рассматривавших вопросы, которые в настоящее время можно отнести к области психологического знания.

Так, Абу Зайд аль-Балхи (IX—X вв.) впервые описал и классифицировал психозы, неврозы, невротические расстройства [17].

Перу багдадского ученого Абу Юсуфа Якуба ибн Исхака аль-Кинди (IX в.) принадлежат несколько работ по психологии «О сне и сновидениях», «Первая философия», «Уничтожение печали». В своих работах он описывал прообраз когнитивной терапии в борьбе с депрессиями; кроме того применял для этих целей музыкальную терапию.

Музыкотерапию использовал в своей работе также и Абу Наср Мухаммад ибн Мухаммад аль-Фараби (X в.).

Важность психологических консультаций и их роль в излечении душевных расстройств подчеркивал в своей наиболее известной работе «Фирдавс ал-Хикма» («Сад мудрости», или «Рай мудрости») Али ибн Сахла Раббанат-Табари (IX в.); он также описывал связь между медициной и психологией.

Абу Бакр Мухаммад ибн Закария ар-Рази (IX—X в.) — персидский ученый, который по праву считается медицинским гением Средневековья и чьи работы были переведены на латинский язык и широко использовались в области медицины. Также ему принадлежат точные описания особенностей человеческого характера [31].

⁸ Этот хадис передали аль-Бухари и Муслим. (Аль-Бухари 6/360, Муслим (2669), Ахмад 3/84, 89, 94 от Абу Саида; аль-Бухари 13/255, Ибн Маджа (3994), Ахмад 2/327, 450, 115, 527 от Абу Хурайры, и Ахмад 4/125 от Шидада ибн Ауса). [Электронный ресурс] URL: <https://hadis.info/hadis-stanete-vy-sledovat-obychayam-zhivshix-do-vas-pyad-za-pyadyu-i-lokot-zaloktem/25589/> (дата обращения 11.08.2018)

⁹ <http://www.iium.edu.my/institute/istac/istac-management>

Ибн Баджа, арабский философ (XI—XII вв.), исследовал познавательные психические процессы; поэт и философ, историк (X—XI вв.), Ибн Маскавайя написал труд о психологическом консультировании людей, страдающих страхом смерти. Ан-Найсабури (X—XI вв.), мусульманский врач, исследовал галлюцинации; перу группы ученых «Ихван ас-Сафа» («Братья чистоты» (X в.)) принадлежат 10 трактатов о разуме и душе. Для истории психологии имеют большую пользу работы ал-Маджуси (X в.), Ибн Сины (XI в.), ал-Газали (XII в.), Ибн Баджаха (XII в.), Ибн Туфейла (XII в.), Ибн Рушда (XII в.), Фахруддина ар-Рази (XII—XIII в.), Ибн ал-Араби (XIII в.), Ибн Халдуна (XIV вв.) и многих других.

Взгляды мусульманских ученых на психологию исходят из представлений ислама о человеке, который наделен двойственной природой: физической и духовной, сочетая в себе плоть («бадан») и душу («нафс»). «Он не является ни бестелесной душой, ни бездушным телом, а представляет собой таинственное сочетание того и другого, нечто третье, воплощающее в себе самоё его индивидуальную суть — его собственное «Я»» [6, с. 54].

Духовный аспект является важнейшим в человеке. В понимании верующего, душа человека — это объект, сотворенный Господом, «она бессмертна и наделена самосознанием. Она является вместилищем интеллигибель¹⁰ и наделена силой, которая в разных случаях называется духом (рух), душой (нафс), сердцем (кальб) и интеллектом (акль). Каждый из приведенных терминов имеет двоякий смысл, подразумевая, с одной стороны, физический, или животный аспект, а с другой — аспект духовный» [6, с. 54].

Анализируя работы средневековых исламских ученых, Бадри указывает на то, что интерес к психологическому знанию в исламе был велик во все времена, поэтому не правы те наши современники, которые считают, что психологические знания не нужны мусульманину.

Не следует забывать, указывает Бадри, что в настоящее время выдающиеся мусульманские психологи внесли большой вклад в западную академическую и прикладную психологию, например Абдул Азиз аль-Куси (Abdul Azeezal-Kousi) в изучение интеллекта, Шериф (Sherif) в экспериментальную социальную психологию и Мустафа Суэф (Mustafa Suef) в изучение личности [21, р. 67].

Современная научная психология, хотя и является в большей мере продуктом западной цивилизации, разработала множество таких полезных инструментов и практик, которые не противоречат вере, и от которых отказываться было бы нерационально.

В частности, в психологическом консультировании мусульман Малик Бадри призывает использовать бихевиоральную терапию, гуманистическую психологию, экзистенциальную психотерапию, а также психоме-

трию, социальную психологию, психологию личности.

Примеры наиболее актуальных психологических запросов верующих этой конфессии можно найти в работе М. Бадри «Кибер-консультирование мусульман» [19], которая носит практико-ориентированный характер и представляет собой ответы на вопросы консультирующего психолога.

Анализу с точки зрения ислама и психологии подвергаются самые разнообразные проблемы личности: тревоги и фобии, расстройства психики, проблемы межкультурных браков, причины и последствия употребления наркотиков, сексуальные отклонения и многое другое. Успешно сочетая в консультировании психологию и ислам, Бадри дает возможность мусульманину решить возникающую проблему в соответствии с религиозными взглядами.

Культурно-специфическим подходом в решении психологических проблем мусульман является метод психологической работы над собой «тафаккур» (араб. — размышление) — «созерцающее размышление», которое М. Бадри определяет как состояние, находящееся на стыке размышления и медитации. Этому посвящена еще одна работа автора «Размышление. Исследование психики и души человека» [3].

По мнению М. Бадри, тафаккур есть когнитивная душевная активность, в процессе которой сознание, чувства и душа объединяются. Большой вклад в разработку теоретических аспектов медитативной терапии внес известный исламский богослов Абу Хамид Аль-Газали (XI—XII вв.), который является одним из наиболее авторитетных учителей ислама [1], на труды которого опирается Бадри.

Цели и задачи психологического консультирования клиентов-мусульман

Хуссейн Рассул — профессор психологии, заведующий кафедрой психологии Исламского онлайн университета; специалист по лечению наркозависимых.

Его работа — «Исламское консультирование: основы теории и практики» [30] содержит теоретическое обоснование и практические рекомендации по психологической работе с мусульманами.

По мнению Х. Рассула, консультирование мусульманина — это процесс осознания клиентом Бога в процессе консультирования. Оно отличается от обычного психологического консультирования, поскольку основано на понимании взаимной системы убеждений — ислама, разделяемой как клиентом, так и консультантом. Это совместное понимание создает доверительные отношения между клиентом и консультантом — вдохновляющие, поднимающие настроение. Цель такого интегративного консультирования состоит в том, чтобы удовлетворить основные психологические потребности, используя фактор веры. Задачи консультирования

¹⁰ Интеллигибельность — познание, сверхчувственное; противоположен чувственному, то есть сенсильности.

мусульманина: через удовлетворение психосоциальных и духовных потребностей изменение негативного поведения человека для его собственной пользы и пользы социума; привитие исламских ценностей, позволяющих клиенту задуматься о нормах своего взаимоотношения с Творцом. По мнению Х. Рассула, основными качествами консультанта для мусульман являются эмпатия и безусловное положительное принятие клиента. Духовная ориентация психологического консультирования в исламе должна приводить к осознанию смысла и сущности жизни человека.

При описании психологии человека Х. Рассул большое внимание уделяет таким понятиям, как «кальб» (сердце), «нафс» (душа), «нийят» (намерение). Так, при описании «сердца», которое с точки зрения ислама, является местом сосредоточения интеллектуальных, познавательных и эмоциональных способностей, волеизъявлений и намерений, центром эмоций, а также способно мыслить и понимать, Рассул опирается на представления исламского богослова Ибн Каййима аль Джаузйи [9] (XIII-XIV вв.) о трех состояниях человеческого сердца: здоровое, больное, мертвое. Среди «болезней сердца» он называет, в частности, непослушание, зависть, жадность, похоть, греховную речь и хвастовство. Проводя параллели между теорией З. Фрейда о трех элементах, из которых состоит личность (Ид, Эго, Суперэго), Х. Рассул пишет об эволюции души — нафса:

- Нафс аль-Аммара Биссу (повелевающий нафс) может быть выражен как Ид. Этот этап нафса, управляемый принципом удовольствия, стремится к немедленному удовлетворению. Он жаждет только удовлетворения желаний.

- Нафс аль-Лявамма (обвиняющий нафс) является вторым этапом развития нафса и имеет некоторую эквивалентность фрейдистским концепциям эго и суперэго. Эго действует на принцип реальности, который стремится удовлетворить желания Ид в реалистичных и социально приемлемых способах.

- Нафс аль-Мутмаинна (умиротворенный нафс) — самая высокая и чистая стадия нафса, которой, возможно, Фрейд никогда не занимался. Согласно Фрейду, ключ к здоровой личности — это баланс между ид, эго и суперэго. На этом этапе нафс спокоен и нет конфликта интересов в совершении праведных дел или действий. Здесь основное внимание уделяется не материальной жизни, а лучшему будущему.

Работа Х. Рассула содержит анализ большого числа эмпирических психологических исследований, которые показывают, что религиозность (вера) в целом способствует улучшению психического здоровья, а люди, которые более религиозны / духовны, имеют лучшее психическое здоровье и быстрее адаптируются к проблемам со здоровьем по сравнению с менее религиозными / духовными [26; 27]. Кроме того, результаты исследований показывают, что снижение риска депрессий, суицида, беспокойств и даже психических расстройств связано с религиозной верой человека.

Большое внимание Х. Рассул уделяет практическим вопросам психологического консультирования мусульман. В частности он предлагает интересные практические материалы для семейного и добрачного консультирования пары, в котором должны принимать участие не только психолог, но и имам, врач, и даже консультант по планированию финансов.

Психология в исламской перспективе

Айша Утц, ранее Laureen Marie Hamdan — американка, в настоящее время проживающая в Эр-Рияде (Саудовская Аравия). Имеет докторскую степень в области клинической психологии в университете Западной Вирджинии (США) и степень бакалавра в области исламоведения в Американском открытом университете (American Open University, Вирджиния, США). Она написала более ста статей для журнала «*Al-Jum'ah*» и несколько книг. Она написала несколько профессиональных журнальных статей и глав книги, связанных с темой психологии и ислама, представила эти идеи на ряде профессиональных конференций и регулярно интегрирует исламские знания в преподавание психологии. Она также является редактором в «*Journal of Muslim Mental Health*». Ее усилия в настоящее время направлены на разработку исследовательской программы по изучению взаимосвязи между религиозностью и психическим здоровьем мусульман.

Она приводит примеры интересных исследований, посвященных изучению роли религии в современном мире. Всемирный опрос, проведенный Gallup International [25] в шестидесяти странах мира, показал, что для двух третей респондентов Бог очень важен в их личной жизни, а 87% считают себя принадлежащими к какой-то религии.

Интересно отметить, что 97% респондентов в Западной Африке, где мусульмане являются самой большой и выполняющей религиозные обряды и предписания группой, заявили, что Бог очень важен в их жизни, а 99% западноафриканцев сообщили, что они принадлежат к какой-то религии.

Согласно выводам этого опроса, женщины более религиозны, чем мужчины (69% против 57%), а пожилые люди более религиозны, чем молодые и люди среднего возраста (63% — 59% и 56% соответственно).

В другом исследовании, проведенном Gallup Poll (2007—2008) для определения наиболее и наименее религиозных стран мира [23], восемь из одиннадцати наиболее религиозных стран — это страны с преимущественно мусульманским населением (Египет, Бангладеш, Индонезия, Сьерра-Леоне, Сенегал, Джибути, Марокко и Объединенные Арабские Эмираты). Напротив, только одна мусульманская страна (Азербайджан) вошла в список наименее религиозных стран.

Интересно, что результаты изучения религиозности психологов, проведенного в США, показывают: пси-

хологи намного реже идентифицируют себя с религией (16% против 6%), чаще описывают религию как несущественную в своей жизни (48% против 15%) и чаще склонны отрицать веру в Бога (25% против 5%). Они также менее склонны молиться, быть членами религиозных общин или посещать богослужения.

Когда психолога попросили рассмотреть утверждение: «Весь мой подход к жизни основан на моей религии», с этим согласились только 35% психологов, в отличие от 72% населения в целом. На вопрос, верили ли они в Бога, 66% психологов и 95% населения в целом ответили: «Да, и продолжаю это делать». Авторы пришли к выводу, что психологи гораздо менее религиозны, чем население, с которым они работают; при этом участники исследований подчеркивали важность духовности. Духовность в этом случае они относили к более личной стороне, которая не обязательно включает религию. По этой причине некоторые люди называют себя «духовными, но не религиозными» [26].

Анализируя подобные противоречивые результаты эмпирических исследований, А. Утц считает, что психология должна изучать душу и поведение человека в соотнесённости с потусторонним миром. Таким образом, сущность человеческой психики — духовная и метафизическая. Цель человеческой жизни — подчинение и поклонение Творцу [32].

Семейное консультирование мусульман

Манидже Данешпур — профессор, семейный психотерапевт в Alliant International University (США), американка иранского происхождения, имеющая 20-летний опыт работы с мусульманскими клиентами.

Ее книга «Семейная терапия мусульман» [22] посвящена осмыслению опыта работы по консультированию мусульманской семьи.

Подробно останавливаясь на теологических, культурных и политических аспектах ислама, автор дает практические рекомендации, полезные для специалистов. При этом она выделяет основные проблемы семейной терапии мусульман.

Одной из типичных черт она называет то, что мусульмане неохотно предоставляют прямую информацию терапевту. Поэтому крайне важно, чтобы для клиентов было подчеркнуто строгое соблюдение конфиденциальности и добровольное участие в терапии, поскольку концепция конфиденциальности может рассматриваться по-разному в восточных / коллективистских обществах, из которых происходит большинство мусульман.

Далее автор дает ряд практических советов и рекомендаций для психологов-консультантов:

- В восточной культуре семьи менее склонны делиться информацией о семейных проблемах с психологами. Очень часто мать берет на себя ответственность за поиск помощи детям или по семейным проблемам. Важно просить членов семьи, которые посе-

щают сессию, приглашать других членов семьи, потому что психологическая работа более эффективна, когда все участники берут на себя ответственность за их вклад в проблему и решение.

- Необходим учет влияния расширенной семьи, старшего поколения на семейные отношения.

- Если клиенты (члены мусульманских семей) не понимают, когда терапевты предлагают набор методов по изменению определенного поведения, почему они должны изменить это поведение, то это заставляет их испытывать давление. Таким образом, они не могут выполнять какие-либо домашние задания, что заставляет терапевта чувствовать разочарование в отношении сопротивления клиентов.

- Межпоколенческие противоречия: дети стремятся стать более самостоятельными, а родители хотят, чтобы дети были более послушными.

- Мусульманские семьи более устойчивы к изменениям, так как их поведение глубоко укоренено в их истории и культуре.

- Терапевты должны развивать навыки управления сопротивлением, поскольку эти навыки будут способствовать эффективной практике семейной терапии.

- Терапевты могут преждевременно предлагать некоторые идеи для решения проблем клиентам, но клиенты все еще могут изучать плюсы и минусы изменений и рассматривать новые возможности. Таким образом, клиенты могут сопротивляться, если есть слишком много давления, и никакие терапевтические задачи не будут выполнены.

- Мусульманские семьи могут использовать веру в предустановление Аллаха, оправдывая свою пассивность в решении проблем ссылаясь якобы на Его волю.

Таким образом, современные психологи, как в своей практической профессиональной деятельности, так и в теоретических подходах, рассматривают большое число разнообразных тем, связанных с вопросами психологии мусульман в контексте их религиозной веры.

Очевидно, что от психолога, работающего в выше-названных сферах требуется знание как собственно психологии, так и особенностей ислама, значимых для его клиентов. А это, в свою очередь, связано с получением необходимого образования. В последние десятилетия в различных странах появляется возможность получить образование по психологии в исламском контексте.

Заключение

Активное развитие теории и практики психологического консультирования мусульман как отрасли прикладной и практической психологии связано с совершенствованием культурно-специфических подходов к психологическому консультированию клиентов. Учет религиозного мировоззрения клиента является необходимым условием построения эффективной консультативной практики.

Обзор зарубежной литературы показывает, что психологическое консультирование такой социокультурной группы, как верующие, требует от консультантов знаний особенностей веры, присущих их клиентам, вплоть до обращения за помощью к теологам. Это, прежде всего, знания религиозной антропологии, мистики, укоренившихся в обществе мифов, сакральных народных верований, традиций, преданий.

Психологическое консультирование мусульман представляет собой консультирование в соответствии с общими законами психологии и практики, с учетом специфики религиозного сознания мусульманина.

В силу разных причин в последние десятилетия актуализировалось изучение психологии мусульман.

Между монотеистическими религиями есть немало общего, но есть и своя специфика в онтологии, антропологии, мистике.

Среди мусульман, как за рубежом, так и в России появилось много специалистов, изучивших фундаментальную психологию и ведущих свою профессиональную деятельность с учетом религиозного фактора. Они сочетают в своей работе знания о человеке с научной и религиозной точки зрения. Делясь своим опытом, они проводят эмпирические исследования, пишут научные статьи и книги, часть из которых переводится и на русский язык, что позволяет говорить о развитии теоретической науки и психологической практики, которые практикующие психологи-мусульмане называют «исламской психологией».

ЛИТЕРАТУРА

1. Абу Хамид ал-Газали. Воскрешение наук о вере («Ихйаулумад-Дин»). Избранные главы / Пер. В.В. Наумкина. М.: Наука, 1980 369 с.
2. Бадри М. Кризис СПИДа: социокультурный взгляд через призму ислама / Пер. с англ. Р. Кулиев и А. Юсуфзаде; ред. М. Нафиева. Баку: CBS, 2011. 276 с.
3. Бадри М. Размышление. Исследование психики и души человека. Баку: CDS, 2008. 136 с.
4. Бадри М. Теория и практика исламской психологии / под ред. О.С. Павловой, В.С. Полосина. М.: Аль-Васатыя — умеренность, 2018. 268 с.
5. Братусь Б.С. К истории создания Московской школы христианской психологии: конец XX века // Христианская психология в контексте научного мировоззрения: коллективная монография / под ред. Проф. Братуся Б.С. М.: Никея, 2017. С. 15—49.
6. Ван Мохд Нор Ван Дауд. Философия и практика образования Сейда Мухаммада Накыба аль-Аттаса — изложение исходной концепции исламизации / Пер. с англ. С.Х. Кямилева. М.: Институт исламской цивилизации, 2006. 574 с.
7. Василюк Ф.Е. Переживание и молитва (опыт общепсихологического исследования). М.: «Смысл», 2005. 191 с.
8. Глэддинг С. Психологическое консультирование. 4-е издание. СПб.: Питер, 2002. 736 с. (Мастера психологии).
9. Ибн Каййим аль-Джаузийя. Ибн Каййим аль-Джаузийя. Деяния сердец: В 3 т. Т. 1. М.: Издательский дом УММА, 2014. 528 с.
10. Инина Н.В. Вера и религиозность как объекты психологического исследования // Христианская психология в контексте научного мировоззрения: коллективная монография / под ред. Проф. Братуся Б.С. М.: Никея, 2017. С. 351—385.
11. Павлова О.С. Психология ислама: институционализация научной дисциплины в российском контексте // Минбар. Исламские исследования. 2018, Т. 11. № 1. С. 169—181. doi:10.31162/2618-9569-2018-11-1-169-181
12. Павлова О.С. Психология религии в исламской парадигме: состояние и перспективы развития // Ислам в современном мире. 2015, Т. 11. № 4. С. 207—222. doi:10.20536/2074-1529-2015-11-4-207-222
13. Павлова О.С. Религиозная и этническая идентичность мусульман Северо-Западного и Северо-Восточного Кавказа: содержание и особенности соотношения // Ислам в современном мире. 2015, Т. 11. № 2. С. 75—86. doi:10.20536/2074-1529-2015-11-2-75-86
14. Спилка Б., Лэдд К.Л. Психология молитвы. Научный подход / Пер. с англ. Гритчина О.Б. Харьков: изд-во «Гуманитарный Центр», 2015. — 256 с.
15. Энциклопедия хадисов [Электронный ресурс]. URL: <https://hadis.info/xadis-stanete-vy-sledovat-obychayam-zhivshix-do-vas-pyad-za-pyadyu-i-lokot-za-loktem/25589/> (дата обращения 11.08.2018)
16. Al-Attas Syed Mohammad Naquib. Islam and Secularism [Электронный ресурс]. Kuala Lumpur: International Institute of Islamic Thought and Civilization (ISTAC), 1993. 197 p. URL: https://archive.org/stream/IslamAndSecularismAlAttas/Islam-and-Secularism%20al%20attas_djvu.txt (дата обращения 11.08.2018).
17. Abu Zaydf-Balkhi's Sustainance of the Soul: The cognitive behavior of therapy of ninth century physician / Transl. M. Badri. London; Washington: International Institute of Islamic Thought, 2013. 78 p.
18. Amer M.M. Counseling and Psychotherapy in Egypt. Ambitious identity of a regional leader [Электронный ресурс] // Handbook of Counseling and Psychotherapy in an International Context / Eds. Roy Moodley, Uwe P. Gielen, Rosa Wu. New York, N.Y.: Routledge P. 44—55. URL: <https://books.google.ru/books?id=kcNlhHJBwLEC&lpg=PT73&ots=LdJu5fY0Aj&lr&hl=ru&pg=PT73#v=onepage&q&f=false> (дата обращения 11.08.2018).
19. Badri M. Cyber-Counseling for Muslim Clients. Kuala Lumpur: Islamic Boof Trust, 2015. 148 p.

20. *Badri M.* The Dilemma of Muslim Psychologists. Kuala Lumpur: Islamic Boof Trust, 2016. 118 p.
21. *Crabtree S., Pelham B.* What Alabamians and Iranians have in common [Электронный ресурс]: A global perspective on Americans' religiosity offers a few surprises // Gallup. 2009. URL: <https://news.gallup.com/poll/114211/alabamians-iranians-common.aspx> (дата обращения 11.08.2018)
22. *Daneshpour M.* Family Therapy with Muslims. New York, N.Y.: Routledge. 2016. 196 p.
23. *Delaney H.D., Miller W.R., Bisono A.M.* Religiosity and spirituality among psychologists: A survey of clinician members of the American Psychological Association // Professional Psychology: Research and Practice. 2007. Vol. 38, № 5. P. 541—542. doi:10.1037/0735-7028.38.5.538
24. *Ingersoll R.E.* Spirituality, religion and counseling: Dimensions and relationship // Counseling and Values. 1994. Vol. 38, № 2. P. 98-111. doi:10.1002/j.2161-007X.1994.tb00827.x
25. Gallup International [Электронный ресурс] / Gallup International Association. URL: <http://www.gallup-international.com/> (дата обращения 11.08.2018)
26. *Klocker N., Trenerry B., Webster K.* How does freedom of religion and belief affect health and wellbeing? A report prepared for VicHealth. Carlton, Australia: Victorian Health Promotion Foundation (VicHealth), 2011. 121 p.
27. *Koenig H.G.* Religion, Spirituality, and Health: The Research and Clinical Implications // ISRN Psychiatry, 2012. Article ID 278730. 33 p. doi:10.5402/2012/278730
28. Malik_Badri [Электронный ресурс] // GoodReads. URL: https://www.goodreads.com/author/show/304163.Malik_Badri (дата обращения 11.08.2018).
29. *Pavlova O.* The Values and Social Identity of Russian Muslims // Changing Values and Identities in the Post-Communist World / Eds. N. Lebedeva, R. Dimitrova, J. Berry. Cham, Switzerland: Springer, 2018. P. 99—115.
30. *Rassool G. Hussein.* Islamic Counselling: An Introduction to theory and practice. London: Taylor&Francis, 2015. 282 p.
31. *Razi Abu Bakr Muhammad ibn Zakariya.* Razi's Traditional Psychology / Transl. A.J. Arberry. Damascus: Islamic Book Service. 110 p.
32. *Utz A.* Psychology from the Islamic perspective. By Aisha Utz. Riyadh: International Islamic Publishing House, 2011. 351 p.

Psychological counseling for muslims: the analysis of foreign literature

Pavlova O.S.,

*candidate of pedagogical sciences, associate professor, chair of ethnopsychology and psychological problems in multicultural education, associate professor, chair of pedagogical psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia.,
os_pavlova@mail.ru*

The article presents a survey of foreign literature on various aspects of the theory and practice of psychological counseling for Muslims. Psychological counseling for Muslims is a professional psychological aid which uses knowledge about the peculiarities of the client's faith that are important for him as an individual: his religious views, religious language, sacred stories and legends, sacral practices, as well as the traditions and customs of Muslim peoples. The possibilities of using such spiritual practices as Islamic meditation and Islamic reasoning in psychological work with Muslims are shown. Also the article provides an analysis of the main problems arising during the family therapy of Muslims and describes the professional qualities of a psychologist that are necessary for effective work with clients who profess Islam. In conclusion, it is shown that the solution of psychological problems of believers is difficult or impossible to achieve without a trust that is formed between a client and a psychologist and based on their mutual understanding of religious matters.

Keywords: cross-cultural counseling, Islam, psychology, spiritually-oriented psychological help, Muslims.

REFERENCES

1. Abu Hamid al-Gazali. Voskreshenie nauk o vere («Ihjaulum ad-Din») [Resurrection of the Sciences of Faith]: Izbrannye glavy. Transl. V.V. Naumkina. Moscow: Nauka, 1980. 369 p. (In Russ.).
2. Badri M. Krizis SPIDA: sotsiokul'turnyi vzglyad cherez prizmu islama [The AIDS Crisis: An Islamic Socio-Cultural Perspective]. Baku: SVY, 2011. 276 p. (In Russ.).
3. Badri M. Razmyshlenie. Issledovanie psihiki i dushi cheloveka [Contemplation: An Islamic Psychospiritual Study]. Baku: CDS, 2008. 136 p. (In Russ.).
4. Badri M. Teoriya i praktika islamskoi psikhologii [Theory and practice of Islamic psychology]. Moscow: Al'-Vasatyia — umerennost', 2018. 268 p. (In Russ.).
5. Bratus' B.S. K istorii sozdaniya Moskovskoi shkoly khristianskoi psikhologii [Toward the history of the creation of the Moscow school of Christian psychology]: konets XX veka. In Bratus B.S. (ed.) *Khristianskaya psikhologiya v kontekste nauchnogo mirovozzreniya [Christian psychology in the context of a scientific worldview]: Kollektivnaya monografiya*. Moscow: Nikeja, 2017, pp. 15—49.
6. Van Mohd Nor Van Daud. Filosofiya i praktika obrazovaniya Seida Mukhammada Nakyba al'-Attasa — izlozhenie iskhodnoi kontseptsii islamizatsii [Philosophy and practice of education of Seyd Muhammad Nakyba al-Attas — a presentation of the initial concept of Islamization]. Moscow: Institut islamskoj civilizacii, 2006. 574 p. (In Russ.).
7. Vasilyuk F.E. Perezhivanie i molitva (opyt obshchepsikhologicheskogo issledovaniya [Experience and prayer (experience of general psychological research)]. Moscow: Smysl, 2005. 191 p. (In Russ.).
8. Glehdding S. Psikhologicheskoe konsul'tirovanie [Psychological counseling]. St. Petersburg: Piter, 2002. 736 p. (Mastera psikhologii). (In Russ.).
9. Ibn Kaiim al'-Dzhauziya. Ibn Kaiim al'-Dzhauziya. Deyaniya serdets [Acts of Hearts]: V 3 t. T. 1. Moscow: Izdatel'skiy dom UMMA, 2014. 528 p. (In Russ.).
10. Inina N.V. Vera i religioznost' kak ob"ekty psikhologicheskogo issledovaniya [Faith and religiosity as objects of psychological research] In Bratus B.S. (ed.) *Khristianskaya psikhologiya v kontekste nauchnogo mirovozzreniya [Christian psychology in the context of a scientific worldview]: kollektivnaya monografiya*. Moscow: Nikeja, 2017. pp. 351—385. (In Russ.).
11. Pavlova O.S. Psikhologiya islama: institutsionalizatsiya nauchnoi distsipliny v rossiiskom kontekste [Psychology of Islam: the Institutionalization of Scientific Discipline in the Russian Context]. *Minbar. Islamskie issledovaniya [Minbar. Islamic Studies]*, 2018, vol. 11, no. 1, pp. 169—181. doi:10.31162/2618-9569-2018-11-1-169-181. (In Russ.; abstr. in Engl.).
12. Pavlova O.S. Psikhologiya religii v islamskoi paradigme: sostoyanie i perspektivy razvitiya [Psychology of religion in the Islamic paradigm: the current state and prospects]. *Islam v sovremennom mire [Islam in the modern world]*, 2015, vol. 11, no. 4. pp. 207—222. doi:10.20536/2074-1529-2015-11-4-207-222 (In Russ.; abstr. in Engl.).
13. Pavlova O.S. Religioznaya i etnicheskaya identichnost' musul'man Severo-Zapadnogo i Severo-Vostochnogo Kavkaza: sodержanie i osobennosti sootnosheniya [Religious and ethnic identity of Muslims of the North-West and North-East Caucasus: the content and features of the relationship]. *Islam v sovremennom mire [Islam in the modern world]*, 2015, vol. ((0-9))1. no. 2. pp. 75—86. doi:10.20536/2074-1529-2015-11-2-75-86 (In Russ.; abstr. in Engl.).

14. Spilka В., Lehd K.L. Psikhologiya molitvy. Nauchnyi podkhod [The Psychology of Prayer: A Scientific Approach]. Kharkov: Gumanitarnyj Centr, 2015. 256 p. (In Russ.).
15. Entsiklopediya khadisov [Elektronnyi resurs] [The Hadith Encyclopedia]. Available at: <https://hadis.info/xadistanete-vy-sledovat-obychayam-zhivshix-do-vas-pyad-za-pyadyu-i-lokot-za-loktem/25589/> (Accessed 11.08.2018).
16. Al-Attas Syed Mohammad Naquib. Islam and Secularism [Elektronnyi resurs]. Kuala Lumpur: International Institute of Islamic Thought and Civilization (ISTAC), 1993. 197 p. Available at: https://archive.org/stream/IslamAndSecularismAlAttas/Islam-and-Secularism%20al%20attas_djvu.txt (Accessed 11.08.2018).
17. Abu Zaydf-Balkhis. Sustenance of the Soul. The cognitive behavior of therapy of ninth century physician. Transl. M. Badri. London; Washington: International Institute of Islamic Thought. 2013. 72 p.
18. Amer M.M. Counseling and Psychotherapy in Egypt. Ambitious identity of a regional leader [Elektronnyi resurs]. In Moodley R., Gielen U.P., Wu R. (eds.). *Handbook of Counseling and Psychotherapy in an International Context.* / Available at: <https://books.google.ru/books?id=kcNLhHJBwLEC&lpg=PT73&ots=LdJu5fYOAj&lr&hl=ru&pg=PT73#v=onepage&q&f=false> (Accessed 11.08.2018)
19. Badri M. Cyber-Counseling for Muslim Clients. Kuala Lumpur: Islamic Boof Trust, 2015. 148 p.
20. Badri M. The Dilemma of Muslim Psychologists. Kuala Lumpur: Islamic Boof Trust, 2016. 118 p.
21. Crabtree S. and Pelham B. What Alabamians and Iranians have in common [Elektronnyi resurs]: A global perspective on Americans' religiosity offers a few surprises // Gallup. 2009. Available at: www.gallup.com/poll/114211/alabamians-iranians-common.aspx (Accessed 11.08.2018).
22. Daneshpour M. Family Therapy with Muslims. New York, N.Y.: Routledge, 2016. 196 p.
23. Delaney H.D., Miller W.R. & Bisson A.M. Religiosity and spirituality among psychologists: A survey of clinician members of the American Psychological Association. *Professional Psychology: Research and Practice*, 2007, vol. ([0—9])8, no. 5, pp. 541—542. doi:10.1037/0735-7028.38.5.538
24. Ingersoll R.E. Spirituality, religion and counseling: Dimensions and relationship. *Counseling and Values*, 1994, vol. 38, no. 5, pp. 98—111. doi:10.1002/j.2161-007X.1994.tb00827.x
25. Gallup International. Gallup International Association. Available at: <http://www.gallup-international.com/ContentFiles/millennium15.asp>. (Accessed 11.08.2018)
26. Klocker N., Trenerry B., Webster K. How does freedom of religion and belief affect health and wellbeing?: A report prepared for VicHealth. Carlton, Australia: Victorian Health Promotion Foundation (VicHealth). 2011. 121 p.
27. Koenig H.G. Religion, Spirituality, and Health: The Research and Clinical Implications, ISRN Psychiatry, 2012. Article ID 278730 DOI <http://dx.doi.org/10.5402/2012/278730>
28. Malik_Badri Available at: https://www.goodreads.com/author/show/304163.Malik_Badri (Accessed 11.08.2018)
29. Pavlova O. The Values and Social Identity of Russian Muslims. Changing Values and Identities in the Post-Communist World. Edit. Lebedeva N., Dimitrova R., Berry J. Springer, 2018, pp. 99—115.
30. Rassool G. Hussein. Islamic Counselling: An Introduction to theory and practice. London: Taylor&Francis. 2015. 282 p.
31. Razi Abu Bakr Muhammad ibn Zakariya. Razi's Traditional Psychology. Damascus: Islamic Book Service. 110 p.
32. Utz A. Psychology from the Islamic perspective. By Aisha Utz. Riyadh: International Islamic Publishing House, 2011. 351 p.

*Вне тематики номера
Outside of the theme rooms*

КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ
CLINICAL PSYCHOLOGY

**Дистанционная когнитивно-поведенческая психотерапия синдрома раздраженного кишечника:
специфика и эффективность**

Мелехин А.И.,

*заведующий психоонкологической службой Клинической больницы № 2 МЕДСИ,
клинический психолог высшей категории, психотерапевт, Москва, Россия,
clinmelehin@yandex.ru*

Игнатенко Ю.С.,

*студентка лечебного факультета ФГАОУ ВО Первый МГМУ имени И.М. Сеченова Минздрава России
(Сеченовский Университет), Москва, Россия,
hvala_korolevna@rambler.ru*

На данный момент синдром раздраженного кишечника (СРК) является распространенным изнурительным функциональным нарушением работы желудочно-кишечного тракта. В статье впервые описаны биопсихосоциальная модель и порочный круг развития СРК. Представлен терапевтический маршрут сопровождения пациентов с СРК, включающий в себя медикаментозные и немедикаментозные подходы. На основе анализа зарубежных рекомендаций по лечению СРК показано, что «золотым стандартом» немедикаментозного лечения является очная и дистанционная когнитивно-поведенческая психотерапия (КПП). Представлены преимущества дистанционной формы когнитивно-поведенческой психотерапии СРК, систематизированы психотерапевтические мишени и детально описана структура. Представлен протокол отслеживания симптомов раздраженного кишечника. На основе проведенного анализа зарубежных исследований представлена эффективность и ограниченность протоколов дистанционной КПП при лечении синдрома раздраженного кишечника.

Ключевые слова: синдром раздраженного кишечника, когнитивно-поведенческая психотерапия, психотерапия, биопсихосоциальный подход.

Для цитаты:

Мелехин А.И., Игнатенко Ю.С. Дистанционная когнитивно-поведенческая психотерапия синдрома раздраженного кишечника: специфика и эффективность [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2018. Том 7. №4. С. 56—74. doi:10.17759/jmfp.2018070407

For citation:

Melehin, A. I., Ignatenko Yu. S. Home-based cognitive behavioral psychotherapy in the treatment of irritable bowel syndrome: the specifics and effectiveness [Elektronnyi resurs]. *Journal of Modern Foreign Psychology*, 2018, vol. 7, no. 4, pp. 56—74. doi: 10.17759/jmfp.2018070407 (In Russ.; Abstr. in Engl.).

Синдром раздраженного кишечника (СРК) является распространенным, изнурительным, функциональным нарушением работы желудочно-кишечного тракта [2; 3; 4; 16; 37].

Во всем мире распространенность этого расстройства у взрослых составляет от 9,0% до 23,5%, и лишь 10% обращаются за медицинской помощью [32; 31; 37; 45]. Этот синдром характеризуется целым спектром симптомов без морфологических и биохимических изменений, которые могли бы объяснить данную симптоматику [14]. К спектру симптомов относят: изменения в моторике кишечника в форме диареи, запора

или смешанных проявлений, вздутие и наличие абдоминальной боли [1; 4; 14; 42].

Желудочно-кишечный тракт очень восприимчив к воздействию стресса [32]. Этиология и патофизиология СРК по сей день до конца неизвестны, однако за последние несколько лет в нейрогастроэнтерологии произошел резкий переход от *биомедицинско-редукционистского* (bio-medical reductionistic approach) к биопсихосоциальному подходу понимания причин возникновения данного расстройства [33; 25; 14] (рис. 1).

Из рис. 1 видно, что биопсихосоциальный подход подчеркивает вклад интеграции генетических, эколо-

гических, нейропсихологических и физиологических факторов в клиническую картину СРК. Из-за влияния многочисленных факторов СРК признан *гетерогенным расстройством нарушения взаимодействия кишечника с головным мозгом* (brain-gut dysregulation) [25; 31; 37; 41].

Биопсихосоциальный порочный круг синдрома раздраженного кишечника

Наличие СРК является эквивалентом *панической атаки* у человека и во многом он связан с наличием изменений в когнитивно-аффективных процессах, которые способствуют развитию и поддержанию данного расстройства [39]. Примерно половина общей численности пациентов с этим недугом имеют *висцеральную гиперчувствительность* (visceral hypersensitivity), как склонность испытывать дискомфортные ощущения или боль в ответ на нормальное функционирование кишечника. Эта гиперчувствительность часто сопровождается у человека *желудочно-кишечной специфической* (gastrointestinal-specific anxiety), интерцептивной, *висцеральной тревогой* (visceral anxiety) [44; 14]. Эта тревога является когнитивно-поведенческим ответом, то есть реакцией страха на возникающие желудочно-кишечные дискомфортные ощущения и связанные с ними ситуации, которые могут провоцировать эти ощущения [14] (рис. 2).

Желудочно-кишечная специфическая тревога повышает уязвимость к развитию у пациентов фибромиалгии, синдрома хронической тазовой боли, хронической усталости, расстройства настроения и тревожного спектра расстройств [4; 43].

Подходы к лечению синдрома раздраженного кишечника

По сей день в основе ведения пациентов с СРК отдается большее предпочтение *фармакотерапии и регуляции питания*, реже — поведенческой модификации образа жизни пациента (healthy lifestyle) и немедикаментозной психотерапии, направленной на усиление психологической устойчивости [2; 4; 15; 18; 35; 32; 30].

Показано, что некоторые схемы фармакотерапии вызывают временное облегчение симптомов СРК, однако они не предусматривают подключения психотерапевтического лечения [32; 41; 14; 42]. С нейрофизиологической точки зрения, психотерапевтическое лечение направлено больше на префронтальную область коры, в то время, как например, антидепрессанты направлены больше на лимбическую область [41]. При этом эффективность медикаментозного лечения ограничена. Она не оказывает универсальный эффект на висцеральную тревогу и часто сопровождается значительными затратами и побочными эффектами [30; 14].

Вероятность купирования симптомов СРК при исключительно медикаментозной терапии составляет

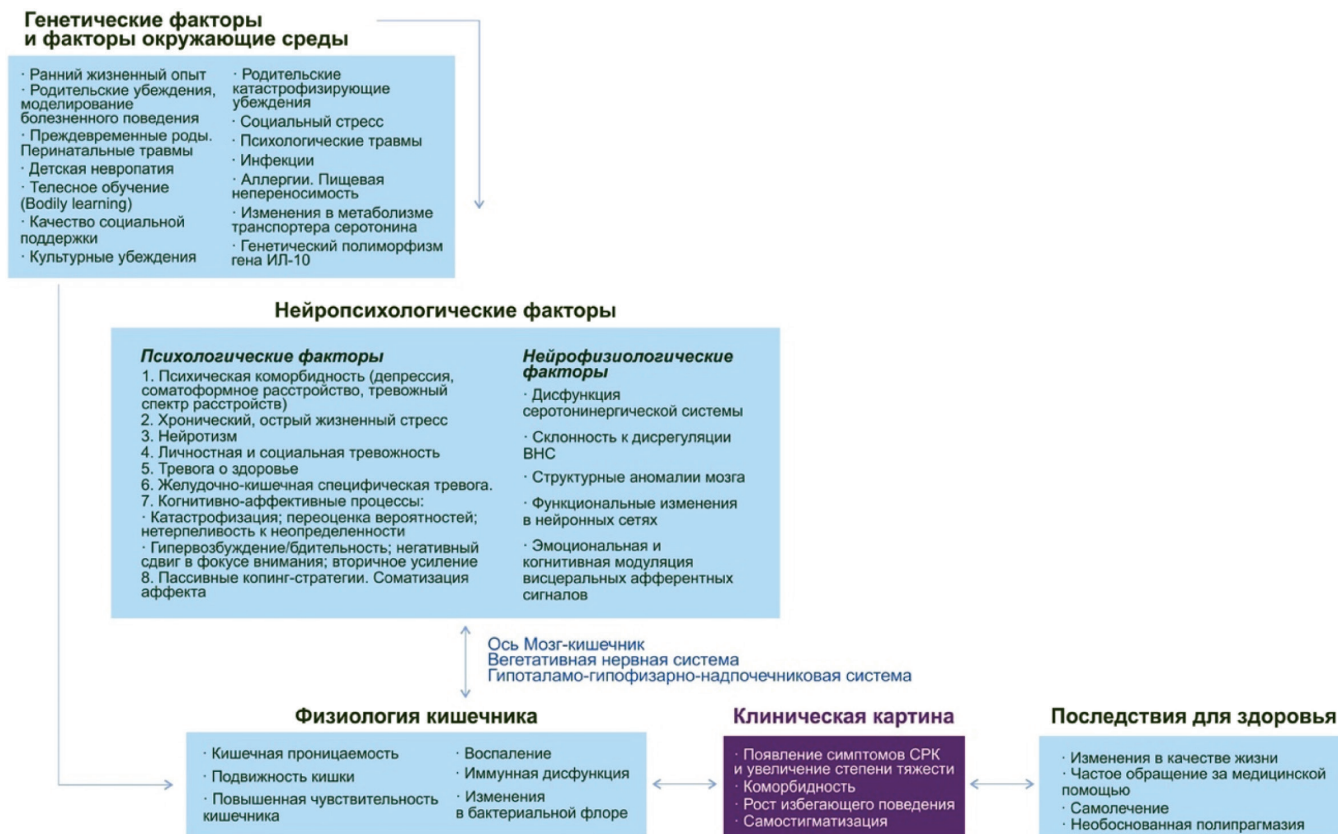

Рис. 1. Биопсихосоциальный подход к концептуализации патогенеза СРК. ВНС — вегетативная нервная система, ИЛ — интерлейкины

38% и ремиссия 1—6 месяцев [2]. Наличие низкой вероятности купирования и короткой ремиссии вызвало острую необходимость в разработке специфических методов лечения (IBS-specific treatments), применяемые в комплексе с медикаментозной терапией [7; 15; 18; 17; 29; 30]. Эти методы направлены на выявление и

минимизацию у пациента предрасполагающих, провоцирующих и поддерживающих факторов для разрыва индивидуального, биопсихосоциального порочного круга СРК [26] (рис. 3).

Из рис. 3. видно, что выраженность и длительность симптомов СРК способствует развитию у пациента

Рис. 2. Компоненты желудочно-кишечной специфической тревоги по Лукасу Ван Оуденхови [14]

Рис. 3. Биопсихосоциальный порочный круг СРК Р.С. Вейнланда и Д.А. Дроссмана [24]. ВНС — вегетативная нервная система

состояния сверхбдительности, то есть повышенному фокусу внимания на ощущениях в теле, ситуациях, приводящих к возникновению дискомфортных ощущений, что приводит к еще большей гиперактивации вегетативной нервной системы и росту избегающего (безопасного) поведения [17; 32]. На данный момент когнитивно-поведенческую психотерапию (КПП) рассматривают как эффективный инструмент для минимизации сверхбдительности и висцеральной тревоги у пациентов с СРК [9; 11; 18; 8; 41; 43; 42].

Согласно отечественным (Российская гастроэнтерологическая ассоциация) и зарубежным (Британское общество гастроэнтерологии, Британский Национальный институт качества медицинской помощи, Американский колледж гастроэнтерологии и Корейскому обществу нейрогастроэнтерологов) клиническим рекомендациям по лечению СРК, когнитивно-поведенческая психотерапия рекомендована для пациентов с рефрактерным течением заболевания (refractory IBS), которые на протяжении от 9 до 24 месяцев не реагируют на медикаментозное лечение и рекомендации по питанию [1; 2; 4; 35; 32; 25; 31; 30; 46]. Данную форму психотерапии рекомендуют применять при умеренной и тяжелой степени или с сопутствующими психологическими факторами, а также во время беременности у пациента с СРК [25; 36; 31]. Однако очные «стандартные» формы КПП (face-to-face /standard CBT) в настоящее время не предлагаются пациентам из-за фактических барьеров и из-за отсутствия специалистов и некомпетентности гастроэнтерологов о данных формах лечения [5; 11; 8; 23; 44]. Показано, что в среднем 40-42% пациентов с СРК отказываются от психотерапевтического лечения или прекращают его из-за следующих проблем: неверие в эффективность, долгосрочность (10-18 консультаций), финансы и обязательства на работе, в семье [23; 6; 42]. Для решения этой проблемы в зарубежной психиатрии и психотерапии достигнут существенный прогресс в предоставлении психотерапевтического лечения с помощью телемедицины, т.е. с использованием телекоммуникационных и информационных технологий. Это направление получило название телепсихиатрия (telepsychiatry) [19]. В рамках телепсихиатрии «золотым стандартом» психотерапевтического лечения является дистанционная (онлайн, цифровая) специалист-управляемая (telephone/skype delivered CBT web-CBT) или полностью автоматизированная (internet-delivered cognitive behavior therapy, at-home cognitive therapy) когнитивно-поведенческая психотерапия (d/eCBT-I, Internet-Delivered Cognitive Behavioral Therapy) [7; 26; 13; 8; 44; 39; 42].

Дистанционная КПП обладает следующими преимуществами [26; 13; 8; 44; 29; 39]:

- Географическая независимость;
- Персонализация лечения. Быстрая интеграция в клиническую практику. Осуществляется в удобное время и в темпе, который соответствует потребностям и возможностям пациента;

- Наличие постоянной поддержки пациента и его семьи;

- Снижение физических и психосоциальных барьеров (самостигматизации); Конфиденциальность и анонимность. Помогает интровертированным, тревожно-мнительным пациентам быть более открытыми и восприимчивыми к лечению;

- Большой охват пациентов и клиническая эффективность лечения. Специалист может эффективно планировать и отслеживать эффективность лечения пациента. Сопровождать больше пациентов за счет автоматизированности протоколов лечения;

- Экономическая эффективность. Средний курс очной КПП СРК состоит из 16—20 сессий, в отличие от дистанционной полной — 8—10 сессий и краткосрочные формы — 4 сессии.

Согласно рекомендациям Британского Национального института качества медицинской помощи (NICE) дистанционная когнитивно-поведенческая психотерапия является частью поэтапного подхода лечения депрессии, обсессивно-компульсивного расстройства, панического расстройства, а также проблем, связанных с физическим здоровьем [31]. В связи с этим, целью данной статьи является ознакомление врачей-гастроэнтерологов и специалистов в области психического здоровья с современными немедикаментозными подходами, применяемыми при комплексном лечении СРК. Описание специфики и эффективности применения протоколов дистанционной когнитивно-поведенческой психотерапии СРК.

Терапевтический маршрут сопровождения пациента с СРК

На основе анализа зарубежных клинических рекомендаций по лечению СРК [4; 18; 35; 32; 31; 30; 41; 14] нами на рис. 4 представлен терапевтический маршрут сопровождения пациента.

Из рис. 4 видно, что тактика обследования пациента строится путем сопоставления жалоб пациента с результатами соматического и психического обследования.

Лечение СРК начинается с оптимизации терапевтического альянса врач-пациент через просвещение об СРК.

При общении с пациентом применяется принцип FIFE, который делает акцент на: F- функциональное состояние пациента; I- специфика идей и убеждений; F- страхи, тревога о здоровье; E — ожидания, прогноз пациента [20; 32; 41]. В зависимости от доминирующей симптоматики врачом-гастроэнтерологом подбирается медикаментозная терапия [1; 30; 14].

Показано, что часто фармакотерапия и диета (FOODMAP) оказывают неудовлетворительное воздействие на симптомы СРК [30].

Немедикаментозные подходы при лечении СРК (рис. 4) в большинстве случаев представлены персонализированными рекомендациями по питанию, гигиенной сна, усилением физической активности, различ-

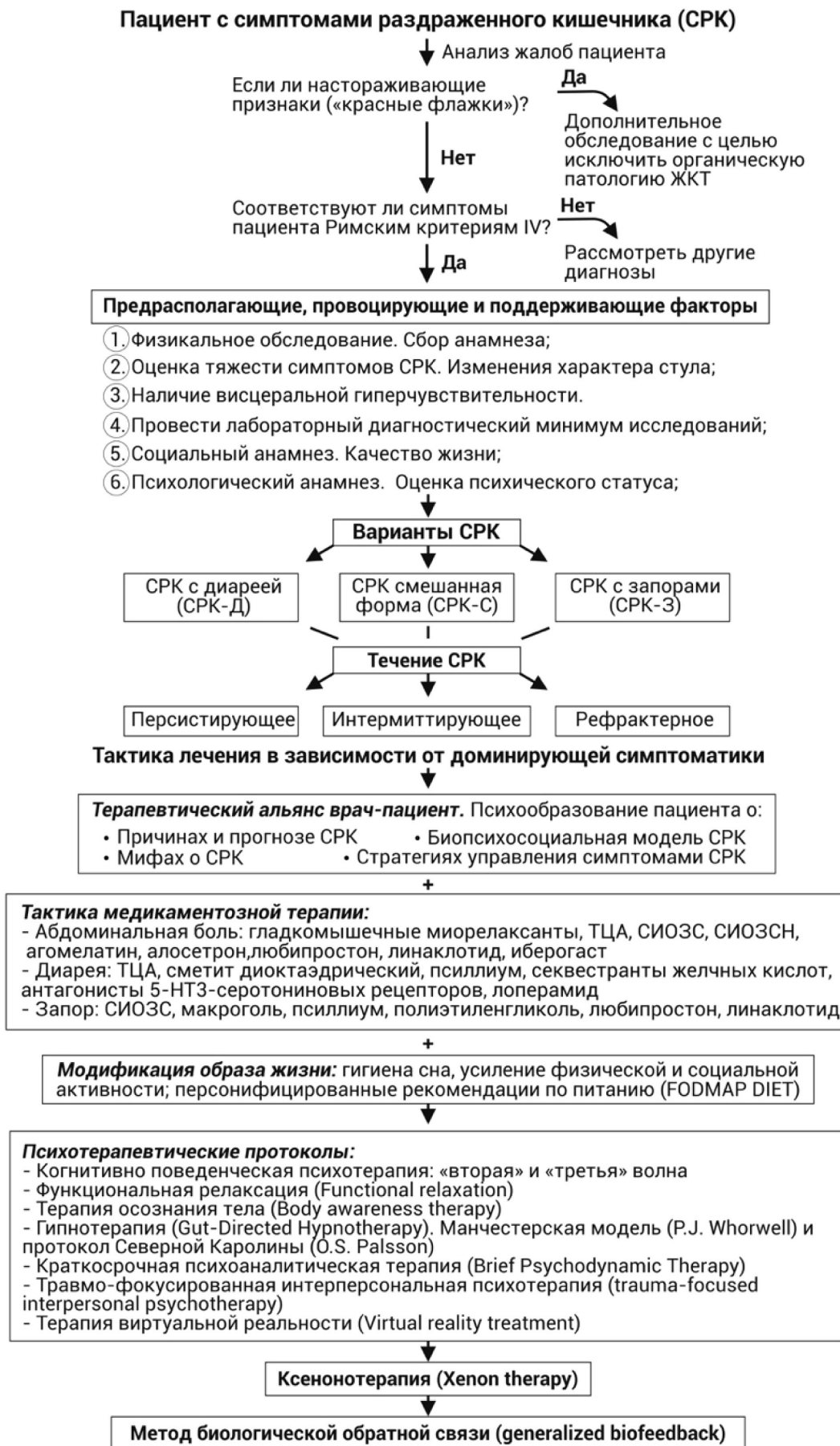

Рис. 4. Терапевтический маршрут сопровождения пациентов с СРК

ными психотерапевтическими протоколами и биологической обратной связью [18]. Согласно уровням доказательности эти подходы относят к уровню «В», т.е. мероприятиям с избирательной эффективностью [14].

Однако результаты ряда мета-анализов [26; 15; 45; 15; 18; 42] показали, что психотерапия сопоставима с использованием антидепрессантов при лечении абдоминальной боли в клинической картине СРК.

На рис. 4 нами суммированы протоколы психотерапии, применяемые для управления симптомами СРК и повышения психологической устойчивости у пациента.

Показано, что пациенты с СРК в анамнезе которых наблюдалась психологическая травма, дают положительную динамику в краткосрочной психоаналитической и травмо-фокусированной интерперсональной психотерапии [45; 39]. При рефрактерном течении СРК с наличием абдоминальных болей, эффективными формами управления симптомов являются гипнотерапия, функциональная релаксация и терапия осознанности тела [18; 42].

Однако, когнитивно-поведенческая психотерапия является наиболее широко исследуемой и эффективной формой психотерапии, применяющейся при комплексном лечении СРК [9; 33; 25; 44; 6; 41]. Это связано с тем, что бремя симптомов СРК у пациента связано со следующими факторами [7; 15; 46; 17; 41; 10; 42]:

- Наличием отрицательных когнитивных схем мышления о себе и других людях, которые являются ядром поддержания и обострения состояния;
- Сниженной толерантностью к стрессу. Ригидными навыками преодоления жизненных трудностей;
- СРК специфическими формами избегающего поведения;

Показана эффективность когнитивно-поведенческой психотерапии и спазмолитической терапии (mebeverine, methylcellulose) при управлении симптомами СРК [35]. КПП эквивалентна терапии антидепрессантами группы СИОЗС (paroxetine) и ТЦА (amitriptyline, desipramine) [45].

Имеются также некоторые предварительные данные, свидетельствующие о том, что КПП при лечении СРК положительно влияет на состояние лимбической системы [33]. Наличие длительной положительной ремиссии (3—9 лет) от КПП при лечении СРК было отмечено в ряде исследований [5; 9; 8; 25; 44; 6; 28; 29; 34; 40].

Мишени когнитивно-поведенческой психотерапии СРК

Психотерапевтическая тактика лечения выстраивается с учетом психиатрического коморбидного статуса пациента, варианта течения СРК, наличия или отсутствия *болевого синдрома*, динамики (этапа) психических изменений у пациентов с СРК [3; 18; 6; 28; 41; 43; 42].

1. **Тревожный вариант (1 этап).** Симптом-специфическая, соматогенная, желудочно-кишечная

тревога является ядром данного варианта. У пациента присутствует вера в то, что у него наблюдаются «не нормальные ощущения», которые обязательно приведут к отрицательным соматическим (канцерофобические переживания) и социальным последствиям.

• **Когнитивный аспект. Наличие когнитивной ригидности:**

— *Катастрофизация* (catastrophic cognitions) — это двойной когнитивный процесс, который, с одной стороны, приводит к преувеличению серьезности симптомов и последствий СРК, с другой — усиливает восприятие себя беспомощным. Пациенты максимизируют ужас или потенциальную ужасность ситуации, одновременно сводя к минимуму свою способность справиться с ней [33]. Наличие катастрофизации приводит к появлению условной реакции гастро-дистресса.

— *Наклеивание ярлыков.* Самостигматизация. Оценка людей, событий, состояния здоровья производится с помощью «штампа», а не в пользу объективного описания.

— *Стремление прогнозировать.* Вероятность переоценки (probability overestimation), тенденция переоценивать вероятность возникновения негативного события, рассматривая его как вероятное, независимо от актуальных фактов.

— *Чувство избыточной ответственности* (sense of over responsibility). Пациенты испытывают стресс, когда сталкиваются с неопределенностью, непредсказуемостью и неконтролируемостью характера симптомов СРК.

— *Перфекционизм.* Наличие у пациента жесткого внутреннего стандарта, который приводит к отчуждению от соблюдения рекомендаций и ограничивает способность принимать характер СРК. Склонность обвинять себя и других в развитии симптомов. Боязнь провала не проконтролировать работу кишечника.

• **Эмоциональный аспект:**

— *Алекситимия и тенденция перетерпеть.* Неумение вербализовать свои проблемы. Жизнь с утилитарным мышлением, стремление постоянно избегать конфликтов. Ограничение вербализации эмоций;

— *Управление злостью и раздражительностью.*

• **Поведенческий аспект:**

— Дисфункциональные поведенческие реакции. Симптомы поведения булимического типа. Импульсы избегания. Например: неоднократные визиты в туалет, отвлечься от дискомфорта, прием определенной пищи, прием непрописанных лекарств;

— Пассивно-оборонительный стиль поведения с интрапунитивным реагированием. Самонаказание. Враждебность, направленная на себя.

2. **Депрессивно-ипохондрический вариант (2 этап).**

• *Тревога о болезни* (illness anxiety) является ядром данного варианта СРК. Выраженная тенденция пациента беспокоиться об актуальных и будущих телесных симптомах. Чрезмерный фокус внимания «что не так в теле». Затруднения в том, чтобы смягчить мнительность. Утрирование или гиперболизированное отношение к

болезни с искажением назначений врача, активным и постоянным поиском новых лекарственных средств.

- *Гиперактивация* (hypervigilance). *Сдвиг в фокусе внимания* (attentional bias). Изменения внимания к симптомам и напоминание себе об их возможном появлении. Чрезмерная бдительность к ощущениям со стороны ЖКТ. Симптомы становятся как бы своеобразным мерилом отношения к жизни.

- *Потребность в одобрении и разубеждении* (need for approval). Пациент испытывает и усиливает стресс из-за симптомов СРК убеждением, что другим будет неудобно от его поведения. Он ориентирован на то, чтобы другие люди разубедили его в этом неверном убеждении.

3. **Депрессивно-фобический вариант (3 этап).** Канцерофобические и танатофобические переживания. Агорафобия.

4. **Шизоморфный вариант (4 этап).** Расширенные канцерофобические переживания, затрагивающие не только желудочно-кишечный тракт, но и другие системы органов. Например, сердечно-сосудистую систему.

Структура дистанционной когнитивно-поведенческой психотерапии СРК

Психотерапевтическое лечение в среднем занимает 10 недель, длительность консультаций 1—1,5 часа 1 раз в неделю с помощью скайп видео-связи.

На первом этапе проводится *телемедицинский скрининг* состояния здоровья пациента [4; 8; 35; 44; 41; 42] (табл. 1).

Скрининг проводится в конце, середине и через 2—3 месяца после курса психотерапии [8]. После прохождения обследования для пациента формируется

Таблица 1

Телемедицинский клинико-психологический скрининг здоровья пациента с СРК

Компоненты	Диагностические шкалы (по выбору)
Клиническая картина течения СРК	
Частота симптомов СРК	Дневник симптомов СРК (Daily Gastrointestinal Symptom Diary, IBS Daily Diary); Римский опросник СРК (Rome III/IV Questionnaire for IBS)
Степень выраженности симптомов СРК	Шкала выраженности симптомов СРК (Irritable Bowel Symptom Severity Scale); Гастроинтестинальная шкала оценки симптомов СРК (GSRS-IBS); Best questionnaire
Абдоминальная боль. Желудочно-кишечная специфическая тревога. Висцеральная тревога.	Шкала катастрофизации боли (Pain Catastrophizing Scale); Мак-Гилловский болевой опросник (McGill Pain Questionnaire); Индекс висцеральной чувствительности (Visceral Sensitivity Index);
Психологическое обследование	
Удовлетворенность качеством жизни. Диарейная и ипохондрическая тревога (при запорах).	Шкала оценки качества жизни пациентов с СРК (IBS-QOL)
Симптомы депрессии. Наличие реактивной (невротической), алгической, тимической, матовой депрессии. Гипотимия.	Шкала оценки здоровья (PHQ-15); Шкала оценки депрессии Монгмери – Асберга (MADRS-S); Шкала оценки депрессии А. Бека (BDI)
Симптомы тревожного спектра расстройств: генерализованная тревога; тревожно – фобический синдром; панические атаки.	Шкала оценки генерализованного тревожного расстройства (GAD-7); Госпитальная шкала оценки тревоги и депрессии (HADS); Шкала тревоги Спилбергера (STAI)
Личностная и социальная тревожность. Склонность к соматизации аффекта.	Опросник больницы Миддлсекса (MHQ) Шкала тревожности Тейлора (MAS)
Враждебность. Интрапунитивность/экстрапунитивность	Личностный опросник враждебности и направленности враждебности (HDHQ)
Психологический дистресс. Наличие конфликтной ситуации в той или иной жизненной сфере.	Шкала психологического дистресса (Kessler Psychological Distress Scale); Методика «незаконченные предложения адаптированная для пациентов с СРК» (В.В. Марилев)
Преморбидные личностные особенности пациента. <i>Профиль СРК пациента:</i> • По ММРІ: (1Нs) ипохондрия, (2D) депрессия, (3Нu) истерия, (7Pt) психастения; • По Леонгарду-Шмишеку: эмотивные, циклоидные, демонстративные и ригидные черты • По МРІ: Нейротизм. Интроверсия.	Опросник МРІ; Опросник выявления акцентуации характера Леонгарда-Шмишека; Личностный опросник ММРІ
Специфика избегающих форм поведения. Копинг-поведение.	Опросник СРК поведенческих реакций (IBS-Behavioral Responses Questionnaire); Опросник копинг-стратегий (CSQ);
Список отрицательных предшествующих событий	Шкала стрессогенности жизненных событий Т. Холмса и Р. Райха; Опросник семейных жизненных событий (FILE)

протокол психотерапии на основе варианта, течения СРК и коморбидного психического статуса. Протокол КПП СРК состоит из стандартизированных, персонализированных модулей (от 4 до 9) [12; 26; 8; 23; 44; 6; 28]. Дополнительно составляются модули поддержки родственников пациентов с СРК [26; 43].

На протяжении всего курса психотерапии пациент ведет электронную форму адаптированного нами днев-

ника симптомов СРК (рис. 5), позволяющего отслеживать динамику его состояния [4].

В табл. 2 на основе зарубежных исследований [8; 23; 22; 44; 25; 6; 27; 29; 6; 43] мы представили обобщенную структуру модулей полной дистанционной формы КПП синдрома раздраженного кишечника.

В последнее время появляются экспресс-дистанционные протоколы когнитивно-поведенческой психо-

Дневник симптомов при синдроме раздраженного кишечника (СРК)

Дата:	Утро	День	Вечер	Ночь
30.07.2018				
Диета 	Яйцо всмятку, творог со сметаной и медом, бутерброд с маслом и сыром, напиток с цикорием.	11.00: перекус (печенье яблоко-1 шт., миндальные орехи, какао). 13.30: обед (тушеная индейка с отварной цветной капустой, травяной чай с мятой)	Ужин: овощной салат (огурцы, помидоры, лук, зелень, оливковое масло), тушеная индейка с рисовой лапшой, красное сухое вино (1 бокал)	
Стул 	10.30: коричневый, плотный.			
Боли 	После сна тянущая боль в левом боку, внизу. После стула боль усилилась, перешла на весь низ живота.	Ноющая внизу живота (чувство напряжения)		
Лекарства 	6.00: тироксин-200 мкг, цинк-12.5 мкг За завтраком (8.00): хофитол, витамины Д, К2, С. После еды комплекс пробиотиков Dr. Mercola. 10.30: супренин - 2 табл.	12.00: супренин - 2 табл. во время обеда: комплекс ферментов, DIM, хофитол, экстракт зеленого чая, селен, вит. А, гуту кола.	Во время ужина: цинк, хофитол, комплекс ферментов. Перед сном: магний, L-триптофан, успокоит. сбор.	
Упражнения 		12.30-13.00: прогулка быстрым шагом в парке		
Эмоциональное состояние 	Сонная. Думаю о том, что вчера не было нормального стула.	Несмотря на загруженность по работе, постоянно сконцентрирована на ощущениях в животе		Заснула быстро, частые просыпания, поход в туалет

Рис. 5. Пример заполнения дневника симптомов СРК пациентки 38 лет, с рефрактерным течением СРК смешанного типа

Таблица 2

Модули дистанционной формы КПП при лечении синдрома раздраженного кишечника

№	Название модуля	Описание навыков
1	Просвещение пациента об СРК	<ul style="list-style-type: none"> Информация об СРК, клинические особенности, эпидемиология, диагностические критерии. Биопсихосоциальная модель СРК: предрасполагающие, провоцирующие и поддерживающие факторы Варианты лечения. Комплексный подход к лечению СРК. Распространенные мифы о лечении.
2	Индивидуальная биопсихосоциальная модель СРК Мониторинг симптомов.	<ul style="list-style-type: none"> Роль стресса в течении СРК. Модель А-В-С гастро-дистресса; Формирование персонифицированной биопсихосоциальной модели СРК пациента; Домашнее задание: постановка цели/ценности для управления симптомами СРК заполнение электронного дневника симптомов СРК с акцентом на уровень стресса, прием пищи, физической активности и поведенческие особенности.
3	Поведенческое управление дискомфортными симптомами	<ul style="list-style-type: none"> Обзор дневника СРК; «Первичное» и «вторичное» страдание. Принцип принятия и ответственности за симптомы;

№	Название модуля	Описание навыков
	• Пищевое, избегающее поведение	<ul style="list-style-type: none"> Обзор поведенческих методов управления симптомами диареи и абдоминальной боли. Градиент interoцептивной экспозиции; Персонализированные рекомендации по диете и пищевому поведению. Здоровое, «осознанное», регулярное питание, без чрезмерного контроля, избегания; <i>Домашнее задание:</i> усиления регулярного, здорового питания; мониторинг состояния; interoцептивная экспозиция.
	Поведенческое управление гипервозбуждением (висцеральной гиперчувствительностью), желудочно-кишечной специфической тревогой	<ul style="list-style-type: none"> Поведенческая минимизация туалетного поведения и других форм избегающего поведения (глотание, плевок, контроль тошноты, прием воды, препаратов); Обучение поведенческим техникам управления гипервозбуждением (диафрагмальное дыхание, прогрессивная мышечная релаксация, расслабление через образы, техники осознанности); Обучение когнитивной технике SOBER, SOL для минимизации желудочно-кишечной специфической тревоги; Выявление общих положительных и отрицательных эмоций. Усиление положительных, минимизация отрицательных, сложных эмоций. Новые стратегии выражения эмоций; <i>Домашнее задание:</i> усиление ценности для управления гипервозбуждением; гибкая реакция на желудочно-кишечную специфическую тревогу
4	Физическая и социальная активность	<ul style="list-style-type: none"> Акцент на важности физической активности в управлении симптомами при СРК; Систематическая экспозиция. Планирование методом градиента физической и социальной активности. Сокращение избегающих форм поведения; <i>Домашнее задание:</i> усиление ценности регулярной физической и социальной активности. Управление бесполезными шаблонами активности.
5	Когнитивный стиль мышления (cognitive affective processes) человека с СРК	<ul style="list-style-type: none"> Катастрофизация, потребность в одобрении, чувство избыточной ответственности, стремление прогнозировать; Идентификация мыслей по отношению к высоким личным ожиданиям и симптомам СРК; Индивидуальная модель желудочно-кишечной специфической тревоги пациента; Техника контраргументов; проверка мыслей реальностью и действительностью («Доказательства за и против этой мысли?», «Есть ли альтернативный способ думать в этой ситуации?»); Протокол «Поймать, проверить, изменить мысль» (catch, check, change). <i>Домашнее задание:</i> усиление ценности выявлять эти негативные мысли, влияющие на симптомы СРК и чрезмерную бесполезную активность.
6	• Формирование нового когнитивного стиля — Когнитивная гибкость — Декатастрофизация — Гибкий фильтр внимания к симптомам	<ul style="list-style-type: none"> Когнитивная реструктуризация. Обучение оспариванию негативных мыслей; Формированию альтернативных мыслей и рационального поведенческого ответа; Поведенческое управление чрезмерным вниманием к телу и ожиданиями; <i>Домашнее задание:</i> ежедневный мониторинг негативных мыслей и их замена на гибкие, альтернативные мысли, поведение.
8	Навыки эффективного решения проблем	<ul style="list-style-type: none"> Проблемно-ориентированное и эмоционально-ориентированное поведение; Техника эмоционально осознанного фокусирования и принцип глаза новичка; Шаги по гибкой реакции на непредсказуемые стрессоры.
9	Минимизация вспышек рецидива. Профилактика рецидивов. Повторный скрининг состояния СКР и психического состояния пациента	<ul style="list-style-type: none"> Знакомство с моделью рецидивов. Обсуждение вероятности вспышки рецидива; Против рецидивный план; Разработка достижимых, долгосрочных целей; Усиление ценности использовать когнитивно-поведенческие навыки, чтобы управлять симптомами СРК
Модули обучения родственников управлять состоянием пациента с СРК		
1	Психообразование об СРК. Персонализированная модель СРК пациента. Тактика лечения. Поведенческие рекомендации по снижению внимания к болезни пациента	
2	Формирования у родственников угадывающего ответа на желудочно-кишечную специфическую тревогу у пациента. Техника «Золотой момент» (golden moments)	
3	Помощь пациенту в поведенческом управлении симптомами СРК. Поддержка пациента во время выполнения interoцептивной экспозиции	
4	Составление плана предотвращения рецидивов возникновения СРК у пациента	

терапии *минимального контакта* (minimal contact СВТ), которые охватывают тот же диапазон процедур, что и стандартные протоколы, но в значительной степени опираются на материалы для самостоятельного изучения [23; 22; 44].

Эти протоколы позволяют пациентам управлять и бросать вызов их дискомфортным ощущениям, находясь в знакомой им обстановке, что помогает пациентам полагаться на развитие собственных навыков, а не только на специалистов и фармакотерапию.

Проводится 4 скайп-консультации по 60 минут [44]. На первой сессии проводится психообразование об СРК, ознакомление с самообучающим материалом. Вторая сессия — когнитивные методы снижения напряжения. Третья сессия — навыки решения проблем; когнитивные навыки совладения со стрессом. Четвертая сессия — профилактика рецидивов. Большая часть того, что изучается, осваивается пациентом самостоятельно с помощью специально подготовленных материалов. Планируется 15—20-минутные скайп-консультации на 3-ей и 7-ой неделях лечения для устранения проблем и разъяснения трудностей [44].

К экспресс формам КПП относится *протокол экспозиционной терапии* (internet-delivered exposure-based treatment), который включает: упражнения по усилению осознанности, направленные на непосредственное понимание симптомов, мыслей, чувств и поведенческих импульсов в отношении СРК; экспозиция в форме участия в мероприятиях, которые провоцируют симптомы; сокращение и устранение избегающего поведения; усиление социальной активности. Длительность 10 недель, 1 раз в неделю. Осуществляется в формате скайп-консультаций [21; 6; 27; 29; 34; 40].

С опорой на когнитивно-поведенческий подход также была разработана *онлайн рабочая тетрадь для управления симптомами СРК* (CBT IBS-specific workbook delivered online), которая состояла из 9 глав, разбитых на 6 модулей. 1—3 глава — Психообразование. Релаксационные упражнения. 4 глава — Катастрофическое познание. Общая когнитивная реструктуризация. 5 глава — Фокусированная когнитивная реструктуризация на симптомах СРК. 6 глава — Поведенческие эксперименты: планирование, проведение, описание, оценка. 7-8 глава — Минимизация избегающего поведения. 9 глава — Профилактика рецидивов [23].

Эффективность дистанционной когнитивно-поведенческой психотерапии СРК

Проведенный анализ зарубежных исследований (с 2008 по 2018 гг.) с использованием международных баз PubMed, PsycARTICLES-APA, Science Direct, Springer, PsychINFO, позволил выявить эффективность протоколов дистанционной-когнитивно-поведенческой психотерапии при лечении синдрома раздраженного кишечника (табл. 3).

Из табл. 3 видно, что дистанционные протоколы КПП снижают у пациентов с СРК желудочно-кишечную специфичную тревогу и избегающее поведение. Улучшают следующие показатели качества жизни: дисфорию, активность, образ тела, тревогу о здоровье, ограничения в еде, социальную и сексуальную активность. Более половины пациентов выполняют все модули лечения. Ремиссия 9—12 месяцев.

К *недостаткам* имеющихся исследований следует отнести: отсутствие анализа эффективности психотера-

пии в рамках моно — и комплексной терапии СРК; применение критерия 50% снижения симптомов СРК как ответа на психотерапию следует считать неуместным; редкое применение самоотчетов о состоянии пациента в процессе и психотерапевтического лечения; не во всех исследованиях есть медицинское подтверждение диагноза СРК согласно римским критериям IV; не всегда учитывается динамика изменений в ходе терапии висцеральной гиперчувствительности и катастрофизации; однородный демографический профиль респондентов (женщины, с высшим образованием).

Выводы

- Этиология и патофизиология СРК по сей день до конца неизвестны. Из-за влияния многочисленных генетических, гормональных, инфекционных, иммунологических и психосоциальных факторов СРК является гетерогенным расстройством. При этом следует учитывать, что у большинства пациентов с СРК наблюдается висцеральная гиперчувствительность, которая сопровождается желудочно-кишечной специфической или висцеральной тревогой. Эта тревога повышает уязвимость к развитию у пациентов фибромиалгии, синдрома хронической тазовой боли, хронической усталости, расстройства настроения и тревожного спектра расстройств.

- Тактика лечения СРК основывается на выявлении предрасполагающих, провоцирующих, поддерживающих факторов и разрыве индивидуального биопсихосоциального порочного круга. Этот круг включает в себя степень выраженности и длительность симптомов СРК; выраженность фокуса внимания на ощущениях в теле и желудочно-кишечной специфической тревоги.

- По сей день в основе ведения пациентов с СРК отдается большее предпочтение фармакотерапии и регуляции питания. При этом вероятность купирования симптомов составляет 38%, и ремиссия составляет лишь 1—6 месяцев. Согласно отечественным и зарубежным клиническим рекомендациям по лечению СРК только на протяжении 9—24 месяцев при неэффективности медикаментозного лечения рекомендуется определение целесообразности психотерапевтических методов лечения.

- Наличие этой низкой вероятности и короткой ремиссии создало острую необходимость в разработке и применении более симптоматически специфических протоколов лечения СРК, которые могут применяться одновременно с фармакотерапией. Например, когнитивно-поведенческая психотерапия, функциональная релаксация, терапия осознания тела, гипнотерапия, краткосрочная психоаналитическая терапия, травмофокусированная интерперсональная психотерапия и метод биологической обратной связи.

- Согласно зарубежным рекомендациям по лечению СРК, «золотым стандартом» для лечения пациентов с рефрактерным течением СРК, является когнитивно-поведенческая психотерапия (КПП).

Обзор зарубежных исследований по эффективности дистанционной когнитивно-поведенческой психотерапии «второй» и «третьей» волны при лечении СРК

Автор, год	Дизайн	Участники	Протокол психотерапии, кол-во сессий	Оценка эффективности	Результаты и ремиссия
J.M. Laskner, J. Jassard, S.S. Krasner, 2008 [44]	РКИ	Ж=74%, от 18 до 70 лет	Три группы респондентов, получающих следующее лечение: 1. Полный дистанционный протокол КПП «вторая волна» (standard CBT, S-CBT). 6 модулей с домашними заданиями. 10 недель лечения. 2. Протокол КПП минимального контакта (MC-CBT), 4 сессии с акцентом на материалы для самообучения. Две 10 минутных телефонных сессий на 3 и 7 неделе терапии. 10 недель. 3. Самоконтроль симптомов (WLC)	IBS SSS; IBS-QOL	Протокол КПП минимального контакта показал такую же клиническую эффективность, как и полный протокол при уменьшении основных симптомов СРК (IBS SSS), улучшении качества жизни (IBS-QOL). Улучшение симптомов СРК наблюдалось при MC-CBT у 72%, S-CBT у 60,9%, WLC у 7,4% респондентов. Ремиссия: 12 месяцев
M.G. Hunt, S. Moshier, M. Milonova, 2009 [23]	РКИ	М=10; Ж=44 с 19 до 59 лет	Основная группа: 5 онлайн модулей КПП с компонентами психообразования и поведенческими экспериментами. 5 недель терапии Контрольная группа: групповое обсуждение симптомов; монотерапия фармакотерапией; самоконтроль симптомов (Wait List Control, WLC)	GSRs-IBS; ASI; IBS-QOL; CPSQ; VSA	По сравнению с контрольной, в основной группе наблюдалось улучшение симптомов ЖКТ (GSRs-IBS, $p < 0,01$); качества жизни с СРК (IBS-QOL, $p < 0,05$). Снизилась чувствительность к тревоге (ASI, $p < 0,01$); фиксация на ощущениях (CPSQ, $p < 0,01$); висцеральная чувствительность (VAS, $p < 0,05$) и катастрофизация ($p < .05$) Ремиссия: 12 месяцев
V. Ljotsson, et al., 2010 [27]	РКИ	Ж=79%, М ^{возраст} = 34,6 лет	Основная группа: дистанционная форма КПП с 5 этапами лечения, включающая техники усиления осознанности (web-based mindfulness), экспозиции (exposure) и онлайн-дискуссионным форумом. 10 недель терапии Контрольная группа: самоконтроль симптомов (WLC)	GI Symptom Diary; GSRs- IBS; IBS-QOL; VSI; MADRS-S	Большинство респондентов (69%) в основной группе выполнили все модули. Снизилась симптомы вздутия и абдоминальной боли (GI Symptom Diary, $p < 0,001$). Улучшилось качество жизни (IBS-QOL ($p < 0,04$)). Минимизировались симптомы СРК (GSRs- IBS, $d = 1,19$) и их тяжесть ($d = 1,21$) по сравнению с контрольной группой. Снизилась симптомы депрессии (MADRS-S, $d = 0,43$). Ремиссия: 15—18 месяцев.
E.Andersson, V. Ljotsson, 2011 [6]	РКИ	Ж=73%, от 21 до 61 лет М ^{возраст} = 36,4 лет	Основная группа: дистанционная форма КПП, включающая техники усиления осознанности (web-based mindfulness), экспозиции (exposure) с поддержкой пациента по электронной почте. 10 недель. Контрольная группа: дискуссионный форум, поддержка терапевтом	GSRs-IBS MADRS-S	В основной группе благоприятный ответ на лечение. Снижение симптомов СРК (GSRs-IBS) и депрессии (MADRS-S) составил 0,36 в отличии от контрольной группы 0,02. Ремиссия: 12 месяцев
V. Ljotsson, et al., 2011 [6]	РКИ	Ж=77%, М ^{возраст} = 38,9 лет	Основная группа: дистанционная КПП с акцентом на экспозицию (internet-delivered exposure-based CBT). 10 недель лечения Контрольная группа: терапия управления стрессом (web-based stress management program)	GSRs-IBS; VSI; HADS;	У 56—75% респондентов проходивших КПП и 34-54% проходивших терапию управления стрессом, испытывали облегчение от боли и/или дискомфорта, связанного с СРК. Снизилась воспринимаемый стресс, симптомы депрессии; желудочно-кишечная специфическая тревога. Ремиссия: 6 месяцев

Автор, год	Дизайн	Участники	Протокол психотерапии, кол-во сессий	Оценка эффективности	Результаты и ремиссия
В. Ljöjsson, 2011 [34]	рки	Ж=74%, М _{возраст} = 34,2 лет	Основная группа: дистанционная КПП с акцентом на экспозицию и усиление осознанности. 5 модулей. 10 недель лечения Контрольная группа: онлайн дискуссионный форум	GI Symptom Diary; GSRs- IBS; IBS-QOL; VSI; MADRS-S	В основной группе наблюдалось большее снижение выраженности симптомов СРК по сравнению с группой контроля (GSRs- IBS, $d=0,77$), также улучшение качества жизни (IBS-QOL, $d=0,79$) и снижение висцеральной чувствительности (VAS, $d=0,63$) Ремиссия: 12 месяцев
Н. Everitt et al., 2013 [35]	РКИ	Ж=105; М=30; от 16 до 16 лет	Основная группа: веб-программа управления стрессом (web-based CBT self-management programme, Regu8) с наличием полной поддержки (телефонная сессия, электронная почта). 8 сессий с интерактивными компонентами (подсказки, напоминания), а также составления персональной модели СРК 6 недель лечения Контрольная группа: веб-программа управления стрессом с минимальной поддержкой.	IBS-SSS; IBS-QOL; HADS;	При терапии с полной поддержкой наблюдалось улучшение качества жизни (IBS-QOL, $p < 0,000$), снижение выраженности симптомов СРК (IBS-SSS, $p = < 0,000$) и депрессии (HADS, $p = < 0,001$). Ремиссия: 12 месяцев
В. Ljöjsson, 2014 [29]	рки	Ж=80%, М _{возраст} = 35,6 лет	Основная группа: дистанционная КПП с акцентом на экспозицию и усиление осознанности. 5 модулей. 10 недель лечения Контрольная группа: онлайн дискуссионный форум	GI Symptom Diary; GSRs- IBS; IBS-QOL; VSI; MADRS-S	Дистанционная КПП повлияла на улучшение удовлетворенности качеством жизни (IBS-QOL, $d=0,41$), степень выраженности симптомов СРК (GSRs- IBS, $d=0,47$) в отличие от контрольной группы. Наблюдалось снижение желудочно-кишечной специфической тревоги (VSI, $d=0,36$) и симптомов депрессии (MADRS-S, $d=0,41$) Ремиссия: 6 месяцев
S.D. Dom et al., 2015 [13]	пи	Ж=35; М=5; от 18 до 80	Веб-программа поведенческого управления симптомами СРК (web-based intervention focused on IBS-related). Включала блоки: психообразования; навыки управления, и планирования, и коммуникативную поддержку. Терапия 12 недель.	IBS-SSS; IBS-QOL;	У респондентов улучшилось понимание и поведенческое управление симптомами СРК (IBS-SSS, $p < 0,0001$). Повысилась удовлетворенность качеством жизни (IBS-QOL, $p < 0,02$) Ремиссия: 12 месяцев
Andersen, M. Liltvedt 2017 [7]	рки	Ж=73% от 20 до 56	Основная группа: онлайн-программа самопомощи (eHealth program) состояла из оценки состояния и 5 модулей, представленных гастроэнтерологом, физиотерапевтом, диетологом и психиатром. 6—8 недель терапии Контрольная группа: Самоконтроль симптомов в рамках интернет школы (IBS-school)	IBS-QOL; IBS-SSS; HADS	Из 52 пациентов 40 завершили полностью терапию. Наблюдалось большее улучшение удовлетворенности качеством жизни (IBS-QOL, $p = 0,00003$), снижение симптомов СРК (IBS-SSS, $p = 0,001$) по сравнению с контрольной группой. Ремиссия: 12 месяцев

Автор, год	Дизайн	Участники	Протокол психотерапии, кол-во сессий	Оценка эффективности	Результаты и ремиссия
M.G. Hunt, L. Rodriguez, E. Marcelle, 2017 [21]	рки	Ж=47; М=13; от 19 до 59 лет	Основная группа: онлайн когнитивно-поведенческое руководство по управлению симптомами СРК (CBT IBS-specific Workbook Delivered Online) состоящее из 9 разделов с 6 модулями. Терапия 6 недель. Контрольная группа: самоконтроль симптомов (WLC)	HBI; GSRs- IBS; VSI; GI-COG; BDI; STAI	По сравнению с контрольной в основной группе наблюдались улучшения в социальной активности (HBI, $p = .001$), тяжести симптомов СРК (GSRs- IBS, $p < .001$), висцеральной чувствительности (VSI, $p < .001$). Снизились катастрофизация, беспокойство за симптомы (GI-COG, $p < .001$), симптомы депрессии (BDI, $p < .001$) и тревоги (STAI, $p < .001$). Ремиссия 6 месяцев.
M. Vonnet, O. Olén, M, Labouni, 2017 [26]	рки	Подростки с 13 до 17 лет	Основная группа: протокол экспозиционной терапии (Exposure-based Internet-CBT) 10 модулей для подростков и 5 модулей для родителей. Модули состояли из коротких текстов, примеров, видеороликов. Сопровождались домашними упражнениями. 10 недель Контрольная группа: самоконтроль симптомов (WLC)	GSRs- IBS PedsQL VSI IBS-BRQ	По сравнению с контрольной в основной группе наблюдалось улучшение симптомов СРК (GSRs- IBS), избегающего поведения (IBS-BRQ), качества жизни (PedsQL), висцеральной чувствительности (VSI) и тревожности (SCAS-C) 83 % подростков удовлетворены результатом дистанционного форма КПП Ремиссия 6 месяцев.

Примечание. РКИ — рандомизированное клиническое исследование; ПИ — пилотное исследование; IBS-QOL — оценка качества жизни пациента с СРК; IBS-SSS — шкала тяжести симптомов СРК; HADS — Госпитальная шкала тревоги и депрессии; HBI — индекс Харви-Брэдшоу; PedsQL — Педиатрическая оценка качества жизни; GI-COG — опросник специфички мышления при СРК; BDI — шкала депрессии А. Бека; STAI — шкала оценки симптомов тревоги С. Спилберга; GSRs-IBS — шкала оценки желудочно-кишечных симптомов; ASI — индекс чувствительности к тревоге; VSI — индекс висцеральной чувствительности; MADRS-S — Шкала Монтгомери — Асберга для оценки депрессии; GI Symptom Diary — дневник желудочно-кишечных симптомов

• Однако, очные, стандартные протоколы КПП в настоящее время обычно не предлагаются пациентам из-за различных барьеров. В качестве альтернативы, в связи с широким развитием *телемедицины*, начинают внедряться специалист-управляемые и полностью автоматизированные формы дистанционной КПП СРК.

• Дистанционная КПП обладает следующими *преимуществами*: географическая независимость, персонализация лечения, наличие постоянной поддержки пациента, снижение физических и психосоциальных барьеров, большой охват пациентов, клиническая эффективность лечения, и экономическая эффективность.

• Выделяют первую, вторую и третью волны развития протоколов КПП при лечении СРК. Показана эквивалентность эффективности данных протоколов психотерапии наряду с спазмолитической и антидепрессантной терапией при управлении симптомами раздраженного кишечника.

• Мишени КПП выстраиваются с учетом психиатрического, коморбидного статуса пациента, варианта течения СРК. При тревожном варианте акцент делается на желудочно-кишечной специфической тревоге. При

депрессивно-ипохондрическом варианте — тревоге о болезни, гиперактивации, снижении потребности в одобрении и разубеждении. При депрессивно-фобическом и шизоморфном вариантах — снижении канцерофобических и танатофобических переживаний.

• Дистанционная когнитивно-поведенческая психотерапия включает в себя: телемедицинский скрининг состояния здоровья пациента и персонализированные модули (4-9), направленные на просвещение пациента об СРК и формирование навыков управления симптомами СРК, усиление психологической устойчивости.

• Обзор зарубежных исследований с 2008 по 2018 год показал, что дистанционные протоколы КПП снижают у пациентов с СРК желудочно-кишечную специфическую тревогу, избегающее поведение, улучшают качество жизни. Более половины пациентов выполняют все модули лечения. Ремиссия сохраняется на протяжении 9—12 месяцев. К ключевому недостатку имеющихся исследований следует отнести вопрос эффективности КПП в рамках моно — и комплексной терапии СРК.

Благодарность

Авторы выражают благодарность за помощь в написании данной статьи главному гастроэнтерологу Центральной дирекции здравоохранения — филиала ОАО «РЖД», врачу-гастроэнтерологу высшей категории, кандидату медицинских наук — Ю.А. Кучерявому.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алгоритм ведения пациентов с синдромом раздраженного кишечника. Римские критерии IV [Электронный ресурс] / И.В. Маев [и др.] // Русский медицинский журнал. 2017. № 10. С. 718—722. URL: https://www.rmj.ru/articles/gastroenterologiya/Algoritm_vedeniya_pacientov_s_sindromom_razdraghennogo_kishechnika_Rimskie_kriterii_IV/#ixzz5Mm5ryFYy (дата обращения: 10.12.2018).
2. Клинические рекомендации Российской гастроэнтерологической ассоциации, Ассоциации колопроктологов России по диагностике и лечению больных с синдромом раздраженного кишечника [Электронный ресурс] / В.Т. Ивашкин [и др.] // Российский журнал гастроэнтерологии, гепатологии, колопроктологии. 2014. № 2. С. 92—101. URL: http://www.gastro.ru/userfiles/Recom_SRK.pdf (дата обращения: 10.12.2018).
3. *Мариллов В.В.* Психосоматозы. Психические заболевания желудочно-кишечного тракта. М.: Миклош, 2007. 152 с.
4. Функциональные расстройства желудочно-кишечного тракта. Практический подход на основе клинического опыта / Под ред. Брайана Е. Лейси, Майкла. Д. Кроуэла. М.: ГЕОТАР-Медиа, 2017. 352 с.
5. A controlled evaluation of group cognitive therapy in the treatment of irritable bowel syndrome / E.B. Blanchard [et al.] // Behaviour research and therapy. 2007. Vol. 45. № 4. P. 633—648. doi:10.1016/j.brat.2006.07.003
6. Acceptability, effectiveness, and cost-effectiveness of internet-based exposure treatment for irritable bowel syndrome in a clinical sample: a randomized controlled trial / B. Ljótsson [et al.] // BMC Gastroenterol. 2011. Vol. 11. № 110. 13 p. doi:10.1186/1471-230X-11-110
7. *Andersen M.* Evaluation of a guided self-help intervention for irritable bowel syndrome. An interdisciplinary eHealth approach [Электронный ресурс]: Master Thesis in Clinical Nutrition. Bergen: University of Bergen, 2017. 129 p. URL: http://bora.uib.no/bitstream/handle/1956/17705/Master-thesis_Mari-Liltvedt-Andersen_011217.pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращение: 10.12.2018).
8. Assessing Cognitive behavioural Therapy in Irritable Bowel (ACTIB): protocol for a randomised controlled trial of clinical-effectiveness and cost-effectiveness of therapist delivered cognitive behavioural therapy and web-based self-management in irritable bowel syndrome in adults / H. Everitt [et al.] // BMJ open. 2015. Vol. 5. № 7. P. 1—15. doi:10.1136/bmjopen-2015-008622
9. Behavioural psychotherapy in the treatment of irritable bowel syndrome / R.H. Corney [et al.] // Journal of Psychosomatic Research. 1991. Vol. 35. № 4—5. № 4. P. 461—469. doi:10.1016/0022-3999(91)90041-L
10. Biopsychosocial Aspects of Functional Gastrointestinal Disorders / L. Van Oudenhove [et al.] // Gastroenterology. 2016. Vol. 150. № 6. P. 1355—1367. doi:10.1053/j.gastro.2016.02.027

11. Cognitive behavioral therapy for irritable bowel syndrome: the effects on state and trait anxiety and the autonomic nervous system during induced rectal distensions — An uncontrolled trial / H. Edebol-Carlman [et al.] // *Scandinavian Journal of Pain*. 2018. Vol. 18. № 1. P. 81—91. doi:10.1515/sjpain-2017-0153
12. Cost-effectiveness of internet-based cognitive behavior therapy for irritable bowel syndrome: results from a randomized controlled trial / E. Andersson [et al.] // *BMC Public Health*. 2011. Vol. 11. P. 1-7. doi:10.1186/1471-2458-11-215
13. Development and pilot testing of an integrated, web-based self-management program for irritable bowel syndrome (IBS) / S.D. Dorn [et al.] // *Neurogastroenterology & Motility*. 2015. Vol. 27. № 1. P. 128—134. doi:10.1111/nmo.12487
14. Diagnosis and Management of IBS in Adults / T. Wilkins [et al.] // *Am Fam Physician*. 2012. Vol. 86. № 5. P. 419—426.
15. Effects of Self-Management Interventions in Patients With Irritable Bowel Syndrome: Systematic Review / X. Cong [et al.] // *Western Journal of Nursing Research*. 2018. Vol. 40. № 11. doi:10.1177/0193945917727705
16. Efficacy of antidepressants and psychological therapies in irritable bowel syndrome: systematic review and meta-analysis / A.C. Ford [et al.] // *Gut*. 2009. Vol. 58. № 3. P. 367—378. doi:10.1136/gut.2008.163162
17. Efficacy of Dialectical Behavior Therapy on Stress, Resilience and Coping Strategies in Irritable Bowel Syndrome Patients / S.A. Haghayegh [et al.] // *Zahedan Journal of Research in Medical Sciences*. 2017. Vol. 19. № 1. P. 1—7. doi:10.17795/zjrms-5809
18. Eriksson E.M., Andrén K.I., Eriksson H.T. Non-Pharmacological Approach to Irritable Bowel Syndrome [Электронный ресурс] // *INTECH*. 2017. P. 65—85. URL: <https://cdn.intechopen.com/pdfs/53108.pdf> (дата обращения: 10.12.2018).
19. Guided Internet-Based Treatments in Psychiatry / Eds. Nils Lindefors, Gerhard Andersson. Cham: Springer, 2016. 235 p.
20. Halpert A. Irritable Bowel Syndrome: Patient-Provider Interaction and Patient Education // *Journal of Clinical Medicine*. 2018. Vol. 7. № 1. P. 1-10. doi:10.3390/jcm7010003
21. How does exposure therapy work? A comparison between generic and gastrointestinal anxiety-specific mediators in a dismantling study of exposure therapy for irritable bowel syndrome / H. Hesser [et al.] // *Journal of Consulting and Clinical Psychology*. 2018. Vol. 86. № 3. P. 254—267. doi:10.1037/ccp0000273
22. Hunt M.G., Moshier S., Milonova M. Brief cognitive-behavioral internet therapy for irritable bowel syndrome // *Behaviour Research and Therapy*. 2009. Vol. 47. P. 797—802. doi:10.1016/j.brat.2009.05.002
23. Hunt M.G., Rodriguez L., Marcelle E. A Cognitive Behavioral Therapy Workbook Delivered Online with Minimal Therapist Feedback Improves Quality of Life for Inflammatory Bowel Disease Patients // *Internal Medicine Review*. 2017. Vol. 3. № 10. P. 1—16.
24. IBS global impact report 2018 : Uncovering the true burden of irritable bowel syndrome (IBS) on people's lives [Электронный ресурс]. 2018. 47 p. URL: <https://badgut-5q10xayth7t3zjokbv.netdna-ssl.com/wp-content/uploads/IBS-Global-Impact-Report.pdf> (дата обращения: 10.12.2018).
25. Improvement in Gastrointestinal Symptoms After Cognitive Behavior Therapy for Refractory Irritable Bowel Syndrome / J.M. Lackner [et al.] // *Gastroenterology*. 2018. Vol. 155. № 1. P. 47—57. doi:10.1053/j.gastro.2018.03.063
26. Internet-delivered cognitive behavior therapy for adolescents with functional gastrointestinal disorders — An open trial / M. Bonnert [et al.] // *Internet Interventions*. 2014. Vol. 1. № 3. P. 141—148. doi:10.1016/j.invent.2014.07.002
27. Internet-delivered exposure and mindfulness based therapy for irritable bowel syndrome—a randomized controlled trial / B. Ljótsson [et al.] // *Behaviour Research and Therapy*. 2010. Vol. 48. № 6. P. 531—539. doi:10.1016/j.brat.2010.03.003
28. Internet-delivered exposure-based treatment vs. stress management for irritable bowel syndrome: a randomized trial / B. Ljótsson [et al.] // *The American Journal of Gastroenterology*. 2011. Vol. 106. № 8. P. 1481—1491. doi:10.1038/ajg.2011.139
29. Internet-versus group-administered cognitive behaviour therapy for panic disorder in a psychiatric setting: a randomised trial / J. Bergström, G. Andersson, B. Ljótsson [et al.] // *BMC psychiatry*. 2010. Vol. 10. ID article 54. doi:10.1186/1471-244X-10-54
30. Irritable bowel syndrome diagnosis and management: A simplified algorithm for clinical practice / P. Moayyedi [et al.] // *United European Gastroenterol Journal*. 2017. Vol. 5. № 6. P. 773—788. doi:10.1177/2050640617731968
31. Irritable bowel syndrome in adults: diagnosis and management / The National Institute for Health and Care Excellence. London; Manchester, UK: NICE, 2008. 22 p. URL: <https://www.nice.org.uk/guidance/cg61/resources/irritable-bowel-syndrome-in-adults-diagnosis-and-management-pdf-975562917829> (дата обращения: 10.12.2018).
32. Irritable Bowel Syndrome: Diagnosis and Clinical Management / Eds. Anton Emmanuel, Eamonn M.M. Quigley. Chichester, West Sussex: Wiley-Blackwell, 2013. 335 p.
33. Lackner J.M. No brain, no gain: The role of cognitive processes in irritable bowel syndrome // *Journal of Cognitive Psychotherapy*. 2005. Vol. 19. № 2. P. 125—36. doi:10.1891/jcop.19.2.125.66788
34. Long-term follow-up of internet-delivered exposure and mindfulness based treatment for irritable bowel syndrome / B. Ljótsson [et al.] // *Behaviour Research and Therapy*. 2011. Vol. 49. № 1. P. 58—61. doi:10.1016/j.brat.2010.10.006
35. Management of irritable bowel syndrome in primary care: the results of an exploratory randomised controlled trial of mebeverine, methylcellulose, placebo and a self-management website / H. Everitt [et al.] // *BMC Gastroenterol*. 2013. Vol. 13. № 1. P. 1—13. doi:10.1186/1471-230X-13-68

36. Management of the multiple symptoms of irritable bowel syndrome / M. Simren [et al.] // *Lancet Gastroenterol Hepatol*. 2017. Vol. 2. № 2. P. 112—122. doi:10.1016/S2468-1253(16)30116-9
37. *Monsour M.J.* Virtual Reality as a Treatment for Irritable Bowel Syndrome [Электронный ресурс] // *The New School Psychology Bulletin*. 2011. Vol. 8. № 2. P. 34—45. URL: <http://nspb.net/index.php/nspb/article/view/161/90> (дата обращения: 14.12.2018).
38. Patients perspectives on GP interactions after cognitive behavioural therapy for refractory IBS: a qualitative study in UK primary and secondary care / A. Sibelli [et al.] // *The British journal of general practice : the journal of the Royal College of General Practitioners*. 2019. Vol. 68. № 674. P. 654—662. doi:10.3399/bjgp18X698321
39. *Pedersen N.* EHealth: Self-management in inflammatory bowel disease and in irritable bowel syndrome using novel constant-care web applications: EHealth by constant-care in IBD and IBS [Электронный ресурс] // *Danish Medical Journal*. 2015. Vol. 62. № 12. P. 51—68. URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/320b/74ff0dcdd85432feeedc2fcdacbc0b2d23e2.pdf> (дата обращения: 14.12.2018).
40. Provoking symptoms to relieve symptoms: a randomized controlled dismantling study of exposure therapy in irritable bowel syndrome / B. Ljótsson [et al.] // *Behaviour research and therapy*. 2014. Vol. 55. P. 27—39. doi:10.1016/j.brat.2014.01.007
41. *Psychological Co-morbidities of Physical Illness A Behavioral Medicine Perspective* / Ed. Sherry Pagoto. New York: Springer, 2011. 466 p. doi:10.1007/978-1-4419-0029-6
42. Psychological treatments for the management of irritable bowel syndrome / I.L. Zijdenbos [et al.] // *Cochrane Database of Systematic Reviews*. 2009. Vol. 21. № 1. doi:10.1002/14651858.CD006442.pub2
43. *Radziwon C.D., Lackner J. M.* Cognitive Behavioral Therapy for IBS: How Useful, How Often, and How Does It Work? // *Current gastroenterology reports*. 2017. Vol. 19. № 10. P. 49—67. doi:10.1007/s11894-017-0590-9
44. Self-administered cognitive behavior therapy for moderate to severe irritable bowel syndrome: clinical efficacy, tolerability, feasibility / J.M. Lackner [et al.] // *Clinical Gastroenterology and Hepatology*. 2008. Vol. 6. № 8. P. 899—906. doi:10.1016/j.cgh.2008.03.004
45. The cost-effectiveness of psychotherapy and Paroxetine for severe irritable bowel syndrome / F. Creed [et al.] // *Gastroenterology*. 2003. Vol. 124. P. 303—317. doi:10.1053/gast.2003.50055
46. The Effectiveness of Emotional Schema Therapy on the Emotional Schemas and Emotional Regulation in Irritable Bowel Syndrome: Single Subject Design / A. Erfan [et al.] // *Advanced biomedical research*. 2018. Vol. 72. № 7. doi:10.4103/abr.abr_113_16

Home-based cognitive behavioral psychotherapy in the treatment of irritable bowel syndrome: the specifics and effectiveness

Melehin A.I.,

head of the psychological service of clinical hospital № 2 MEDCI, clinical psychologist of the highest category, psychotherapist, Moscow, Russia, clinmelehin@yandex.ru

Ignatenko Yu.S.,

student of the Medical faculty of the first MGMU I.M. Sechenov Ministry of health of Russia (Sechenov University), Moscow, Russia, hvala_korolevna@rambler.ru

The irritable bowel syndrome (IBS) is a common debilitating functional disorder of the gastrointestinal tract. In the article are described, for the first time, the biopsychosocial model and the vicious circle of IBS development. Therapeutic route of maintenance IBS patients that includes pharmacological and non-pharmacological approaches is presented. Based on the analysis of foreign recommendations for the treatment of IBS, it is shown that the “gold standard” of non-drug treatment is full-time and remote cognitive behavioral psychotherapy (CBT). The advantages of the remote form of cognitive-behavioral psychotherapy of IBS are presented, psychotherapeutic targets are systematized, and the structure is described in detail. A protocol for monitoring symptoms of irritable bowel is presented. Based on the analysis of foreign studies, in the article are presented the effectiveness and limitations of remote-control protocols in the treatment of IBS.

Keywords: irritable bowel syndrome, cognitive behavioral psychotherapy, psychotherapy, biopsychosocial approach.

Acknowledgement

The authors express their gratitude for the help in writing this article to the chief gastroenterologist of the Central Directorate of health, the branch of the Russian Railways, the doctor-gastroenterologist of the highest category, PhD, Yu.A. Kucheryav'y.

REFERENCES

1. Maev I.V. et al. Algoritm vedeniya patsientov s sindromom razdrzhennogo kishechnika. Rimskie kriterii IV [Elektronnyi resurs] [The algorithm of management of patients with irritable bowel syndrome. Rome criteria IV]. *Russkii meditsinskii zhurnal [Russian Medical Journal]*, 2017, no. 10, pp. 718—722. Available at: https://www.rmj.ru/articles/gastroenterologiya/Algoritm_vedeniya_pacientov_s_sindromom_razdrzhennogo_kishechnika_Rimskie_kriterii_IV/#ixzz5Mm5ryFYy (Accessed 10.12.2018). (In Russ.; Abstr in Engl.).
2. Ivashkin V.T. et al. Klinicheskie rekomendatsii Rossiiskoi gastroenterologicheskoi assotsiatsii, Assotsiatsii koloproktologov Rossii po diagnostike i lecheniyu bol'nykh s sindromom razdrzhennogo kishechnika [Elektronnyi resurs] [Clinical recommendations of the Russian Gastroenterological Association, the Association of Coloproctologists of Russia for the diagnosis and treatment of patients with irritable bowel syndrome]. *Rossiiskii zhurnal gastroenterologii, gepatologii, koloproktologii [Russian Journal of Gastroenterology, Hepatology, Coloproctology]*, 2014, no. 2, pp. 92—101. Available at: http://www.gastro.ru/userfiles/Recom_SRK.pdf (Accessed 10.12.2018). (In Russ.).
3. Marilov V.V. Psikhosomatozozy [Psychosomatosis]. *Psikhicheskie zabolevaniya zheludochno-kishechnogo trakta [Mental diseases of the gastrointestinal tract]*. M.: Miklosh, 2007. 152 p. (In Russ.).
4. Funktsional'nye rasstroistva zheludochno-kishechnogo trakta. Prakticheskii podkhod na osnove klinicheskogo opyta [Functional disorders of the gastrointestinal tract. A practical approach based on clinical experience]. In E. Braiana, Maikla Leisi, D. Krouela (eds.). M.: GEOTAR-Media, 2017. 352 p. (In Russ.).
5. Blanchard E.B. et al. A controlled evaluation of group cognitive therapy in the treatment of irritable bowel syndrome. *Behaviour research and therapy*, 2007, vol. 45, no. 4, pp. 633—648. doi:10.1016/j.brat.2006.07.003
6. Ljótsson B. et al. Acceptability, effectiveness, and cost-effectiveness of internet-based exposure treatment for irritable bowel syndrome in a clinical sample: a randomized controlled trial. *BMC Gastroenterol*, 2011, vol. 11, no. 110, 13 p. doi:10.1186/1471-230X-11-110
7. Andersen M. Evaluation of a guided self-help intervention for irritable bowel syndrome. An interdisciplinary eHealth approach [Elektronnyi resurs] : Master Thesis in Clinical Nutrition. *University of Bergen*, 2017. 129 p. Available at: http://bora.uib.no/bitstream/handle/1956/17705/Master-thesis_Mari-Liltvedt-Andersen_011217.pdf?sequence=1&isAllowed=y (Accessed 10.12.2018).
8. Everitt H. et al. Assessing Cognitive behavioural Therapy in Irritable Bowel (ACTIB): protocol for a randomised controlled trial of clinical-effectiveness and cost-effectiveness of therapist delivered cognitive behavioural therapy and web-

- based self-management in irritable bowel syndrome in adults. *BMJ*, 2015, vol. 5, no. 7, pp. 1—15. doi:10.1136/bmjopen-2015-008622
9. Corney R.H. et al. Behavioural psychotherapy in the treatment of irritable bowel syndrome. *Journal of Psychosomatic Research*, 1991, vol. 35, no. 4—5, no. 4, pp. 461—469. doi:10.1016/0022-3999(91)90041-L
 10. Oudenhove L. Van et al. Biopsychosocial Aspects of Functional Gastrointestinal Disorders. *Gastroenterology*, 2016, vol. 150, no. 6, pp. 1355—1367. doi:10.1053/j.gastro.2016.02.027
 11. Edebol-Carlman H. et al. Cognitive behavioral therapy for irritable bowel syndrome: the effects on state and trait anxiety and the autonomic nervous system during induced rectal distensions — An uncontrolled trial. *Scandinavian Journal of Pain*, 2018, vol. 18, no. 1, pp. 81—91. doi:10.1515/sjpain-2017-0153
 12. Andersson E. et al. Cost-effectiveness of internet-based cognitive behavior therapy for irritable bowel syndrome: results from a randomized controlled trial. *BMC Public Health*, 2011, vol. 11, pp. 1—7. doi:10.1186/1471-2458-11-215
 13. Dorn S.D. et al. Development and pilot testing of an integrated, web-based self-management program for irritable bowel syndrome (IBS). *Neurogastroenterology & Motility*, 2015, vol. 27, no. 1, pp. 128—134. doi:10.1111/nmo.12487
 14. Wilkins T. et al. Diagnosis and Management of IBS in Adults. *Am Fam Physician*, 2012, vol. 86, no. 5, pp. 419—426.
 15. Cong X. et al. Effects of Self-Management Interventions in Patients With Irritable Bowel Syndrome: Systematic Review. *Western Journal of Nursing Research*, 2018, vol. 40, no. 11. doi:10.1177/0193945917727705
 16. Ford A.C. et al. Efficacy of antidepressants and psychological therapies in irritable bowel syndrome: systematic review and meta-analysis. *Gut*, 2009, vol. 58, no. 3, pp. 367—378. doi:10.1136/gut.2008.163162
 17. Haghayegh S.A. et al. Efficacy of Dialectical Behavior Therapy on Stress, Resilience and Coping Strategies in Irritable Bowel Syndrome Patients. *Zahedan Journal of Research in Medical Sciences*, 2017, vol. 19, no. 1, pp. 1—7. doi:10.17795/zjrms-5809
 18. Eriksson E.M., Andr n K.I., Eriksson H.T. Non-Pharmacological Approach to Irritable Bowel Syndrome [Elektronnyi resurs]. INTECH, 2017, pp. 65—85. Available at: <https://cdn.intechopen.com/pdfs/53108.pdf> (Accessed 10.12.2018).
 19. Guided Internet-Based Treatments in Psychiatry. In Nils Lindfors, Gerhard Andersson (eds.). Cham: Springer, 2016. 235 p.
 20. Halpert A. Irritable Bowel Syndrome: Patient-Provider Interaction and Patient Education. *Journal of Clinical Medicine*, 2018, vol. 7, no. 1, pp. 1—10. doi:10.3390/jcm7010003
 21. Hesser H. et al. How does exposure therapy work? A comparison between generic and gastrointestinal anxiety-specific mediators in a dismantling study of exposure therapy for irritable bowel syndrome. *J Consult Clin Psychol*, 2018, vol. 86, no. 3, pp. 254—267. doi:10.1037/ccp0000273
 22. Hunt M.G., Moshier S., Milonova M. Brief cognitive-behavioral internet therapy for irritable bowel syndrome. *Behaviour Research and Therapy*, 2009, vol. 47, pp. 797—802. doi:10.1016/j.brat.2009.05.002
 23. Hunt M.G., Rodriguez L., Marcelle E. A Cognitive Behavioral Therapy Workbook Delivered Online with Minimal Therapist Feedback Improves Quality of Life for Inflammatory Bowel Disease Patients. *Internal Medicine Review*, 2017, vol. 3, no. 10, pp. 1—16.
 24. IBS global impact report 2018 [Elektronnyi resurs] : Uncovering the true burden of irritable bowel syndrome (IBS) on people's lives, 2018. 47 p. Available at: <https://badgut-5q10xayth7t3zjokbv.netdna-ssl.com/wp-content/uploads/IBS-Global-Impact-Report.pdf> (Accessed 10.12.2018).
 25. Lackner J.M. et al. Improvement in Gastrointestinal Symptoms After Cognitive Behavior Therapy for Refractory Irritable Bowel Syndrome. *Gastroenterology*, 2018, vol. 155, no. 1, pp. 47—57. doi:10.1053/j.gastro.2018.03.063
 26. Bonnert M. et al. Internet-delivered cognitive behavior therapy for adolescents with functional gastrointestinal disorders — An open trial. *Internet Interventions*, 2014, vol. 1, no. 3, pp. 141—148. doi:10.1016/j.invent.2014.07.002
 27. Ljótsson B. et al. Internet-delivered exposure and mindfulness based therapy for irritable bowel syndrome—a randomized controlled trial. *Behaviour Research and Therapy*, 2010, vol. 48, no. 6, pp. 531—539. doi:10.1016/j.brat.2010.03.003
 28. Ljótsson B. et al. Internet-delivered exposure-based treatment vs. stress management for irritable bowel syndrome: a randomized trial. *The American Journal of Gastroenterology*, 2011, vol. 106, no. 8, pp. 1481—1491. doi:10.1038/ajg.2011.139
 29. Bergström J., Andersson G., Ljótsson B. et al. Internet-versus group-administered cognitive behaviour therapy for panic disorder in a psychiatric setting: a randomised trial. *BMC psychiatry*, 2010, vol. 10, ID article 54. doi:10.1186/1471-244X-10-54
 30. Moayyedi P. et al. Irritable bowel syndrome diagnosis and management: A simplified algorithm for clinical practice. *United European Gastroenterol Journal*, 2017, vol. 5, no. 6, pp. 773—788. doi:10.1177/2050640617731968
 31. Irritable bowel syndrome in adults: diagnosis and management. The National Institute for Health and Care Excellence. London; Manchester, UK: NICE, 2008. 22 p. Available at: <https://www.nice.org.uk/guidance/cg61/resources/irritable-bowel-syndrome-in-adults-diagnosis-and-management-pdf-975562917829> (Accessed 10.12.2018).
 32. Emmanuel A., Quigley E.M.M. (eds.) Irritable Bowel Syndrome: Diagnosis and Clinical Management. Chichester, West Sussex: Wiley-Blackwell, 2013. 335 p.
 33. Lackner J.M. No brain, no gain: The role of cognitive processes in irritable bowel syndrome. *Journal of Cognitive Psychotherapy*, 2005, vol. 19, no. 2, pp. 125—36. doi:10.1891/jcop.19.2.125.66788

34. Ljótsson B. et al. Long-term follow-up of internet-delivered exposure and mindfulness based treatment for irritable bowel syndrome. *Behaviour Research and Therapy*, 2011, vol. 49, no. 1, pp. 58—61. doi:10.1016/j.brat.2010.10.006
35. Everitt H. et al. Management of irritable bowel syndrome in primary care: the results of an exploratory randomised controlled trial of mebeverine, methylcellulose, placebo and a self-management website. *BMC Gastroenterol*, 2013, vol. 13, no. 1, pp. 1—13. doi:10.1186/1471-230X-13-68
36. Simren M. et al. Management of the multiple symptoms of irritable bowel syndrome. *Lancet Gastroenterol Hepatol*, 2017, vol. 2, no. 2, pp. 112—122. doi:10.1016/S2468-1253(16)30116-9
37. Monsour M.J. Virtual Reality as a Treatment for Irritable Bowel Syndrome [Elektronnyi resurs]. *The New School Psychology Bulletin*, 2011, vol. 8, no. 2, pp. 34—45. Available at: <http://nspb.net/index.php/nspb/article/view/161/90> (Accessed 14.12.2018).
38. Sibelli A. et al. Patients perspectives on GP interactions after cognitive behavioural therapy for refractory IBS: a qualitative study in UK primary and secondary care. *The British journal of general practice : the journal of the Royal College of General Practitioners*, 2019, vol. 68, no. 674, pp. 654—662. doi:10.3399/bjgp18X698321
39. Pedersen N. EHealth: Self-management in inflammatory bowel disease and in irritable bowel syndrome using novel constant-care web applications [Elektronnyi resurs]: EHealth by constant-care in IBD and IBS. *Danish Medical Journal*, 2015, vol. 62, no. 12, pp. 51—68. Available at: <https://pdfs.semanticscholar.org/320b/74ff0dcdd85432feeedc2fcdacbc0b2d23e2.pdf> (Accessed 14.12.2018).
40. Ljótsson B. et al. Provoking symptoms to relieve symptoms: a randomized controlled dismantling study of exposure therapy in irritable bowel syndrome. *Behav Res Ther*, 2014, vol. 55, pp. 27—39. doi:10.1016/j.brat.2014.01.007
41. Pagoto Sh. (ed.) Psychological Co-morbidities of Physical Illness A Behavioral Medicine Perspective. New York: Springer, 2011. 466 p. doi:10.1007/978-1-4419-0029-6
42. Zijdenbos I.L. et al. Psychological treatments for the management of irritable bowel syndrome. *Cochrane Database of Systematic Reviews*, 2009, vol. 21, no. 1. doi:10.1002/14651858.CD006442.pub2
43. Radziwon C.D., Lackner J. M. Cognitive Behavioral Therapy for IBS: How Useful, How Often, and How Does It Work? *Curr Gastroenterol Rep*, 2017, vol. 19, no. 10, pp. 49—67. doi:10.1007/s11894-017-0590-9
44. Lackner J.M. et al. Self-administered cognitive behavior therapy for moderate to severe irritable bowel syndrome: clinical efficacy, tolerability, feasibility. *Clin Gastroenterol Hepatol*, 2008, vol. 6, no. 8, pp. 899—906. doi:10.1016/j.cgh.2008.03.004
45. Creed F. et al. The cost-effectiveness of psychotherapy and Paroxetine for severe irritable bowel syndrome. *Gastroenterology*, 2003, vol. 124, pp. 303—317. doi:10.1053/gast.2003.50055
46. Erfan A. et al. The Effectiveness of Emotional Schema Therapy on the Emotional Schemas and Emotional Regulation in Irritable Bowel Syndrome: Single Subject Design. *Advanced biomedical research*, 2018, vol. 72, no. 7. doi:10.4103/abr.abr_113_16

ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ DEVELOPMENTAL PSYCHOLOGY

Игрушка как условный объект

Рябкова И.А.,

*старший научный сотрудник, отдел психолого-педагогической экспертизы игр и игрушек,
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия,
ibaladinskaya@gmail.com*

Шейна Е.Г.,

*старший научный сотрудник, отдел психолого-педагогической экспертизы игр и игрушек,
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия,
leshgp@gmail.com*

Статья представляет собой литературный обзор, посвященный игрушке. В центре внимания авторов — функция, или особые свойства, игрушки, которые делают этот предмет специфически игровым. Игрушка понимается как объект, отвечающий главной игровой характеристике — расхождению реального и смыслового поля, т.е. обладающий условностью. Условность игрового предмета провоцирует субъекта приписывать ему какие-нибудь значения, т.е. способствует построению собственных воображаемых ситуаций. Воображение, или создание мнимых ситуаций, связано с внутренним миром, личным опытом играющего, которые игрушка может только обнаружить, но не породить. В статье приведены данные различных исследований, которые показывают, что игрушка не развивает ребенка сама по себе, например, не может выступать источником агрессивного поведения или ранней сексуализации, как не может учить доброте и взаимовыручке.

Ключевые слова: игра, игрушка, игровые материалы, предметное замещение, игровая среда.

Для цитаты:

Рябкова И.А., Шейна Е.Г. Игрушка как условный объект [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2018. Том 7. № 4. С. 75—81. doi: 10.17759/jmfp.2018070408

For citation:

Ryabkova I.A., Sheina E.G. Toy as a conditional object [Elektronnyi resurs]. *Journal of Modern Foreign Psychology*, 2018, vol. 7, no. 4, pp. 75—81. doi: 10.17759/jmfp.2018070408 (In Russ.; Abstr. in Engl.).

Игрушка является предметом изучения в различных социальных, культурных и психологических науках. Психологические исследования, связанные с игрушкой, проводятся по всему миру и результаты этих исследований широко представлены в литературе [2; 4; 6; 8; 10; 16; 17; 20; 21]. Вместе с тем, нет общего представления о том, какую функцию выполняет игрушка в детской игре и тем более — что считать «хорошей» игрушкой. В то же время невозможно игнорировать тот факт, что игрушки каким-то образом влияют на игру. Опыт некоторых образовательных систем (таких, как Step by Step, Монтессори) и эмпирические данные показывают, что предметно-пространственная среда выступает организующим агентом деятельности ребенка. Например, в исследовании израильских психологов специально организованная предметная среда (предлагающая знакомые социальные сценарии — прием пищи, чтение книги, сон) оказывает существенное влияние на взаимодействие детей: стимулирует

детей старше 2-х лет к совместной игре, в отличие от детей 1,5—2-х лет, которые в такой среде сильнее конкурируют за игрушки и конфликтуют [25].

Г. Фейн перечисляет исследования, в которых показано, как определенная среда способствует созданию мнимой ситуации. Например, количество кукол напоминает ребенку собственную семью (Robinson 1946), куклы и материалы соответствуют домашнему укладу (Pintler 1945), в игре используются реалистичные материалы (Elder & Pederson 1978; Fein 1975b; Golomb 1977; Jeffree & McConkey 1976; Watson & Fischer 1977) [9].

Исследования разных видов игрушек свидетельствуют о том, что игрушки для сюжетной игры способствуют взаимодействию детей, открывают больше возможностей для поддержания диалога между детьми: способности договариваться, прислушиваться и сотрудничать друг с другом [16; 29], в то время как материалы, направленные на познавательную деятельность (пазлы, материалы для рисования, задачи) стимулируют индивиду-

альные занятия [29], а конструкторы (Лего, деревянные кубики и железная дорога) способствуют удержанию индивидуальных замыслов детей [16]. В то же время само устройство игрушек оказывает влияние на игру, например, действия детей различаются в зависимости от того может ли кукла «держаться» аксессуаров в руке или это приходится делать самому ребенку [2]. Облик предмета также обуславливает игру ребенка: нарисованные на кубиках лица способны переключить ребенка с конструирования на сюжетную игру [1].

При этом игрушки могут выступать не только в роли положительной опоры игры, но и препятствовать ее развитию. Например, Т. Гулден провел интересное исследование, посвященное тому, как тема игрушки влияет на создание игрового сюжета [10]. Он рассматривает игрушку как игровой концепт, который может включать в себя всевозможные медиа (мультфильмы, фильмы, игры и т. д.). Игровая тема понимается как сюжет, в котором ребенок играет, или как контекст, в котором игрушка создана и представлена. Игрушки, созданные по мотивам известных медиа-тем Т. Гулден называет игрушками-трансмедиа. Наблюдение за игрой детей с игрушками-трансмедиа показало, что дети следовали темам, соответствующим историям этих игрушек, не создавая собственных игровых тем. Он отмечает, что игрушки-трансмедиа представляют собой как бы униформу, которая сокращает количество и разнообразие игровых действий, снижая культурные различия. Т. Гулден делает вывод, что игрушки, не связанные с медиа, могут стимулировать самостоятельное создание темы игры, поддерживать личный опыт ребенка и, соответственно, богатую игру.

В исследовании Е.О. Смирновой и И.А. Рябковой также был обнаружен феномен торможения игры в среде с «закрытыми» игровыми материалами. Две группы детей играли с двумя группами материалов: экспериментальная группа играла в среде, наполненной маркерами роли (костюм пирата, халат врача и т.п.) и полифункциональными материалами (тканями, коробками, природными материалами и т.п.), а контрольная группа — только с полифункциональными материалами. Оказалось, что дети из экспериментальной группы играют меньше, их игры сюжетно однообразны и бедны на действия, в отличие от детей, играющих в открытой среде [3].

Количество игрушек также влияет на качество игры. Например, исследование К. Дауч с соавторами показало, что большое количество игрушек (16 против 4) мешает детям раннего возраста сосредотачиваться, уменьшает длительность игры с каждой игрушкой и разнообразие действий с ней [28].

Таким образом, можно говорить о том, что **игрушки и организация пространства важны для поддержки игры, самоорганизации детей, их взаимодействия и самочувствия**. Однако где проходит граница влияния игрушки

на ребенка? Один из самых острых вопросов в этой области — способна ли игрушка приводить к социально нежелательному поведению: ранней сексуализации, повышенной агрессивности и другим формам или, наоборот, развивать какое-либо желательное отношение (например, гуманное).

Решение этого вопроса кроется в понимании источника развития ребенка, который, как известно, находится не в предмете, а во взаимоотношениях между ребенком и взрослым (Л.С. Выготский). Неудивительно, что огромное число исследований, посвященных проблеме «агрессивных» и т.п. игрушек, не обнаруживают связи между игровым¹ и реальным поведением. В зарубежной литературе широко представлено изучение агрессивного поведения в связи с соответствующими игрушками, и многочисленные исследования показывают отсутствие корреляций между «агрессивными» играми и реальной агрессией детей [12; 14; 18; 20; 26; 30]. Аналогичные результаты были получены в исследовании с куклами Монстр Хай, проведенном под руководством Е.О. Смирновой: дошкольники развивают знакомые им бытовые сюжеты в игре с этими куклами, в то время как младшие школьницы чаще отражают сюжеты знакомого мультсериала. Это объясняется тем, что содержание произведения слишком сложно для дошкольников, более того, оно им часто не известно, а сам образ монстра, персонажа из потустороннего мира, не «читается» ими. На первый план выступает не образ игрушки сам по себе, а то знание, тот контекст, которым владеет ребенок. В таком случае «злые» Монстр Хай понимаются детьми по-разному: маленькие играют с ними как с обычными куклами — кормят причесывают, укладывают спать, старшие дети — играют в школу, волшебство и превращения, отношения между подругами и т. д. [5].

Аналогична ситуация с провокацией сексуального поведения игрушкой. Несмотря на широкий общественный резонанс, научных работ, посвященных связи между ранней сексуальностью и куклами типа Барби нам найти не удалось, что можно рассматривать как отсутствие такой проблемы в научном сообществе. Сексуализация, связанная с такими куклами, изучается в широком социальном контексте как становление гендера и связанных с ним стереотипов, например, как в эксперименте А. Шерман и Э. Цурбриген, в котором рассматривается связь игры с куклой Барби и выбора девочками возможных профессий для себя в будущем [24].

Отсутствие сексуального мотива надежно защищает ребенка от подобных «провокаций»: согласно многочисленным работам, чрезмерно выраженные сексуальные темы в играх маленьких детей всегда свидетельствуют о физиологическом и/или социальном неблагополучии ребенка².

Более того, в играх с Барби обнаруживают положительные развивающие аспекты [6]. Также многие авто-

¹ Здесь и далее говоря «игра», мы имеем в виду сюжетно-ролевую игру и игру с правилом.

² См. например, В.В. Ковалев. Семиотика и диагностика психических заболеваний у детей и подростков. М.: Медицина. 1985.

ры говорят о необходимости игр на агрессивные темы, поскольку такие игры развивают конвенциональность, социальную нормативность — в них формируется способность договариваться, следовать правилам и в целом они положительно сказываются на психическом развитии детей [11; 13; 14; 23; 27].

Положение об источнике развития подтверждается также другими экспериментами, в частности, исследованием Д. Марешал и С. Тан. Их исследование, призванное показать, как происходит категоризация в раннем возрасте, строилось на специфической предметной опоре — машинках-жучках (жучках на колесах). Эти игрушки необычны тем, что могут выступать и в качестве образной игрушки (персонажа), и в качестве машинки, т.е. их функция неоднозначна. Исследование показало, что дети возраста 18 месяцев используют те стратегии категоризации, которые предлагались и поддерживались взрослыми, т.е. играют с игрушкой соответственно своему знанию о ней: если взрослый обращался с игрушкой, как с «жучком», дети усваивали такой способ, если он демонстрировал игру с «машинкой», дети воспроизводили аналогичное обращение с игрушкой [15].

Использование игрушки обусловлено знаниями, представлениями или — шире — личностью самого ребенка. Вроде бы очевидно, что Барби-красавица «вызывает» соответствующие сюжеты: она включается в игру с переодеванием, модой и многими другими темами, но не используется в качестве объекта заботы [8]. Но как будет протекать игра с куклой Барби, если ее «женственность» игнорируется ребенком?

Исследование Л.И. Элькониновой и М.В. Антоновой отвечает на этот вопрос с позиции возраста детей: после 5 лет игра с Барби содержит темы перехода в новые отношения (свадьба, свидание и т.п.), причем число тем с Барби в 2 раза больше, чем с обычными куклами, зато до 5 лет содержание игр с Барби не отличается от игр с обычными куклами и касается семейных (детско-родительских) отношений [6]. Иными словами «красота» Барби, ее «привлекательность» прочитывается и используется как ведущий мотив игры у детей после 5 лет, но не выступает в качестве побудительного мотива игры у младших дошкольников.

Таким образом, **игрушка не развивает личность ребенка**. Вопреки представлениям некоторых авторов (В.В. Абраменкова, О.А. Карабанова и др.), не существует «добрых игрушек», развивающих доброту, так же как нет «злых», развивающих агрессию. Содержание игры зависит в первую очередь от потребности, переживания ребенка, от тех аффективных центров, которые выступают в качестве организующего аспекта игрового поведения ребенка, поэтому игрушка не может сделать ребенка агрессивным или привести к половому возбуждению или сексуальному поведению без соответствующего аффекта в самом ребенке.

Эмпирический опыт психиатров и психотерапевтов также показывает, что сами по себе игрушки никогда не выступают в роли триггеров неврозов или психозов — то есть не несут рисков для психического развития детей [4].

Следовательно, с одной стороны, отсутствие соответственного переживания у ребенка надежно «защищает» его от «побудительной» силы игрушки, а с другой — соответствие образа этому переживанию способно усилить его, способствуя реализации в игре. Важно понимать, что достаточно интенсивное побуждение находит свое выражение в любом случае — даже без соответствующих предметных опор или вопреки доступному материалу. Так, в практической деятельности мы неоднократно наблюдали, как дети делают себе «оружие» из подручных материалов в условиях отсутствия таких игрушек. Существующая потребность «ищет» подходящий объект для реализации тем больше, чем она сильнее, и при его обнаружении (или создании) будет реализована³. Есть данные, что старшие дети могут использовать игрушку по-своему — в соответствии со своим замыслом, а не с темой игрушки, т.е. дети активно преодолевают ограничения игрушек, чтобы играть в них согласно собственным идеям [2; 21]. Игрушка может выступать таким подходящим объектом, который способен «вызывать», усиливать существующее побуждение ребенка, т.е. она скорее похожа на стимул. Она представляет собой как бы свернутый «сценарий» (тему) игры, благодаря чему помогает обнаружить переживания играющего, сделать их явными, «предметными», и через эту вещь ответственность совладать с ними.

С этой точки зрения представляется важным рассуждение Л.-Э. Берга, который ставит вопрос о том, каким образом игрушка может приглашать к активности и к самовыражению. Он отвечает на этот вопрос, используя в качестве примера конструктор «Лего» [7]. Эта игрушка обладает важным свойством, делающим ее такой желанной — богатыми возможностями комбинирования. Благодаря этому свойству, Лего поддерживает богатую физическую и умственную активность детей (т.е. соответствует принципу активности). Кроме того, наборы Лего содержат различные фигурки и элементы, представляющие собой своего рода Гештальты (или Архетипы) — добрую и злую, грустную и веселую, сильную фигуры и т.д., благодаря чему субъектность тоже поддерживается. Л.-Э. Берг считает, что это настолько важные культурные Гештальты, что наличие их в игрушке автоматически делает ее поддерживающей субъектность ребенка.

Обнаружение своих переживаний вовне — в «моделях», персонажах, — поддерживает субъектность ребенка, его чувства. Различные игровые фигурки как бы призывают играющего встретиться со своими переживаниями, т.е. выполняют важную усиливающую и

³ См., например, Т.А. Куприна. Влияние типов межличностного взаимодействия детей дошкольного возраста на выбор игрового материала и игровую деятельность // Психологическая наука и образование. 2008. № 3. С. 72—80.

проявляющую функцию. Вынесенные вовне и представленные в предметных образах, они становятся: 1) различимыми, 2) опознаваемыми, и, благодаря игровым действиям, 3) управляемыми.

При этом важно понимать, что игровой план не равен реальному, т. е. играющий воплощает свой аффект не в реальном, а в идеальном плане, используя игрушку — опять же, предмет с идеальной функцией (с функцией идеи, а не орудия труда). Некоторые исследователи отмечают виртуальность как ключевое качество игры и игрушки [7; 19; 22; 27]. При этом виртуальность — это не просто изображение, т.е. игрушки не просто имитируют мир. Они вообще не существуют отдельно от играющего субъекта, они — «динамические» объекты, т. е. **становятся** предметами игры постольку, поскольку в них играют. В процессе игры ребенок приписывает им новые значения, создавая тем самым воображаемые миры. Игра с игрушками — это создание виртуального и сослагательного пространства (пространства «как будто»), где ребенок постоянно движется от реального к возможному [19].

Сфера воображения кардинально отличается от сферы восприятия, как возможность — от наличия и будущее — от настоящего. В этом и состоит особенное назначение игрушек: это реальный предмет с идеальной

функцией. Игрушечная ложка выглядит очень похожей на настоящую, она «притворяется» настоящей, она **как бы, понарошку** настоящая. Игрушка — предмет, содержащий два плана действий (реальный и потенциальный — план возможностей). «Двусмысленность» игрушки приглашает в игру, т.е. в мир виртуальных событий, или в мнимую ситуацию. Это означает, что игрушка не просто отвечает побуждению ребенка и усиливает его — она переводит это побуждение в другой, условный, план. А в условном плане ребенок действует согласно игровой идее, замыслу, т.е. произвольно. Следовательно, проигрывание различных побуждений в игре должно повышать способность ребенка управлять ими, в чем и состоит важнейшее свойство игры (а не в развитии социально желательного поведения).

Таким образом, игровой потенциал, содержащийся в игрушке, представляет собой своего рода альтернативу той функции, которая содержится в орудии труда: он воплощается в мнимой, а не реальной ситуации, и требует самостоятельного осмысления в создании условного плана событий, главным результатом которого является не развитие каких-то конкретных личностных качеств, но общей (мета) способности ребенка действовать во внутреннем плане путем опробования вариантов событий.

Финансирование

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ №18-013-01226 «Особенности ролевого замещения в игре дошкольников с функционально определенным и полифункциональным материалом».

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаспарова Е. М. Роль социального опыта в игре детей раннего и дошкольного возраста // Вопросы психологии. 1984. № 6. С. 43—51.
2. Нельсон А. Игра как опосредованное действие. Гендерный аспект // Психологическая наука и образование. 2011. № 2. С. 93—101.
3. Смирнова Е.О., Рябкова И.А. Ролевое замещение в разных предметных средах // Вопросы психологии. 2018. № 1. С. 12—20.
4. Смирнова Е.О. Современные игрушки: риски и опасности (по материалам семинара в центре игры и игрушки МГППУ) // Культурно-историческая психология. 2016. Т. 12. № 2. С. 86—89. doi:10.17759/chp.2016120209.
5. Что видят и чего не видят дети в куклах Монстр Хай / Смирнова Е.О., [соавт.] // Современное дошкольное образование: Теория и практика. 2016. № 2. С. 34—43.
6. Эльконинова Л.И., Антонова М.В. Специфика игры с куклой Барби у детей дошкольного возраста // Психологическая наука и образование. 2002. № 4. С. 38—52.
7. Berg Lars-Erik. Defining the good toy — an interactionistic approach // Toys as communication: Toy research in the late twentieth century. Part 1 / Eds. Lars-Erik Berg, Anders Nelson, Kristen Svensson. Stockholm: SITREC, 2003. P. 139—154.
8. Berg Lars-Erik. Toys and play in identity construction for preschool children; a pilot study of older preschool children // Toys as communication: Toy research in the late twentieth century. Part 2 / Eds. Anders Nelson, Lars-Erik Berg, Kristen Svensson. Stockholm: SITREC, 2003. P. 193—208.
9. Fein G. Pretend Play in Childhood: An Integrative Review // Child Development. 1981. Vol. 52. № 4. P. 1095—1118. doi:10.2307/1129497.
10. Gulden T. Plenteous and limited play, transmedia storytelling-toys in light of individualist and social esthetics // International Journal of Play. 2016. Vol. 5. № 1. P. 77—92. doi:10.1080/21594937.2016.1147289
11. Hart L.J., Tannock T.M. Young children's play fighting and use of war toys [Электронный ресурс] // Encyclopedia on Early Childhood Development. 2013. P. 1—6. URL: <http://www.child-encyclopedia.com/sites/default/files/textes-experts/en/774/young-childrens-play-fighting-and-use-of-war-toys.pdf> (дата обращения: 02.04.2018).
12. Hellendoorn J., Harinck F.J.H. War toy play as a reflection of family culture // Toys as communication: Toy research in the late twentieth century. Part 2 / Eds. Anders Nelson, Lars-Erik Berg, Kristen Svensson. Stockholm: SITREC, 2003. P. 245—261.
13. Jenvey V.B. Australian children's toy and play preferences 1989—1995: Age, gender and contextual influences // Toys as communication: Toy research in the late twentieth century. Part 1 / Eds. Lars-Erik Berg, Anders Nelson, Kristen Svensson. SITREC, 2003. P. 105—121.

14. *Kline S.* Toys as media: young males (3-6) acquisition of pro-social play scripts for Rescue Hero action toys // Toys as communication: Toy research in the late twentieth century. Part 2 / Anders Nelson, Lars-Erik Berg, Kristen Svensson (Eds.). Stockholm: SITREC, 2003. P. 209—223.
15. *Mareschal D., Tan S.H.* The role of context in the categorization of hybrid toy stimuli by 18-month-olds // *Infancy*. 2008. Vol. 13. № 6. P. 620-639. doi:10.1080/15250000802458658.
16. *Møller S.J.* Imagination, Playfulness, and Creativity in Children's Play with Different Toys // *American Journal of Play*. 2015. Vol. 7. № 3. P. 322—346.
17. *Mouritsen F.* «Do children Really need all these toys?» — do adults // Toys as communication: Toy research in the late twentieth century. Part 2 / Eds. Anders Nelson, Lars-Erik Berg, Kristen Svensson. Stockholm: SITREC, 2003. P. 59—72.
18. *Parsons A., Howe N.* Superhero toys and boys' physically active and imaginative play // *Journal of Research in Childhood Education*. 2006. Vol. 20. № 4. P. 287—300. doi:10.1080/02568540609594568.
19. *Rasmussen T.H.* The virtual world of toys — playing with toys in a Danish preschool // Toys as communication: Toy research in the late twentieth century. Part 2 / Eds. Anders Nelson, Lars-Erik Berg, Kristen Svensson. Stockholm: SITREC, 2003. P. 47—57.
20. *Retter H.* Evaluation of toys today — against the background of contemporary changes in society and socialization // Toys as communication: Toy research in the late twentieth century. Part 1 / Eds. Lars-Erik Berg, Anders Nelson, Kristen Svensson. Stockholm: SITREC, 2003. P. 171—179.
21. *Rubin K.H., Howe N.* Toys and play behaviors: An overview // *Topics in Early Childhood Special Education*. 1985. Vol. 5. № 3. P. 1—10. doi:10.1177/027112148500500302
22. *Singer J.L.* Imaginative play and adaptive development // *Toys, play and child development* / Ed. J.H. Goldstein. New York: Cambridge University Press, 1994. P. 6—26.
23. *Singer D.G., Singer J.L.* The house of make-believe: Children's play and the developing imagination. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1990. 346 p.
24. *Sherman A., Zurbriggen E.L.* “Boys can be anything”: Effect of Barbie play on girls' career cognitions // *Sex Roles*. 2014. Vol. 70. № 5—6. P. 195—208. doi:10.1007/s11199-014-0347-y
25. *Shoheta C., Klein P.S.* Effects of variations in toy presentation on social behaviour of infants and toddlers in childcare // *Early Child Development and Care*. 2010. Vol. 180. № 6. P. 823—834. doi:10.1080/03004430802460997
26. *Smith P.* The war play debate // *Toys, play and child development* / J.H. Goldstein (Ed). New York: Cambridge University Press, 1994. P. 6—26.
27. *Sutton-Smith B.* Play and ambiguity. Harvard University Press, 2009. 288 p.
28. The influence of the number of toys in the environment on toddlers' play / *Dauch C.* [et al.] // *Infant Behavior and Development*. 2018. Vol. 50. P. 78—87. doi:10.1016/j.infbeh.2017.11.005
29. *Trawick-Smith J., Russell H., Swaminathan S.* Measuring the effects of toys on the problem-solving, creative and social behaviours of preschool children // *Early Child Development and Care*. 2011. Vol. 181. № 7. P. 909—927. doi:10.1080/03004430.2010.503892
30. *Wegener-Spobring G.* War toys and aggressive play scenes // *Toys, play and child development* / J.H. Goldstein (Ed.). New York: Cambridge University Press, 1994. P. 6—26.

Toy as a conditional object

Ryabkova I.A.,

senior research fellow, the department of psychological expertise of games and toys, Moscow State University
of Psychology and Education, Moscow, Russia,
ibaladinskaya@gmail.com

Sheina E.G.,

senior research fellow, the department of psychological expertise of games and toys, Moscow State University
of Psychology and Education, Moscow, Russia,
leshgp@gmail.com

The paper presents the review of literature devoted to research of toys. The authors' focus is on the main function or special characteristics of a toy, that make it a toy. A toy is understood as a specifically playing object which means that it possesses the main characteristic of a play — the discrepancy between real and semantic field, i.e. it possesses conditionality. Conditionality of a play object provokes a person to attribute some meanings to the object i. e. it stimulates him to create imaginary situations. Imagination or creation of an imaginary situation is connected with the inner world, with the personal experience of a player, which a toy can only discover, but not produce. This paper presents research data that show that a toy does not develop a child by itself. For example, it cannot be a source of aggressive behavior or early sexualization, just like it cannot teach kindness and mutual assistance.

Keywords: play, toy, play materials, object substitution, play environment.

Funding

This work was supported by grant RFBR № 18-013-01226 «Peculiarities of role substitution in the game of preschoolers with functionally specific and multifunctional material».

REFERENCES

1. Gasparova E.M. Rol' sotsial'nogo opyta v igre detei rannego i doshkol'nogo vozrasta [The role of social experience in play of toddlers and preschool children]. *Voprosy psikhologii [Issues of psychology]*, 1984, no. 6, pp. 43—51. (In Russ.; Abstr. in Engl.).
2. Nel'son A. Igra kak oposredovannoe deistvie. Gendernyi aspekt [Playing as a Mediated Action. The Gender Aspect]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie [Psychological Science and Education]*, 2011, no. 2, pp. 93—101. (In Russ.; Abstr. in Engl.).
3. Smirnova E.O., Ryabkova I.A. Rolevoe zameshchenie v raznykh predmetnykh sredakh [Characteristics of perception by preschoolers of the play in various playing environment]. *Voprosy psikhologii [Issues of psychology]*, 2018, no. 1, pp. 12—20. (In Russ.; Abstr. in Engl.).
4. Smirnova E.O. Sovremennye igrushki: riski i opasnosti (po materialam seminaru v tsentre igry i igrushki MGPPU) [Modern Toys: Risks and Dangers (Materials from the Workshop at the MSUPE Center for Play and Toys)]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya [Cultural-Historical Psychology]*, 2016, vol. 12, no. 2, pp. 86—89. doi:10.17759/chp.2016120209 (In Russ.; Abstr. in Engl.).
5. Smirnova E.O. et al. Chto vidyat i chego ne vidyat deti v kuklakh Monstr Khai [What children see and don't see in Monster High dolls]. *Sovremennoi doshkol'noe obrazovanie. Teoriya i praktika [Preschool education today. Theory and practice]*, 2016, no. 2, pp. 34—43. (In Russ.; Abstr. in Engl.).
6. El'koninova L.I., Antonova M.V. Spetsifika igry s kukloi Barbi u detei doshkol'nogo vozrasta [Characteristics of preschoolers play with Barbie doll]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie [Psychological Science and Education]*, 2002, no. 4, pp. 38—52. (In Russ.).
7. Berg Lars-Erik. Defining the good toy — an interactionistic approach. In Lars-Erik Berg, Anders Nelson, Kristen Svensson (Eds.) *Toys as communication: Toy research in the late twentieth century. Part 1.* . Stockholm: SITREC, 2003, pp. 139—154.
8. Berg Lars-Erik. Toys and play in identity construction for preschool children; a pilot study of older preschool children. In Lars-Erik Berg, Anders Nelson, Kristen Svensson (Eds.). *Toys as communication: Toy research in the late twentieth century. Part 2.* Stockholm: SITREC, 2003, pp. 193—208.
9. Fein G. Pretend Play in Childhood: An Integrative Review. *Child Development*, 1981, vol. 52, no. 4, pp. 1095—1118. doi:10.2307/1129497
10. Gulden T. Plenteous and limited play, transmedia storytelling-toys in light of individualist and social esthetics. *International Journal of Play*, 2016, vol. 5, no. 1, pp. 77—92. doi:10.1080/21594937.2016.1147289

11. Hart L.J., Tannock T.M. Young children's play fighting and use of war toys [Elektronnyi resurs]. In *Encyclopedia on Early Childhood Development*, 2013, pp. 1—6. Available at: <http://www.child-encyclopedia.com/sites/default/files/textes-experts/en/774/young-childrens-play-fighting-and-use-of-war-toys.pdf> (Accessed:02.04.2018).
12. Hellendoorn J., Harinck F.J.H. War toy play as a reflection of family culture. In Lars-Erik Berg, Anders Nelson, Kristen Svensson (Eds.) *Toys as communication: Toy research in the late twentieth century. Part 2*. Stockholm: SITREC, 2003, pp. 245—261.
13. Jenvey V.B. Australian children's toy and play preferences 1989—1995: Age, gender and contextual influences. In Lars-Erik Berg, Anders Nelson, Kristen Svensson (Eds.) *Toys as communication: Toy research in the late twentieth century. Part 1*. Stockholm: SITREC, 2003, pp. 105—121.
14. Kline S. Toys as media: young males (3-6) acquisition of pro-social play scripts for Rescue Hero action toys. In Lars-Erik Berg, Anders Nelson, Kristen Svensson (Eds.) *Toys as communication: Toy research in the late twentieth century. Part 2*. Stockholm: SITREC, 2003, pp. 209—223.
15. Mareschal D., Tan S.H. The role of context in the categorization of hybrid toy stimuli by 18-month-olds. *Infancy*, 2008, vol. 13, no. 6, pp. 620-639. doi:10.1080/15250000802458658
16. Møller S.J. Imagination, Playfulness, and Creativity in Children's Play with Different Toys // *American Journal of Play*, 2015, vol. 7, no. 3, pp. 322—346.
17. Mouritsen F. «Do children Really need all these toys?» — do adults. In Lars-Erik Berg, Anders Nelson, Kristen Svensson (Eds.) *Toys as communication: Toy research in the late twentieth century. Part 2*. Stockholm: SITREC, 2003, pp. 59—72.
18. Parsons A., Howe N. Superhero toys and boys' physically active and imaginative play. *Journal of Research in Childhood Education*, 2006, vol. 20, no. 4, pp. 287—300. doi: 10.1080/02568540609594568
19. Rassmussen T.H. The virtual world of toys — playing with toys in a Danish preschool. In Lars-Erik Berg, Anders Nelson, Kristen Svensson (Eds.) *Toys as communication: Toy research in the late twentieth century. Part 2*. Stockholm: SITREC, 2003, pp. 47—57.
20. Retter H. Evaluation of toys today — against the background of contemporary changes in society and socialization. In Lars-Erik Berg, Anders Nelson, Kristen Svensson (Eds.) *Toys as communication: Toy research in the late twentieth century. Part 2*. Stockholm: SITREC, 2003, pp. 171—179.
21. Rubin K.H., Howe N. Toys and play behaviors: An overview. *Topics in Early Childhood Special Education*, 1985, vol. 5, no. 3, pp. 1—10. doi:10.1177/027112148500500302
22. Singer J.L. Imaginative play and adaptive development. In J.H. Goldstein (Ed.) *Toys, play and child development*, New York: Cambridge University Press, 1994, pp. 6—26.
23. Singer D.G., Singer J.L. The house of make-believe: Children's play and the developing imagination. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1990, 346 p.
24. Sherman A., Zurbriggen E.L. «Boys can be anything»: Effect of Barbie play on girls' career cognitions. *Sex Roles*, 2014, vol. 70, no. 5—6, pp. 195—208. doi:10.1007/s11199-014-0347-y
25. Shoheta C., Klein P.S. Effects of variations in toy presentation on social behaviour of infants and toddlers in childcare. *Early Child Development and Care*, 2010, vol. 180, no. 6, pp. 823—834. doi:10.1080/03004430802460997
26. Smith P. The war play debate. In J.H. Goldstein (Ed.) *Toys, play and child development*. New York: Cambridge University Press, 1994, pp. 6—26.
27. Sutton-Smith B. Play and ambiguity. Harvard University Press, 2009, 288 p.
28. Dauch C. et al. The influence of the number of toys in the environment on toddlers' play. *Infant Behavior and Development*, 2018, vol. 50, February, pp. 78—87. doi:10.1016/j.infbeh.2017.11.005
29. Trawick-Smith J., Russell H., Swaminathan S. Measuring the effects of toys on the problem-solving, creative and social behaviours of preschool children. *Early Child Development and Care*, 2011, vol. 181, no. 7, pp. 909—927. doi:10.1080/03004430.2010.503892
30. Wègener-Spöhring G. War toys and aggressive play scenes. In J.H. Goldstein (Ed.) *Toys, play and child development*. New York: Cambridge University Press, 1994, pp. 6—26.

Наши авторы

Александрова Елена Андреевна — кандидат культурологических наук, доцент кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования, ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия,
aleksandrovaee@gmail.com

Бульцева Мария Александровна — аспирант, аспирантская школа по психологии, факультет социальных наук, НИУ ВШЭ, стажер-исследователь международной научно-учебной лаборатории социокультурных исследований Экспертного института, НИУ ВШЭ, Москва, Россия
mbultseva@hse.ru

Гурина Оксана Дмитриевна — эксперт отдела психологических экспертиз и исследований, ГБУ г. Москвы «Московский исследовательский центр», Москва, Россия,
godgur@yandex.ru

Зыков Евгений Владимирович — кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры социальной и специальной педагогики и психологии Армавирской государственной педагогической академии, Армавир, Россия,
zykov_jenya@mail.ru

Игнатенко Юлия Сергеевна — студентка лечебного факультета ФГАОУ ВО Первый МГМУ им. И.М. Сеченова Минздрава России (Сеченовский Университет), Москва, Россия,
hvala_korolevna@rambler.ru

Кочетова Татьяна Викторовна — кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии управления факультета социальной психологии, ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия,
kochetovatv@gmail.com

Лебедева Надежда Михайловна — доктор психологических наук, профессор, департамент психологии, факультет социальных наук, заведующая международной научно-учебной лаборатории социокультурных исследований Экспертного Института, НИУ ВШЭ, Москва, Россия,
nlebedeva@hse.ru

Матусевич Елена Владиславовна — кандидат культурологических наук, преподаватель университета Гумбольта, Калифорния, США,
elena.matusevich@gmail.com

Мелехин Алексей Игоревич — заведующий психонкологической службой Клинической больницы № 2 МЕДСИ, клинический психолог высшей категории, психотерапевт, Москва, Россия,
clinmelehin@yandex.ru

Павлова Ольга Сергеевна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования, доцент педагогической кафедры, ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия,
os_pavlova@mail.ru

Рябкова Ирина Александровна — старший научный сотрудник, отдел психолого-педагогической экспертизы игр и игрушек, ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия,
ibaladinskaya@gmail.com

Фабрикант Маргарита Сауловна — кандидат психологических наук, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, лаборатория сравнительных исследований массового сознания Экспертного института, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики, Москва, Россия; Минск, Беларусь,
marharyta.fabrykant@gmail.co

Хухлаев Олег Евгеньевич — кандидат психологических наук, доцент, профессор, кафедра этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования, ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия,
huhlaevoe@mgppu.ru

Шейна Елена Георгиевна — старший научный сотрудник, отдел психолого-педагогической экспертизы игр и игрушек, ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия,
leshgp@gmail.com

Our authors

Alexandrova Elena Andreevna — candidate of cultural sciences, associate professor at the chair of ethnopsychology and psychological problems of multicultural education, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia, aleksandrovaee@gmail.com

Bultseva Mariya Aleksandrovna — postgraduate student, doctoral school of psychology, faculty of social sciences, research intern at the international laboratory for socio-cultural research, Expert Institute, National Research University «Higher School of Economics», Moscow, Russia, mbultseva@hse.ru

Gurina Oksana Dmitrievna — expert of the department of psychological expertise and research, Moscow Research Center, Moscow, Russia, godgur@yandex.ru

Zikov Evgenii Vladimirovich — candidate of psychological sciences, associate professor, associate professor at the chair of social and special education and psychology, Armavir State Pedagogical University, Armavir, Russia, zykov_jenya@mail.ru

Ignatenko Julia Sergeevna — student of the Medical faculty of the first MG MU. I.M. Sechenov Ministry of health of Russia (Sechenov University), Moscow, Russia, hvala_korolevna@rambler.ru

Kochetova Tat'yana Viktorovna — candidate of psychological sciences, associate professor at the chair of Management Psychology, Faculty of Social Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia, kochetovatv@gmail.com

Lebedeva Nadezhda Mikhaylovna — of psychological sciences, tenured professor, psychology department, faculty of social sciences, head of the international laboratory for socio-cultural research, Expert Institute, National Research University «Higher School of Economics», Moscow, Russia, nlebedeva@hse.ru

Matusevich Elena Vladislavovna — candidate of cultural sciences, lecturer at the Humboldt State University, California, USA, elena.matusevich@gmail.com

Melehin Aleksei Igorevich — head of the psychological service of clinical hospital № 2 MEDCI, clinical psychologist of the highest category, psychotherapist, Moscow, Russia, clinmelehin@yandex.ru

Pavlova Olga Sergeevna — candidate of pedagogical sciences, associate professor, chair of ethnopsychology and psychological problems in multicultural education, associate professor, chair of pedagogical psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia, os_pavlova@mail.ru

Ryabkova Irina Aleksandrovna — senior research fellow, the department of psychological expertise of games and toys, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia, ibaladinskaya@gmail.com

Fabrykant Marharyta Saulovna — PhD in psychology, PhD in sociology, senior research fellow, laboratory for comparative studies of mass consciousness of the Expert Institute, National Research University Higher School of Economics, associate professor, chair of psychology, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University, Moscow, Russia; Minsk, Belarus, marharyta.fabrykant@gmail.co

Khukhlaev Oleg Evgen'evich — candidate of psychological sciences, associate professor, associate professor at the chair of ethnopsychology and psychological problems of multicultural education, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia, huhlaevoe@mgppu.ru

Sheina Elena Georgievna — senior research fellow, the department of psychological expertise of games and toys, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia, leshgp@gmail.com